

SH OF GODS

Сергей Малицкий

ТЕНИ БОГОВ
ИСКУПЛЕНИЕ

12+

Сергей Малицкий
Тени Богов. Искупление

«МИРОСОФТ»

2018

Малицкий С.

Тени Богов. Искупление / С. Малицкий — «МИРОСОФТ», 2018

Мир изменялся дважды. Сначала он был опален в пламени упавшей звезды. Затем устоял в битве с демонами. И вот, через семь сотен лет чаша бытия вновь переполнилась. Колосья сущего созрели и склонились к земле. Грядет Жатва. Юная Гледа Бренин переступает порог, не ведая, что уже не вернется домой. Роман является сюжетной основой игры Ash of Gods: Redemption.

© Малицкий С., 2018

© МИРОСОФТ, 2018

Содержание

Пролог. Долина Милости	5
Глава первая. Альбиус	15
Глава вторая. Водан	25
Глава третья. Маски	35
Глава четвертая. Перевал	45
Глава пятая. Колокол	56
Глава шестая. Арка	71
Глава седьмая. Фальсион	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Пролог. Долина Милости

*«Никакое время не будет последним,
и за последним временем последует время,
но у каждого времени
есть начало, середина и конец».
Трижды пришедший
Книга пророчеств*

Вот она, Долина Милости, у самых ног. В две сотни лиг шириной. От подошвы Молочных гор до Геллских пиков. Если бы не высота, на которую пришлось взобраться, и не разглядишь на горизонте черные зубцы. Тишина. Лишь холодный ветер путается в скалах и чуть слышно звенит ручей в заледенелых камнях. Посмотреть бы с этакой высоты на другую долину – на ту, на которой сошлись две силы, готовые перемолоть друг друга в кровавую пыль. Услышать бой барабанов, заранее зная, чем он обернется. И успеть вернуться к той, которая стоит за спиной, сразу, а не через много лет. Слишком много лет.

– Как ты меня нашел?

Только в последние дни зимы дышится так легко. Снег на холмах осел и покрылся жестким настом. Сыро, но воздух прозрачен как лучшее одалское стекло. Уже скоро весеннее солнце пробьет пелену облаков, растопит сугробы, согреет землю, и все живое пойдет в рост. Между узких речек взметнутся травы, вокруг озер зашелестят листвою рощи. Теплый туман поползет с холмов, наполняя ложбины. Здесь бы стадам пастись, но на той стороне долины разбойничье гнездо – Лок, поэтому не будет ни стад, ни свежей пашни, а редкие деревни останутся похожими на граничные остроги. На шесть сотен лиг раскинулась дикая вольница – от Вандилского леса до Мертвой степи, где властвуют кимры, которых разбойники боятся сами. Впрочем, в Мертвой степи и чуть севернее – в Хели – есть кое-что и пострашнее кимров. Но в Хель дорога одним безумцам, а здесь-то воля вольная всякому, однако, словно страшась местных красот, даже королевские дружины редко забредают в эти края. А уж купцы... Только с большой охраной. Не потому ли здесь так тихо и свежо? Отчего же никак не получается отдышаться?

– Как ты меня нашел?!

Высокий мужчина – судя по стати – крепкий воин, по лицу – почти старик, по влажным глазам – очарованный красотою весеннего Терминума юнец, обернулся, но сначала посмотрел не на привязчивую собеседницу – худую и беловолосую женщину средних лет, а взметнул взгляд к пронзающим синее небо снежным вершинам Молочных гор и блаженно зажмурился, словно почувствовал желанную прохладу.

– А ведь ты едва не убила меня...

Он поднял пронзенный короткой стрелой посох. Она скривила губы:

– Неужели ты стал смертным?

– Ты знаешь, о чем я...

– Захотела бы – убила. Отвечай, Бланс!

– Хопер, – поправил он ее, сбросил с плеча мешок, прислонил к камню испорченный посох, присел на обломок белой колонны и только потом стянул с головы вязаную гебонскую шапку и вытер ею пот с обветренного лица.

– Называй меня Хопером. Меня все так называют. Хотя бы последние лет пятьдесят точно. Значит, не убила, потому что не хотела убить? Ну хоть что-то... Ты-то по-прежнему Амма?

– Тебе-то что? Я – это я.

Она осторожно опустилась на похожий камень в десяти шагах от неожиданного гостя. Положила рядом взведенный самострел, звякнула ножнами старого меча. Замерла на фоне древних развалин и сооруженной в их глубине убогой хижины. Рядом в загоне топчет снег небольшое стадо овец, жметя к стогу сена коротконогая кимрская кобыла с жеребенком, порывают два здоровенных степных пса. Такие разорвут в пару секунд, куда надежнее самострела или меча, который когда-то недурно поблескивал в сильных руках Аммы. Но воспитаны, лежат, подобрав под себя лапы, хотя глаз с гостя не сводят.

– Смотри... Я готов воспользоваться любым именем. Только скажи. Вижу, ты так и не отыскала свой клинок?

– Не твое дело, – поджала губы Амма.

– Не мое. А ты не переменялась. Сколько мы с тобой не виделись? Страшно подумать...

– Я тебя не видела семьсот два года. И надеялась, что больше уже не увижу.

– А ведь я искал тебя... – пробормотал Хопер, опустив взгляд на собственные сапоги.

– А я нет, – выдохнула Амма. – Одно время даже думала, что ты среди тех...

– Я выжил, Амма, – едва заметно качнулся Хопер. – Не своею волей, руку мне прострелили, да и тушку отметили, но выжил. Именно я, а не кто-то другой. Это я – тринадцатый.

– Значит... – она прищурилась, вглядываясь в Хопера.

– Да, – он кивнул. – Хвастаться нечем. Беду остановили или отсрочили без меня. Став смертными... Закляли сами себя и превратились... – Хопер засмеялся словно закашлялся, – в дюжину маленьких менгиров. В истуканов. Которые осыпались прахом. Вместе с оружием и доспехами.

И снова бой барабанов в ушах и ужас накатывающий с севера, где за частоколом пик – чудовища. Фризские стяги, маски энсов, оскаленные пасти бестий и пять силуэтов высших... Сколько они уже ему не снились? Года два или три? А ведь до этого едва ли ни каждую ночь...

– Так все и произошло? – она снова сузила взгляд.

– Наверное, – он пожал плечами. – Я был не самым внимательным наблюдателем. Валялся среди мертвецов почти таким же трупом... Но смерти двенадцати умбра хватило, чтобы последняя жатва завершилась. Да, плоть Терминума треснула, разверзлась Большим провалом, многие дома обрушились, придавив укрывшихся в них, но мор закончился, чудовища убрались в логова, северяне, потеряв каждого второго, отступили, жнецы рассеялись...

– А потом?

– А потом я очнулся. Вернулся на все готовенькое. Было бы странным... не очнуться. Залечил раны. Много лет искал тебя. Но ты хорошо пряталась. Зачем-то. Сколько нас осталось, Амма? Ты должна знать.

– Тринадцать, – ответила она.

– Надо же... – скорчил гримасу Хопер. – Значит, остальные все в деле? Мы поразительно живучи, не находишь? Почти как люди.

– Ничего не изменилось за семьсот лет, – проговорила Амма. – Так же как не менялось и предыдущие триста. Было двадцать пять умбра – осталось тринадцать. Пять верных слуг и восемь неверных. Пять высших и восемь низших. Восемь курро... Восемь беглецов. Я не удивлена, что ты выжил. Ты всегда был самым хитрым.

Хитрым... На что хватило его хитрости, так это оказаться в самой гуще схватки. Поднять нож, чтобы сделать то же, что решили сделать его соратники, и получить сразу три стрелы – в живот, под левую ключицу и в правую руку, которая оказалась пришпилена к груди. О чем он тогда подумал, выпуская кровавые пузыри изо рта? Ведь о ней. Точно о ней. Где же ты пропадала, Амма?

– Это не хитрость, – засучил рукав и показал шрам на предплечье Хопер. – Это судьба. Такой же на теле. И не один.

– Оправдываешься? – Она скривила губы. – Всегда оправдываешься.

– А если бы... я остался там, – хрустнул пальцами Хопер, – ты была бы рада моей смерти?

– Я уже давно ничему не рада, – проговорила Амма. – Как ты меня нашел, Бланс?

– В этот раз я искал не тебя, – признался он. – Хотя, не скрою, рад встрече. Я искал вот это.

– Это? – Она наставила на него самострел, мотнула головой, чтобы проследить направление взгляда, удивленно подняла брови. – Мою хижину?

– Уютное гнездышко? – раздраженно хмыкнул Хопер. – И внутри, полагаю, куда уютнее, чем снаружи? Ты всегда умела все устроить. И живешь ты здесь... лет шесть?

– Пять, – поджала она губы. – Год строила. И внутри уютно. Но не для тебя.

– Жаль, – вздохнул Хопер. – Когда-то мы с тобой неплохо ладили. Вплоть до той ссоры. Перед самой битвой. До сих пор не могу понять, чем я тебя огорчил? Я ведь не мог на нее не пойти. Все было не зря, Амма. Семьсот лет покоя – это немало.

– Миг, – прошептала Амма.

– Ну да, – согласился Хопер. – Мгновение для нас и вечность для смертных. Хотя, как оказалось, мы тоже смертны. Впрочем – дело давнее. Я здесь не из-за тебя, и не из-за твоей хижины. Я здесь из-за развалин.

– Из-за руин? – не поняла Амма. – Не золотишком ли промышляешь? Нет тут золота. Может, и было, но я не нашла. Хотя сюда с самого Прихода никто не заглядывал. Если не дальше. Тропы обрушились. Выше и севернее по склону стоял монастырь, так он сполз в день Кары Богов с куском скалы, стерся в щебень, так что и наверх дороги больше нет. Тысячу лет назад... А уж тропу сюда я так спрятала, что... только ты и мог ее найти. Лошадь внизу оставил?

– Да, – кивнул Хопер. – Так что я у тебя не задержусь. Лошадь прошла бы по тропе, но мало ли... Не хотел рисковать. Долина милости не слишком милостива. Без лошади никак. Я в самом деле не ожидал тебя здесь увидеть. Но чувствовал... жизнь наверху.

– Это всего лишь камни, – она смотрела на Хопера с подозрением и как будто с сожалением. – И храмом они были не тысячу лет назад, а раньше. На сотни лет. Их разрушила не Кара Богов. И не трещина поперек Терминума. Их разрушило время. И беспамятство.

– В этом все дело, – согласился Хопер. – Когда-то здесь стоял один из храмов Трижды пришедшего. Сейчас о нем мало кто помнит. Три тысячи лет прошло. Кстати, ты ведь должна знать, летоисчисление в Терминуме до Прихода велось как раз с его последнего визита. Так вот это один из первых его храмов. Он, конечно, не бывал здесь, но...

– Сказки и мифы, – брезгливо поморщилась Амма.

– Возможно, – он не собирался с ней спорить. – Но до Кары Богов Трижды пришедшему возносили молитвы миллионы. Я слышал, что древняя вера доставила немало неприятностей высшим и после Прихода. Или ты думаешь, их ненависть к Трижды пришедшему объясняется одной лишь ревностью?

– И что же ты хочешь найти в этих руинах? – сдвинула она брови.

– Полагаю то, что нашла ты, – лишь мгновение он смотрел ей прямо в глаза и тут же отвернулся, словно обжегся. – Обрывки пергамента, каменные таблицы, стелы, фрески, обломки керамики с надписями. Все, что содержит хотя бы часть слова или образа.

– Зачем тебе этот хлам? – раздраженно проговорила она, поднимаясь.

– Для того, чтобы кое-что выяснить, – Хопер остался сидеть, даже опустил голову. – Семьсот лет я не нахожу покоя. Не могу понять, что там произошло...

– Я тебе втолковывать ничего не собираюсь, – процедила сквозь зубы Амма.

– Но ты что-то знаешь? – с надеждой шевельнулся он.

– Только то, что ты рассказал, – скривила она губы. – Кем-то удачно пущенная стрела лишила тебя возможности совершить подвиг.

– Перестань, – поморщился Хопер. – Никто не собирался совершать подвиг.

– Ну, – она умела быть безжалостной, – ты-то обошелся без подвига?

– Нет, – он понемногу начинал закипать. – Мы вышли, чтобы сражаться. С той стороны было слишком много поганых.

– Эंसов, – поправила она чуть слышно.

– Как угодно, – процедил сквозь зубы Хопер. – Эंसов, поганых, разных добрых зверушек, готовых разметать хозяев этой земли. Ну и нас заодно. Или вновь обратиться в бессловесных слуг. Согласись, триста лет свободы, пусть они и не были безмятежными, изменили нас. Пережитое стоило того, чтобы защитить эту землю. Да и людей, рядом с которыми мы жили.

– И травили которых, – прошептала Амма. – Истязали и убивали. Не разделяя женщин и мужчин, стариков и детей.

– Не мы, – помрачнел Хопер.

– Не лги себе. – Она облизала сухие губы. – На что вы рассчитывали?

– Выжить, – ответил он. – Самое страшное, что нам грозило, – лишиться выпестованных нами тел. Все прочее проговаривалось, но... умирать никто не собирался.

– Помахать мечами, погибнуть в славе и доблести, воспарить, а затем захватить новые тела? – она прищурилась. – Не слишком великая цена. Так... беспокойство и временное неудобство. Что вас заставило сдохнуть по-настоящему? Ах да, ты же упал в спасительный обморок. Только все равно не сходится. Как они сумели убить себя?

Убить себя? Поймать в грудь стрелу и захлебнуться кровью. Скорчиться от боли. Лежать на земле между ног и тел. Пытаться рассмотреть солнце среди теней. И наткнуться на взгляд соратника, который втыкает себе в горло каменный нож. Убить себя было бы легче...

– Вот... – он подтянул мешок, распустил завязи, сунул в горловину руку и вытащил сверток.

– Что это? – отшатнулась Амма.

– Нож, – Хопер развернул сукно и взял в руку каменное оружие. Отшлифованное лезвие шириной в три пальца поблескивало. Рукоять была оплетена кожей.

– Кто сумел это сделать? – побледнела Амма.

– Чего ты боишься? – не понял Хопер. – Да, один из нас открыл секрет, как взять часть менгира, сохраняя в нем силу, которая одна и может справиться с такими, как мы. Задача не из легких, это ведь не стриксов наковырять для амулетов, хотя и с ними приходится повозиться. Я, правда, снарядил таким же камнем посох, который ты продырявила, но уже после, да и нет у меня похожего умения... Пойми, никто из нас не только не хотел погибать, но и лишаться свободы... Вновь становиться слугой, сменной шкуркой. Не для этого мы освободились. Кто же мог подумать, что придется выбирать между рабством и смертью? Такой нож мог бы развоплотить высшего умбра, если бы он вышел против нас. Жнеца, как теперь говорят. Так мы думали, во всяком случае. Это, конечно, великая тайна, но...

– Послушай, – понизила голос Амма, не сводя взгляда с ножа. – Зачем эта суета? Неужели никто из вас сам не хотел стать жнецом? Почувствовать вкус божественного могущества? Наполниться силой, к которой ныне у нас нет доступа? Воспарить над слабостью и случайностью?

– Оставь, – покачал головой Хопер. – Когда-то мы обсуждали этот соблазн. Я не изменил своего мнения. К тому же – это невозможно. Подобное не в нашей власти.

– Немного покорности и послушания, и сила даст о себе знать, – прошептала Амма. – Те, кто обладает властью, неплохо платят за покорность. Они могут одарить даже этим...

– Кто тебе это сказал? – удивился Хопер. – Даже если и так, и вытерев о тебя ноги, тебя поднимут на древко, ты не обретешь свободу! Это и есть рабство.

– Или абсолютная свобода, – вымолвила Амма и вдруг подмигнула Хоперу. – Пока боги спят.

– Спят? – напряженно засмеялся Хопер. – Крепко же они спят. Опять проверяешь меня? Издеваешься? Пойми, тогда в Хмельной пади впервые были готовы столкнуться друг с другом умбра. Ты знаешь, что такое война демонов? Пусть даже полудемонов. Весь этот мир мог разрушиться!

– Я помню что-то подобное, но страшнее... – прошептала Амма. – Но ни один из нас не был убит за тысячу лет.

– Двенадцать, – не согласился Хопер. – Да, самоубились, но все же. Тринадцать вытащили ножи, и двенадцать всадили их в собственные шеи. А тринадцатому руку вместе с зажатым в ней ножом не только проткнули стрелой, но и пришили к груди. И, теряя сознание, я еще не знал, чем все это закончится.

– Не закончилось, – чуть слышно произнесла Амма.

– Тогда – закончилось, – буркнул Хопер, снова заворачивая нож. – Тебе все-таки хочется позлить меня? Пестовала это желание семьсот лет? Если бы ты знала, какое горе обрушилось на меня, когда я понял, что не ушел вместе со всеми! И какое счастье нахлынуло, когда я почувствовал, что жертва не была напрасной!

– Все-таки жертва? – скривила губы Амма.

– Да нет же! – заорал, вскочил на ноги, шагнул к Амме Хопер и тут же получил стрелу в живот. Согнулся, стиснул древко руками и повалился боком на камень, хрипя от боли.

– Да ты... озверела!

– Зато не состарилась, – с облегчением выдохнула Амма. – Забыл, что я никогда не шучу? Давай вспоминать вместе. Заодно и проверим, как ты перенес битву в Хмельной пади. Выпрямись. И не стони, ничего важного я тебе не проткнула. Руки сунь под спину. И не дергайся. А то вдавлю еще глубже.

– Чего ты хочешь?

– Вытащить стрел...

И снова перед глазами Хмельная падь. Трупы. Тлеющие в отдалении костры. Черное небо с россыпью звезд и диском луны. И стрелы в животе и груди, которые ему придется вытащить из себя самому. Битва завершена. И никого рядом, только двенадцать окаменевших фигур, которые начинают осыпаться пеплом на весеннем ветру...

– Очнулся? Не обманул. Живучий. Можешь садиться, рану я залепила хорошим средством. Завтра даже покальвать уже не будет.

Она сидела на прежнем месте и рассматривала его каменный нож. И вновь взведенный самострел лежал там же, где и в прошлый раз. Хопер встряхнул головой, осторожно прикоснулся к животу. Согнувшая его боль не ушла, но утихла. И, кажется, не обещала долгого недуга. Кто из умбра мог сравниться с Аммой в стрельбе или фехтовании? Немногие. А кто из них мог

выпустить стрелу в живот собеседнику? Почти каждый. Но только не Амма. Да, время бывает безжалостным по-разному.

– И эту женщину я искал семьсот лет, – процедил сквозь зубы Хопер, садясь на тот же камень.

Она позволила себе улыбнуться.

– Имей в виду, что у меня еще много стрел, а ты уже не тот, что прежде. Кстати, ведь ты единственный, кто застрял в одном теле на сотни лет. Почему?

– Не единственный, – поморщился, поглаживая живот, Хопер. – Что мы знаем о высших? Почти ничего. Да и здесь... Тот же Чирлан прирос к телу коротышки-весельчака на те же сотни лет. К тому же ты забыла себя...

– Я о себе всегда помню, – ответила Амма. – И со мной все просто. Не скажу, что мне очень понравилась именно эта оболочка, но слишком много труда в нее вложено. Я к ней привыкла. Да и с годами я уже стала похожа сама на себя. Приросла к этому телу. А ну как не переживу расставания?

– А я просто не хочу, – осторожно выпрямился и выдохнул Хопер. – Можешь смеяться. Я еще этот грех не отмолил. Мне же это тело не подарено было. Как и каждому из нас. Мы украли их.

– Надо же, – удивилась Амма. – В умбра заговорила совесть? Старый волк пришел пролить слезы в овечий загон?

– Все не так, Амма.

– Мне неинтересно, что творится внутри тебя, Бланс, – она почти оскалила зубы. – Ты остановился на том, что происшедшее в Хмельной пади не было жертвоприношением. Чем же оно было?

– Никому бы не простил, кроме тебя... – покачал головой Хопер.

– Меньше пустой болтовни, – повысила голос Амма.

– Попыткой избежать рабства, думаю, – прошептал Хопер. – Может быть, надеждой призвать забывших нас богов. Я не все слышал, едва успел к началу битвы. Да, оказалось, что гибель моих друзей возымела силу жертвы, умалила даже высших, но кто мог знать об этом? Пойми, если бы двое-трое встали против нас, мы бы сладили с ними. Развоплотили бы уж точно. Но вышли все пятеро. Вышли осиянные едва ли ни божественной силой! И мы не могли двинуться с места. Застряли, как мухи в паутине...

– Почему ты промедлил? – Спросила Амма. – Тень сомнения накрыла тебя? Или страх?

– Страх? – Хмыкнул Хопер и тут же стер улыбку с лица. – Я не знаю, что испытывали те, кто стоял рядом со мной. Но я услышал голос. Голос, который открыл мне то, что я, оказываюсь, и так знал. Голос, который я мечтаю услышать еще раз. Большого счастья, чем счастье слышать его, я не испытывал. Он пел в моей груди. Горел в ней. Он был моим голосом. Слезы лились из моих глаз от его звучания. Он успокаивал меня, говорил, что смерть – это как вечный сон. Еще что-то... И я промедлил, хотя уже и подносил нож...

– Опять сладкий голос, – как будто помертвела Амма. – Тебе не кажется, что когда-то это все уже происходило? Не здесь, но с нами и так похоже.

– Разве ты не хотела бы это повторить?

– Зная последствия?

Она и в самом деле как будто хотела услышать его ответ.

– Последствия... Не все обладают даром прорицания. К тому же это ведь не было голосом беды. Понимаешь, этот голос словно собирался умереть вместе со мной! Пожертвовать собой ради меня! Точно так же, как пошел на смерть тот, в руинах храма которого ты устроила хижину! Пошел на смерть, чтобы остановить предыдущую беду, что нависала над этой землей задолго до Прихода!

– Неужели? – растянула губы в улыбке Амма. – Предыдущую беду? А последующую? И что ты собираешься делать с новой бедой? Значит, двенадцать умбра покончили с собой и ценой своей жизни подарили этому миру семь сотен лет благоденствия? И что же дальше? Ах, нас же еще тринадцать... Хотя, что это я... Я, вроде, не собиралась расставаться с жизнью. Да и ты, как всегда, найдешь причину для оправдания. Кто у нас остается? Неужели те, кто не пошел с вами тогда? Ты думаешь, что семи сотен лет достаточно, чтобы они разлюбили жизнь? Тем более теперь, когда их жребий очевиден? К тому же, разве ты можешь обещать им, что они услышат голос бога? Конечно, может быть, они и тоскуют по нему, но ведь прошла уже тысяча лет. Пора бы и отвыкнуть... Да и свобода чего-то стоит. Ты же сам говорил о свободе! Разве не так? Разве не так?!

– Ты не понимаешь, – прошептал Хопер. – Ты все еще не понимаешь... Этот голос, он... не покушался на свободу. Он... не вынуждал. Просто открылся. А что если это был голос кого-то из этого мира? Кого-то, кто однажды уберег эту землю? Этой истории больше тысячи лет, много больше. И если бог этого мира пробудился тогда, семьсот лет назад, то он может пробудиться еще раз. Главное – отыскать что-то, чтобы понять, как до него достучаться. Найти зацепку... Ключ...

– Ты сошел с ума, – фыркнула Амма.

– Может быть, – пожал плечами Хопер.

– И для этого ты рыскаешь по древним развалинам?

– Да.

– И тебе удалось что-то найти?

– Мало... – он тяжело вздохнул. – Прежние верования Храмом Кары Богов объявлены ересью. Их следы разыскивают и уничтожают много столетий.

– Но ты не отступишься? – спросила Амма.

– Не должен, – развел руками Хопер. – Если буду пореже с тобой встречаться. Но я никуда не спешу. У меня много времени в запасе.

– Ладно, – после минутной паузы сказала она. – Кое-что попало ко мне в руки. Случайно, хотя... Конечно, никакой силы в этом нет, если только она не сливается с силой этих руин, но... Подожди меня здесь, я принесу. Псы! А ну-ка, присмотрите за этим... человеком.

Псы поднялись тут же. Оскалили пасти и, перекатывая в глотках рык, сели у камня, на котором только что сидела Амма. Женщина, которую он искал семьсот лет.

Она вернулась через пару минут.

– Вот, – Амма показала Хоперу сверток. – Здесь полный список пророчеств и жизнеописание Трижды пришедшего. Довольно милое сочинение, я тебе скажу. Я нашла его в нише в подвале. Там, где его не было точно. Даже не знаю, или я страдала слепотой, когда обследовала руины, или оно появилось там по волшебству. Но это только ветхие листы пергамента, заполненные старо-берканскими буквицами больше тысячи лет назад и сшитые друг с другом в книгу, и ничего больше. В этом нет... магии.

– Магия может таиться не в листах, а в смысле, – прошептал Хопер. – Святые боги. Это не может быть! Что ты хочешь взамен?

– Твой каменный нож, – сказала Амма.

– Зачем он тебе? – удивился Хопер.

– Отдай, тогда скажу, – пожала плечами Амма.

– Разве он не у тебя в руках?

– Я должна была это услышать, – сказала она и бросила ему ответный дар.

Он стянул с ветхой книги обертку и тут же начал бережно перелистывать страницы, повторяя вполголоса:

– Бог мой, это же древнейший список! Без исправлений! Полный! К тому же рукописный, значит, он куда древнее тысячи лет. Перед Карой Богов в ходу уже была печать на станках. Ты смотри... Вначале завет, затем завет с комментариями, потом бытие, пророчества, гимны...

– Ты надолго расположился? – с напряжением спросила Амма.

– Прости, – он поднялся, завернул книгу, спрятал ее в мешок. – Действительно, никакой магии, просто текст. Но какой текст!

– Ты все еще думаешь, что тогда... семьсот лет назад это был голос бога? – она смотрела на Хопера испытующе.

Он не отвел взгляда.

– Не знаю, – пожал плечами Хопер. – Но я убежден...

– Убежден? – перебила она его. – Сколько тебя помню, ты всегда был в чем-то убежден. Ладно. Это все?

– Все? – он не понял, оглянулся, придерживая рукой рану. – Ну... ты остаешься собой. Все здесь устроила... Колодец, наверное, почистила. Я слышу звук ручья. Забралась повыше. Ты видишь всех, тебя – никто. Да и печь можно топить без особых опасений. Скучновато только одной-то.

– Кем я была, Бланс? – спросила она.

– Хопер, – снова поправил он ее. – Пусть уж лучше я буду Хопером, если ты не принимаешь меня прежним. Ты – Амма, если не заявляешь об ином. Умбра, как и я. И курро, как и я. Отверженная по собственной воле. Отыскавшая свободу в чужой земле. И опасаящаяся всего на свете. Неужели твоя способность к предсказаниям тебе не всегда служит? Да и мое посещение тебя удивило. Это точно.

– Твое посещение – как полет комара. Глупо его предсказывать. Мелочь. А себе я могу пророчествовать только собственную смерть.

– И когда же она случится? – заинтересовался Хопер.

– Не знаю, – попыталась улыбнуться Амма. – Истина редко открывается в полноте. Но две вещи я знаю точно. Меня убьешь ты. И вот этим самым ножом.

Он замер. Вгляделся в женщину, которая семьсот лет пряталась от него.

– Милостивые боги, – прошептал Хопер. – Я тебя убью? Этим ножом? И ты носишь это в себе семьсот лет? Так вот почему ты тогда... Зачем мне убивать тебя?

– Это предвиденье, – ответила Амма. – Я не толкую будущее. Зачем? Мне это неизвестно. Ты, кстати, ведь тоже не обделен талантами? Я могу не только предсказывать, но и точно знать, сколько умбра разгуливают по земле. Но не могу, как ты, почувствовать каждого. Не могу погрузиться внутрь кого-то и обаять его во всей полноте. Это редкий дар.

– Он не всегда подвластен мне, – признался Хопер. – Только когда они открываются, или обстоятельства становятся сильнее их скрытности. Или же, когда они становятся вестниками. Да и то... Почему ты не убила меня? Ну, не лишила меня тела, почему выпустила стрелу в посох? Если знала, что я угрожаю тебе? Или и твоя рука дрогнула?

Она ответила не сразу. Молчала несколько секунд, потом неохотно произнесла:

– Одно мое предвиденье не сбылось. Может быть и это... ошибочно?

– Какое же не сбылось? – затаил дыхание Хопер.

– Ты не должен был выжить, – прошептала Амма. – Все тринадцать должны были погибнуть. Тринадцать. Больше половины умбра, воплощенных в этом мире. И знаешь, это ведь только часть предвиденья. Все мы, все оставшиеся должны были отправиться в бездну. А отделились семью сотнями лет слабости и покоя. Может быть, благодаря тебе или тому... голосу. Или меткости того лучника.

– Так ты не ссорилась со мной... – прошептал Хопер. – Ты прощалась?

– Скоро они вернутся, Бланс, – обронила Амма.

– О чем ты? – Не понял Хопер.

– Да, – она закрыла глаза. – Я здесь пряталась не от тебя. Та жатва не была последней. Третья жатва грядет. Самая кровавая. Может быть, действительно последняя. Иная. Такая, что все предыдущее покажется легким насморком...

– Когда начнется? – процедил сквозь зубы Хопер.

– Уже скоро, – ответила Амма.

– А точнее?

– В день весеннего равноденствия.

– Где?

– На юго-востоке – в Альбиусе. В маленьком городке на берегу Манназа. И на севере... – она нахмурилась. – В городишке в горном ущелье. Там, где тоннель с железной дорогой в горах и исток большой реки.

– Ясно, – Хопер кивнул. – Это Водан. Что ж, Альбиус чуть ближе. Ненамного, но ближе. К началу праздника может и не успею, а к раздаче подарков буду на месте.

– Думаешь остановить беду вот этим? – кивнула на книгу Амма.

– Не знаю, – ответил Хопер.

– Подожди, – она задержала его. Сделала шаг и кончиками пальцев коснулась плеча, заставив его замереть. – Я не сказала главного...

– Главного? – обернулся Хопер.

– Все повторяется.

– О чем ты? – снова не понял Хопер.

– Все повторяется, – повторила она с нажимом. – То, что обратило прежний мир в пепелище. То, что вынудило нас оказаться здесь. То, отчего мы бежали. То, что лишило нас богов. Кажется, мы принесли заразу с собой.

– С чего ты взяла? – побледнел Хопер. – И разве наши боги мертвы?

– Ты ведь и сам подозреваешь это? – улыбнулась Амма и раскинула руки в стороны. – Знаешь, что-то действительно есть в этом древнем храме. Здесь и в самом деле хорошее место. Чистое. И оно прикрывает. Ты обманул меня, никакой жизни ты здесь не почувствовал. Я поняла это по твоим глазам, когда ты поднялся к моей хижине.

– До того, как выпустила в меня стрелу? – спросил Хопер.

– Сначала в твой посох, – смахнула с лица улыбку Амма. – Ты был удивлен, когда увидел меня.

– Потрясен, – признался Хопер. – Потому что увидел тебя, Амма. Пришлось отвернуться, чтобы не дать волю слезам.

– Не стоит стесняться слез, – медленно проговорила она.

– Так ты прячешься здесь от прошлого ужаса? – спросил Хопер. – Ты не сошла с ума? Или ты не знаешь, что не знает, что нельзя укрыться от пожара в горящем доме?

– Послушай, – она сглотнула слезы. – Нас осталось тринадцать. Не знаю, что стало с Покоищем, есть ли оно вообще, но умбра в нем больше нет. Думаю, если оно есть, в нем только энсы и бестии. Обычные люди и воины, которые спят и будут спать, и их много, и будет много, даже если очередная жатва исторгнет их тысячи, но умбра – нет. Пятеро из нас все еще служат. Да, высшие умбра все еще служат. Хотя мне все больше кажется, что служат четверо, пятый... как будто уже сотни лет укрыт тенью. Но он жив или она жива. Не знаю. Может быть, это Тибибр, он всегда был выше и мудрее прочих. Но и эти четверо... Кому они служат?

– Нашим богам, – ответил Хопер. – Кому им еще служить?

– Может быть, – прищурилась от лучей пробившегося сквозь тучи зимнего солнца Амма. – Одно непонятно, как они служат, не слыша голоса? Или он приходит к ним, как пришел к тебе? Ну ладно, их пятеро. Восемь курро – здесь, на юге. Трое из нас нацепили балахоны пастырей и пытаются противостоять тем пятерым или лелеют еще какие-то замысли. Еще трое живут своей жизнью. Еще двое – мы с тобой.

– И что? – нахмурился Хопер. – Все верно. Тринадцать.
– Есть еще кто-то, – чуть слышно прошептала Амма.
– Четырнадцатый? – не понял Хопер. – Чужак? Или пробуждается один из богов?
– Не знаю, – она глубоко вздохнула. – Нас тринадцать, но еще кто-то словно невидимые крылья, реющие в высоте. Словно хищная стрекоза, подрагивающая в хитиновой куколке. Смертоносный меч, зреющий в стальной болванке. Но главное не это. У меня начали потеть кончики пальцев. От ужаса. Точно так же, как и тогда. Не здесь, а там. Где все началось и все кончилось. Где нас уже нет. Перед Исходом.

– Всего лишь это? Кончики пальцев и все? Да ты сошла с ума.

– Всего лишь, – прошептала она.

Хопер посмотрел на собственную ладонь, протянул руку и коснулся прядей Аммы. Ее белые волосы прилипли к его пальцам и потянулись за ними, как взбитый шерстяной пух. Хопер замер.

– Ты чего-то не договариваешь, – наконец произнес он.

Амма не ответила ему. Хопер поклонился ей, развернулся и пошел прочь.

– Почему ты никак не успокоишься? – крикнула она ему вслед.

– Хочу сам распоряжаться своей судьбой! – донеслось в ответ.

– Будь осторожен! Не забирайся слишком высоко! Тебя ждет беда на высоте!

– Какая беда?

– Не знаю. Что-то с рукой и сердцем. Что-то черное. И невыносимая боль.

Глава первая. Альбиус

*«Обещанное настанет,
потому что обещано не тебе».*

*Пророк Ананаэл
Каменный завет*

Излет первого месяца весны считался весной даже в предгорьях. Холодный ветер порой заряжал мокрым снегом, но надолго его не хватало. Из облаков выбиралось солнце и день за днем прогревало городок Альбиус со всеми его стенами и башнями, крышами и площадями, улочками и крохотными садиками. Усердие приносило плоды; еще вчера в укромных переулках и у главных ворот лежали грязные сугробы, а сегодня от них не осталось и следа. Конечно, и городские уборщики не покладали рук, и бургомистр Альбиуса сорвал голос не просто так, но где бы они были, если бы не солнце? Огибающий городскую стену Манназ все еще тащил в упругих струях куски льда, горы, отливая зеленью молодой травы только к подошвам, сияли снежной белизной, деревья топорщили голые ветви, девичьи плечи от холодной свежести спасала только стеганая куртка, но весна уже перешагнула порог. Одно было неясно, отчего и небо, и горы, и свежесть – все это казалось подобным тонкой струне, что должна лопнуть с минуты на минуту? Может быть, из-за прекрасной черноволосой незнакомки, что с удивлением поймала восхищенный взгляд шестнадцатилетней девчонки и ответила ей улыбкой? Ладная, с распущенными волосами, не дитя, но и не мать, чистая, как вода в горном ручье. Откуда этакое чудо в Альбиусе?

На ярмарочной площади стоял гул, торговцы призывали то ли покупателей, то ли теплое лето, зеваки из окрестных деревень судорожно сжимали в кулаках тощие кошельки, лоточники тыкались друг в друга корзинами и казалось, что только Торн Бренин – тронутый сединой капитан королевской стражи в отставке и добровольный попечитель альбиусской роты стрелков – точно знает, куда и зачем он направляется. Горожане расступались перед ним словно воды Манназа под килем берканской ладьи, и следовавшая за отцом темноглазая Гледа могла крутить головой, вовсе не опасаясь не только карманного воришки, но и случайного, а то и неслучайного тычка или щипка. Впрочем, последнее ее скорее огорчало, чем радовало, потому как было ей чем ответить на подобное посягательство; не все же махать деревянной палкой, обучая молодых увальней фехтованию, да сбивать кулаки о ровесников из будущих воинов? Признаться, все это ее забавляло целых три года, но уже начинало надоедать... Вот ведь задача! Где же прекрасная незнакомка? Только что была перед глазами!

– Я вижу, капитан Бренин прибыл на ярмарку за подарком для прелестной женушки?

Между рядами в сторону ратуши двигался бургомистр. Стражник с корзиной подношений тащился сзади, а сам барон Троббель – седой старик, напоминающий выросший в каменистом грунте корнеплод, – покачивался с ноги на ногу и между делом высматривал вокруг себя что-нибудь полезное, требующее его доброго или недоброго покровительства.

– С чего вы взяли, господин бургомистр? – спрятал в бороде улыбку Торн.

– Альбиус не самый большой город, – подмигнул дочери Торна Троббель. – Капитанов королевской гвардии в нем – раз, два и обчелся. А женушек у них и того меньше. И лишь у одной из них день рождения на праздник весеннего равноденствия. Так что, считай, что вечерний фейерверк будет вспыхивать и для твоей Лики, капитан.

– Я передам ей, господин бургомистр, – склонил голову Торн вслед бургомистру. – Можем ли мы надеяться на ваш визит?

– Конечно! – обернулся Троббель. – Но не сегодня. Боюсь, что сегодня мне будет не до визитов. Но я не прощаюсь, капитан! Вечером загляну в кабак у южных ворот! Заваливайтесь вместе с Кригером!

– Непременно! – отозвался Торн и добавил, когда Троббель отделился на десяток шагов. – Хотел бы я быть столь же бодрым, когда мне стукнет восемьдесят четыре...

– Это случится через тридцать один год, – зевнула Гледа. – Мне тогда стукнет... почти сорок восемь? Святые боги! Да я буду уже старухой!

– Старухой? – отец укоризненно покачал головой. – Твоей матушке сегодня исполняется сорок восемь. Разве она старуха?

– Что мы ей подарим, пап? – виновато пробормотала Гледа.

– А ты как думаешь? – спросил Торн через минуту, окидывая строгим взглядом торговые ряды и заставив дочь вздрогнуть. Гледа уже было решила, что отец не услышал ее в ярмарочном шуме, но Торн Бренин слышал все и всегда.

– Какое-нибудь украшение? – предположила Гледа. – Мама вчера прихорашивалась у зеркала! Или райдонский пуховой платок? Холодно еще в доме.

– Так одно или другое? – сдвинул брови отец.

– Украшение, – улыбнулась Гледа. – Скоро лето. Она согреется и без платка.

– Тогда нам сюда, – кивнул Торн и направился к одной из лавок, что окружали ярмарочную площадь кольцом. Здание ратуши с желтым диском городских часов на башне в этом кольце было подобно драгоценному камню на перстне. Как раз к ратуше нужная лавка и примыкала.

«Вот так дела, – подумала Гледа. – Неужели отец вызнал, где я пропадаю время от времени? Конечно, болтовня с пожилым торговцем древностями не слишком большой проступок, но уж никак не напоминает прогулку к реке или утление девичьего любопытства в рядах, где продаются деревенские сладости. Лишь бы Раск не проболтался, что мы знакомы!»

Раск, коренастый чернобородый весельчак, казался пожилым только из-за морщин, что густо покрывали его лицо. Скорее всего они случились из-за его постоянной веселости, во всяком случае каждая из них находила себе применение, стоило Раску расхотаться, а уж смеялся он почти непрерывно. Вот и теперь при виде покупателей торговец расплылся в счастливой улыбке, сам позвонил в колокольчик, укрепленный над входом, не переставая улыбаться, раскланялся и с Торном, и с его дочерью, старательно давая понять, что видит ее в первый раз и, раскатываясь хохотом на всякое замечание капитана, провел гостей в лавку, где занял место за потемневшей от времени дубовой стойкой между многочисленных шкафов и шкафчиков – точно поднялся на какую-нибудь приступку.

– Давненько я у тебя не был, Раск, – заметил Торн, рассматривая расставленные на полках вазы и вазочки, сундуки и коробки, развешенные тут и там чучела диковинных зверей и малопонятные штуковины, окрашенные в разные цвета солнечным светом, проникающим в лавку через затейливые витражи двух узких окон.

– Три года, дорогой Торн, – снова расплылся в улыбке Раск. – Как вышел в отставку, прибыл в этот городок, обнаружил здесь лавку старого приятеля и купил для своей женушки, красавицы Лики, серебряное кольцо с гранатовым камнем, так и забыл про меня. Как сейчас помню, это было на ее сорокапятилетие. А ведь когда-то она сама еще сопливой девчонкой рылась в манускриптах на моих полках. Правда, это было в другом городе... Забыл, где ты познакомился со своей женой? Что улыбаешься? Почему больше не заглядывал? Или Лики наконец решила более не взрослеть? Не скрою, ее возраст по ее красоте словно пятна на солнце, попробуй разгляди... Но неужели не было причины купить подарок для вот этой девчушки, которая ничем не уступит собственной матери? Наконец, я слышал, твой сын получил титул? Разве не повод заказать ему церемониальный кинжал в серебряных ножнах?

– Было бы кстати, – согласился Торн, обнимая расплывшуюся в улыбке дочь. – Если бы еще Макт выбрался навестить родителей. За усердную службу при королевском дворе сорванец пожалован баронетом, и я его не видел как раз те же самые три года. Но собираюсь навестить этим летом сам, так что... А вот дочь мою, кажется, больше интересуют оружие, доспехи и пергаментные свитки, и я удивлюсь, если она уже не заходила в твою лавку. Прямо вижу, как стоит у этой корзины и перебирает древние манускрипты. Точно как Лики когда-то. Только жене эти три года было не до украшений. Однако то кольцо с гранатовыми камнями – ее любимое, и ей стало лучше в последние месяцы. Кстати, я слышал, что гранат помогает при родах? Думаю, если бы семнадцать лет назад оно уже было бы у моей Лики, я бы чаще заглядывал в твою лавку.

– Знаю о вашей беде, – приуныл Раск. – Больное сердце не лечится порошками и снадобьями, а сберегается семейным теплом. Да и то не всегда. И вот такими дочками, пусть даже их появление на свет и служит порой причиной недуга. Слышал, правда, что в Урсусе есть особенная лекарка, Ундой ее зовут, но, кажется, и она не творит чудес. Да и тот гранат, что в кольце – не чудодейственное средство. В отличие от некоторых других минералов.

Раск наклонился и ткнул пальцем в висящий на шее Торна кулон с черным камнем.

– Стрикс иногда выручает... от разного.

– Мы были с Лики у всех менгиров и в нашем королевстве, и в соседних, – скривился Торн. – Говорили и со зрителями, и со служителями Храма Кары Богов. Больное сердце Лики – не недуг. Это недостаток. Недостаток, который она получила при рождении. К сожалению, вторые тяжелые роды сделали его явным. Недостатки менгиры не исцеляют. Отрубленные ноги и руки не выращивают, разорванные сердца – не склеивают. А кулон со стриксом на моей груди всего лишь почетный знак короля. Такие вручают каждому капитану.

– И все же говорят, когда-то такие камни могли уберечь от большой беды... – пробормотал, словно задумался о чем-то, Раск.

– От жатвы, – прошептала за спиной отца Гледа.

– Твои слова, девочка, – криво усмехнулся Раск.

– Брось, приятель, – поморщился Торн. – Найди другую причину, чтобы расхваливать свой товар. И тебе, Гледа, пора забыть детские сказки. А ты, Раск, лучше покажи, что у тебя есть из серебра?

– Много чего, – почему-то передумал улыбаться Раск. – И, кстати, стрикс у меня тоже есть. Особенный. Вот, посмотри.

Торговец выдвинул ящик в одном из шкафов, вытащил из него холщевый кисет, расстелил на стойке лоскут зеленого бархата и вытряс из кисета блеснувший белым металлом кулон. Его основа напоминала звезду, множественные лучи которой подобно лапкам стискивали черный камень. Он походил на камень капитанского кулона, только превышал его размерами в два раза и не был огранен, а словно застыл каплей. Торн коснулся пальцем кожаного промасленного шнура, украшение дрогнуло, и Гледе показалось, что серебряная пустынная многоножка собирается бросить добычу и убежать.

– Зловещий оберег... – прошептала она с интересом.

– Это ведь не серебро? – заметил Торн.

– Да, – кивнул Раск. – Этот необычно большой стрикс закреплен на белом золоте. Фризы называют такой металл платиной. Но это особая платина. Она заколдована. Если камень уменьшается, она сжимает лапки. Чтобы не упустить его.

– Не верю в колдовство, – нахмурился Торн. – Разве только упругость может заставить их сжиматься? Тогда почему камень не поврежден? Или стрикс не подобен черному янтарию? Он же мягкий! Ты торгуй, но не завирайся! Я еще не видел ни одного колдуна, который бы не жульничал, а на самом деле колдовал.

– Что без сомнений указывает только на одно обстоятельство, – рассмеялся Раск, – ты еще действительно не видел ни одного колдуна, который не жульничал, а на самом деле колдовал.

– А с чего бы это ему уменьшаться? – не поняла Гледа.

– Когда он тратит себя на исцеление, то уменьшается, – объяснил Раск. – Твоему отцу нечего бояться, его камень приклеен к кулону. Думаю, он станет уменьшаться, не отклеиваясь.

– Я ношу его уже не первый год, и он не уменьшился ни на волос, – отрезал Торн.

– Просто не было причины, – растянул губы в улыбке Раск.

– Жатвы, – повторила Гледа.

– Прикуси язычок, Гле! – повысил голос Торн. – Нечего болтать попусту. Заладили... Лучше скажи, поможет ли этот камень Лики и сколько он стоит?

– Ничего не могу сказать о помощи Лики, – признался Раск. – Или ты о всяком юнце готов сказать, поможет ему тот же меч или пика? Одно точно, отсутствие меча не поможет никому. Так и с камнем. Особенно с таким. Поэтому он очень дорог. Его цена – тысяча золотых монет.

– Сколько? – удивился Торн.

– А чего ты хотел? – развел руками Раск. – Или стриксы с лотков продают? Поищи их в Альбиусе... Если только крупинки, которые вставляют в уши. Это ж не просто так, отколоть кусочек от менгира. Откальвали, и что толку? Нет, добыть стрикс – большое искусство. Редкое искусство. Пожалуй, таких умельцев больше уже и нет. В Беркане во всяком случае. Поэтому и цена. Но я могу подождать полного расчета скажем... лет пять. Тебе я верю.

– Тысяча золотых монет... – пробормотал Торн. – Мой дом стоит немногим больше. Это дорого.

– Не дороже жизни, которую такой камень может сохранить, – заметил Раск. – Берешь?

– Ты с ума сошел, – отмахнулся от старого знакомого Торн.

– Тогда вот, выбирай, – Раск поставил на стол корзинку с серебром. – Только для тебя, Торн. Один золотой за любое, самое богатое украшение из серебра. И смею заметить, среди них есть и украшения с рубинами. Они куда дороже гранатов. И дороже золота в том числе. Твоей Лики понравится. Но я бы подумал...

– О чем? – не понял Торн.

– О стриксе, – понизил голос Раск. – Жизнь стоит дороже тысячи золотых.

– Смотри, папа! – закричала Гледа, выдергивая из корзинки серебряную диадему с багровыми камнями. – Представляешь, как это украсит волосы мамы?

– Чья-то жизнь требует обмена на камень? – нахмурился Торн, развязывая кошель.

– Пока... не знаю, – ответил Раск, как будто прислушиваясь к чему-то.

– Бам... – донесся из-за стены удар колокола в часовой башне.

– Всегда удивлялся, как ты живешь здесь? – Положил на зеленый бархат золотой Торн. – Звонарь отмечает время четыре раза в сутки, в том числе ночью. Мой дом не близко, и то звон доучает. А ты как? Просыпаешься всякий раз?

– Дело привычки, – прошептал отчего-то вдруг побледневший Раск, вытащил из-за стола мешок и начал торопливо вытряхивать в него выдвижные ящики из шкафов.

– Бам... – донесся второй удар.

– Хотя, – Торн еще раз осмотрел диадему, удовлетворенно кивнул и сунул ее в сумку, что висела у него на плече, – я бы на месте бургомистра открутил звонарю голову. До полудня еще полчаса.

– Хороший выбор, – зачастил Раск. – Конечно, стрикс лучше, но и серебро – хороший выбор. Не знаешь, когда пригодится.

– Пригодится? – не понял Торн. – О чем ты?

– Если что... – блеснувший бисеринами пота Раск затянул раздувшийся за секунды мешок, с сожалением огляделся, подхватил и накинул на плечо резной топор с изогнутой руко-

ятью и плетеным ремнем, нахлобучил на голову суконный треух и выкрикнул, протискиваясь между шкафами, – то захлопните дверь, хотя можете выйти и через задний двор!..

– Да куда ты? – крикнул вслед Раску Торн.

– Подальше отсюда! – хлопнула дверь где-то в глубине лавки.

– Сошел с ума, – предположил Торн. – Вместе со звонарем.

Разноцветные лучи, пронизывающие витражи окон, померкли, словно тучи заволокли небо.

– Нет, – прошептала Гледа.

Они вышли на рыночную площадь и замерли. В нависших над городом тяжелых тучах продолжал редко и монотонно бить колокол, но больше не было никаких звуков, разве только резал уши хрип бургомистра, который, привалившись к стене ратуши, умирал, исторгая из носа и рта струйки крови. И все пространство площади, все проходы между торговыми рядами, все было заполнено телами, но не мертвыми, а павшими ниц, павшими в ужасе, и, что было страшнее всего, ужас сковал пасти и клювы и всякой домашней живности на ярмарке, а если кто из упавших захотел бы зарыдать, неминуемо должен был умереть от удушья или от разрыва сердца.

– А ты крепок, – услышал Торн не голос, а как будто шорох, скрип, уханье в ночном колодце, грохот железа, вой ветра в трубе, шелест стального меча о воздух, скрежет внутреннего жернова каменного великана, обернулся и оцепенел. Перед ним стояло чудовище.

Оно напоминало человека, но не было им. Превышая Торна на голову, оно повторяло человека каждой линией, но если бы даже сравнялось с ним ростом и совпало стройностью и шириной плеч с самыми бравыми стрелками Альбиуса, все равно осталось бы чудовищем, потому что едва различимые отличия от человека были страшнее любой фантазии, сами по себе порождали ужас и тошноту. В нем все было невыносимо. Кожа, рассеченная трещинами, как будто ее наклеивали на глиняную куклу серыми кусками, заворачивая края внутрь. Мышцы – не вздутые, как у цирковых силачей, а свитые из жгутов, оплетающие руки, грудь, живот, шею и едва не разрывающие на стыках серую кожу. Длинные пальцы с плоскими серыми ногтями, сжимающие кожаные, как будто кровоточащие, посеченные заклепками, ремни, которые стягивали чудовищное тело от пояса до плеч, местами уходя в плоть. Сверкающая серым металлом чудовищная глевия, торчащая над ужасным плечом. Бронзовые штыри, пронзающие тело над ключицами и под ребрами, заглушенные стальными кольцами и соединенные цепями. Длинная, до узких и серых босых ступней юбка из темной ткани и вымазанный в крови кожаный фартук поверх нее. Серое, безжизненное лицо, кожа на котором распадалась по лицевым складкам на те же куски. Черные, словно масляные волосы, заплетенные в десяток косиц. И мутные, узкие прорезы будто заплывших черными бельмами глаз.

– Действительно крепок, – или повторило чудовище, или эхо вернулось к Торну с другого края рыночной площади, и он понял, что нужно упасть. Распластаться ниц, вжаться в землю, вгрызться в заплыванный ярмарочный камень, обратиться в высохшее дерьмо, и пошатнулся, чтобы сделать это немедленно, но почувствовал за спиной Гледу, которая стояла, ухватившись за его пояс, и не давала ему распластаться – удерживала его вертикально, или же сама держалась за него, чтобы не упасть, и остался стоять. Стиснул зубы, чувствуя, как скалывается с них эмаль. Сжал кулаки, разрывая ногтями ладони. Зарычал вполголоса, чтобы не завывать, не заскулить в голос. И напряг колени и чресла, чтобы не обмочить штаны.

– И девчонка под стать – то, что надо, – прошумело чудовище, шагнуло вперед, протянуло серую руку и, поймав кулон капитана, стиснуло его в зашипевшем кулаке, словно камень на груди Торна был раскален. – Ты ведь не так глуп, как местный бургомистр? Город твой погряз в грехе, Торн Бренин. Люди забыли о богах, корысть, ненависть, зло захватили их сердца. Готов

ли ты послужить мне? Смыть их кровью их преступления? Очистить твой город от мерзости и очиститься самому? Меч у тебя на поясе, капитан. Это легко.

– Я не палач, – прикусывая губы, прохрипел Торн.

Чудовище отпустило кулон, отдалилось на половину шага, посмотрело на капитана как будто с сожалением:

– Тогда с твоей семьи и начнем.

И растаяло в воздухе как наведенный морок.

– Я обмочилась, – выдохнула за спиной Торна Гледа.

– Бегом, – прорычал он. – Бегом домой!

Впервые маленький городок Альбиус показался Гледе невероятно большим. Улицы словно удлинились, ушли за горизонт, поэтому у ворот собственного дома она уже задыхалась, а когда вслед за отцом вбежала внутрь, почувствовала, что сердце в ее груди останавливается. Старик Тенер – слуга и домоуправитель Бренинов – сидел сразу за дверью и вполголоса выл. Торн взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж, увидел стекающую по ней кровь и ринулся наверх. Там он сначала нашел Квину – служанку и дочь Тенера. Она была убита ударом меча. Тут же валялся и меч Лики. Сама Лики лежала у входа в спальню. Казалось, что смерть застала ее врасплох, лишь прижатые к животу колени и рука под грудью подсказывали, что с ног ее сбила боль в сердце. Правой, забрызганной кровью Квины рукой Лики стискивала шею под затылком. Не веря собственным глазам, чувствуя, как сердце замирает груди, и все погружается в темноту, Торн упал на колени.

– Мама! – осеклась и захрипела в рыданиях Гледа у него за спиной.

– Быстро, – услышал Торн собственный голос и не узнал его. – Накрой Квину. Возьми покрывало на постели – и накрой. Потом протри меч мамы, и принеси два мешка. Мой и свой. И все это – бегом!

Гледа метнулась в сторону, а Торн положил руку на щеку жены, почувствовал холод уходящей жизни и крикнул через плечо, чтобы остановить рыдания, рвущие грудь:

– Тенер!

– Я здесь, господин, – забулькал слезами старик, бывший слугой еще у юной Лики Бренин – тогда еще Лики Вичти.

– У тебя десять минут, – уронил сухие слова Торн. – Седлай всех трех лошадей и собирай вещи. Мы уходим.

– Слушаюсь, господин, – отозвался слуга.

– Что дальше? – всхлипнула за спиной Торна Гледа, не решаясь приблизиться к матери.

– Порты передела? – он говорил с дочерью, не отрывая взгляда от завитков темных волос на виске жены.

– Да, – прошептала Гледа.

– Собирайся так, как мы собирались на летние игрища в прошлом году, – еле слышно проговорил Торн. – У тебя тоже десять минут, не больше. Только вот еще что, сунь в мой мешок шкатулку с материными украшениями и возьми мешочек с монетами в моей комнате. Ты знаешь.

– Куда мы пойдём? – спросила Гледа, сдерживая рыдания.

– Куда? – переспросил Торн, вспомнил бегство Раска и прошептал. – Подальше отсюда.

– Но что происходит?! – прикусила губу Гледа.

– Ты еще спрашиваешь? – процедил сквозь зубы Торн и снял руку Лики с ее шеи. У четвертого позвонка жены темнело синее пятно. Кожа вокруг него вздулась как от ожога.

– Так, значит... – пробормотал Торн и стал заворачивать тело Лики в ковер, на котором она и лежала.

– Папа! – раздался стон Гледы. – Шея. Печет сзади. Невыносимо.

Торн вскочил на ноги так, словно враг, которого он преследовал всю жизнь, наконец явил себя. На шее дочери оказалась точно такая же отметина, как и на шее жены. Мгновение Торн грыз губы, стараясь не взвыть от горя и бессилия, затем схватился за собственный кулон. Капитанский знак уменьшился вполовину. Серебряная основа оказалась смята рукой чудовища, а сам камень словно усох, но все еще оставался стриксом. А если Раск говорил дело? Взъерошивая седые вихры, Торн содрал с собственной шеи капитанский знак и надел его на шею дочери. Боль перестала донимать ее тут же.

– Вот и ладно, – прохрипел Торн, прижимая дочь к себе. – Будь умницей. Поспеш. Мы вместе.

Она кивнула, повязала на шею платок, принялась суетиться, давя рыдания в груди, но, утирая слезы, подала голос только во дворе, где Торн грузил на лошадь тело ее матери.

– Там... на площади... ведь это был... Значит, это все не сказки? Это жатва?

– Не знаю, – буркнул Торн и окликнул слугу, – что там за стук на воротах, Тенер?

– Капитан, – слуга трясущейся рукой размазал по лбу пот. – Там капитан Кригер. Он не один. С ним Фиск, стражник с северных ворот. И четверо мальчишек из вашей роты. Из его роты. Они все на лошадях.

– Запускай, – махнул рукой Торн.

– Что происходит, дружище? – спросил у него через минуту грузноватый, но все еще полный сил капитан Кригер. Одежда его была вымазана в крови, руки дрожали. На плече висел тяжелый мушкет.

– Ты ведь и сам знаешь? – ответил вопросом Торн.

Над городом продолжали разноситься удары колокола.

– Неужто... жатва? – странно вздрогнув, пробормотал Кригер.

Торн окинул взглядом спутников капитана. Всех он знал неплохо. Четыре погодка из осеннего набора в роту, все из Оды. Соп, Флит, Брет и Хода. Ровесники Гледы и ее же партнеры в фехтовании и борьбе. Мальчишки еще. Хотя, из лучших. Фиск – похожий на ободранную дворнягу – стражник из местных. Сирота и холостяк, и уж точно забулдыга и любитель хмельного. И сам Кригер с внушительным кулоном на груди. Точно таким же, как и у Торна. Точнее таким же, как на груди Гледы, которой теперь словно обет молчания сомкнул уста. Хотя, что там осталось после пожатия чудовища? Ей бы камень Раска...

– Она самая, – подал голос Флит, щуплый чернявый мальчишка с кудрями на шее и висках.

– Показывайте шеи, – приказал Торн.

– Нет ничего, – махнул дрожащей рукой Кригер, – я уже проверял. Там... в городе у многих, а у нас нет. Там у каждого второго. Хватались за загривки, многие визжали от боли... Но только мы в здравом уме...

– В здравом уме? – не понял Торн.

– Безумие охватило зараженных, – понизил голос Кригер. – Некоторых уж точно. Правда, не сразу. Мы стояли у северных ворот. Мы с Фиском. Потом вдруг появилось какое-то чудовище.

– Ужас, – подтвердил Фиск. – Никто не устоял на ногах от страха!

– Жнец, – прошептал Флит.

– Не знаю, – сердито мотнул головой Кригер. – Чудовище. Такое, что обделаться можно. Многие и обделались. Попадали уж во всяком случае все. Где стояли, там и попадали. Я так себе спину рассадил этим мушкетом! А чудовище нанесло на ворота знак. Он и сейчас там. И прокричало что-то. Ни слова не понял.

– Сказало, что все ворота города запечатаны, – снова подал голос Флит. – На фризском и на храмовом.

– Ты заткнешься или нет, умник? – взревел Кригер. – Ты бы так в бой рвался! Языком-то каждый может...

– Разве я... – побледнел Флит.

– Молчать! – заорал Торн. – Еще не хватало нам схватиться друг с другом... Каждый докажет свою смелость, не сомневайтесь. И язык тут не при чем. Почему на фризском и на храмовом?

– Не знаю... – обронил опустивший голову Флит. – Языки мне знакомы, а почему... На храмовом только гимны поют. Еще говорят, что колдуют на нем.

– Ладно, – сдвинул брови Торн. – А потом?

– Колокол сначала зазвонил, – пожал плечами Кригер. – Слышишь? До сих пор бьет. А потом появился торговец. У него еще лавка возле ратуши. Всяким старьем торгует... Раском его зовут! Промчался по площади верхом на кобылке, как только не подавил никого. Испуганный, но сам себе на уме. Сорвал рычаг, что-то сотворил со створками, крикнул пару слов стражникам, которые едва в себя пришли, чтобы открыли ворота, и был таков. Ворота, конечно, захлопнулись, их же никто не удерживал. Хотя с дюжину стражников успели проскочить между створками, вроде бы погнались за торговцем... Непонятно только, за каким демоном он им сдался, как остервенели будто... А знак после этого словно кровью налился! Только тут уже не до ворот стало. Народ стал подниматься и убивать друг друга. Кто-то побежал прочь, кто-то схватился за оружие, а кто-то и голыми руками... Мы с Фиском отбивались, как могли. Старые знакомые бросались на нас как звери. Кое-кого пришлось порешить. Пробились к конюшне, а там вот ребятки. Надо уходить из города, Торн. Все мои стражники перебесились, какой от меня здесь толк? Молю богов, чтобы эта беда мою деревеньку обошла, мои-то все там. Но вроде далеко отсюда...

– Мою деревеньку не обошла... – мрачно пробормотал Торн, приглядываясь к воинам. К знаку на груди Кригера, к черным крапинам стриксов в ушах четверки. Повернулся к Фиску. – У тебя что?

– О чем ты? – не понял воин. – Нет у меня ничего. Со вчерашнего дня ни капли во рту не было. Да что вы все в самом деле?

– Их спасли камни! – зарычал Торн. – У тебя тоже должен быть стрикс.

– А... – Фиск судорожно вздохнул, разжал левый кулак и показал блестку черного камня на тонком перстне. – Бабский, поэтому ношу камнем внутрь. Все, что осталось от матери.

– Похоже, она хранит тебя и после смерти, – раздраженно кивнул Торн.

– Что будем делать? – спросил Кригер.

– Выбираться из города, – запрыгнул в седло Торн. – Ты же сам сказал. Тенер!

– Я не еду, – подал голос старик, который стоял у ворот. – Моя Квина здесь, значит, и мне оставаться здесь. Лики... устояла. Эта беда ужалила и ее, и Квину. Я видел, обе схватились за собственные загривки, а потом моя Квина бросилась на хозяйку. Та оттолкнула ее и побежала наверх. Квина за ней... Рычала, как зверь... Махала кухонным ножом. А уж потом... Лики не обезумела. Она еще крикнула мне, что просит простить ее за Квину... А я... Я остаюсь. Если что – присмотрю за домом. Пока буду жив.

– У тебя ведь тоже отметина на шее, – догадался Торн.

– Если боги назначат мне умереть, значит, скорее встречусь с дочерью, – всхлипнул старик. – А боль... Что мне эта боль? Боль в сердце больше любой боли.

– Спасибо, Тенер, – кивнул Торн, подхватил под уздцы лошадь Лики и подал коня к выходу.

Над головой несся звон колокола. Площадь была залита кровью. Тут и там валялись мертвые, посеченные тела, но битва уже закончилась. Словно пресытившись смертью, дюжина воинов стояла с обнаженными мечами у ворот, на которых, смыкая створки, тускло светился знак – вертикальная линия с треугольником на середине ее высоты. И окровавленные стражники у ворот казались слугами страшного знака. Они переминались с ноги на ногу и вполголоса выли, потирая собственные загривки.

– Странно, – разминая дрожащие ладони, скривился Кригер. – Сговорились они, что ли? Смотри-ка, уже и не рубят друг друга...

– Зачем он запечатал ворота? – задумался Торн. – Если кто-то насылает заразу на целый край, зачем запирает ее в городе?

– Я ничего не знаю о жатве, – признался Кригер. – Никогда не думал, что... доживу.

– И почему они перестали убивать друг друга? – продолжил бормотать Торн. – Не видно по лицам, что они могли сговориться...

– Эти жнецы, как дети, – подал голос Флит. – Всесильные, жестокие дети. А печать – вроде ловушки. Отсроченная ворожба. Не нужно искать смысла в забаве. Хотя и исключать его тоже нельзя.

– Откуда ты все знаешь? – поинтересовался Торн.

– Мой отец был королевским книжником, – вздохнул парень. – А я хотел стать воином.

– Надеюсь, у тебя получится, – буркнул Кригер.

– Они служат тому чудовищу, – услышал Торн голос Гледы. – Если мы не убьем их, они будут убивать каждого, кто приблизится к воротам. Каждого, до кого жатва не дотянулась сразу.

Флит с интересом посмотрел на Гледу. Затем столкнулся взглядом с ее отцом.

– Раск давал мне почитать некоторые пергаменты, – добавила Гледа и потянула из ножен меч.

– Среди них ребята из моей роты! – поморщился Кригер.

– Ну так вспомни, что ты мастер стражи Альбиуса! – процедил сквозь стиснутые зубы Торн. – Прикажи им уйти от ворот! Отправь их в казарму! Чего молчишь? То-то... Мне кажется, что это уже не они... Может, потратишь один заряд? А ну как удастся их отпугнуть?

– У меня нет ни одного заряда! – прошипел Кригер. – И мушкет старый, память об отце. Хотел к оружейнику занести, чтобы отладить!

– Тогда придется воспользоваться мечом, – прошептал Торн. – Если не внемлют словам. Он у меня, правда, тоже не новый...

Безумцы не слышали слов или не понимали их. Он взметнули мечи и двинулись на Торна, не обращая внимания ни на его увещания, ни на крики Кригера из-за его спины, и все же Торн перестал просто парировать их удары, лишь когда его начали обходить, чтобы добраться до Гледы и до мальчишек из роты, да еще и ткнули мечом в лошадиное горло.

– Защита в боевом строю! – заорал он во всю глотку, вставая на ноги и напоминая подопечным о вдолбленной в них науке, и ринулся вперед, ломая странно строгий строй безумцев и даже теперь стараясь не убивать противников, а оглушать их, но обезумевшие стражники сражались, не чувствуя боли и не ведая страха. Кригер сыпал проклятиями, окликая каждого, но и имен своих они словно не помнили и, даже сбитые с ног, вставали и снова поднимали мечи, и Торну пришлось их убивать.

«Всякое благо – есть благоволение богов, пусть даже исходит от человека, потому как человек – суть создание божественное, но если зло исходит от человека, то лишь человек и повинен в том», – бормотал то ли вслух, то ли про себя строки из Каменного завета Торн Бренин и заученными движениями – отбить, уклониться, с разворотом подсесть и мгновенным движением пронзить – убивал безумцев одного за другим, пока на камнях перед воротами не

осталось лишь несколько недобитых стражников, что уже не могли сражаться. Покалеченных мальчишками, которые, выпучив глаза, были вынуждены следовать примеру наставника.

– Добивай! – сорвался на визг Кригер и сам стал тыкать мечом в хрипящие, истекающие кровью тела.

Когда все было кончено, капитан подхватил мешок с убитой лошади и пересел на лошадь с телом Лики, но ворота не открылись. Створки словно были соединены намертво. Вымазанные в крови стрелки налегали вчетвером на рычаг, цепи гудели, но ворота не поддавались.

– Какого демона? – разразился проклятиями Кригер, прыгающий у створок. – Раск подъехал к воротам, провел рукой между воротин, и стража легко сдвинула их! А я уже все пальцы сжег об этот знак!

– Папа, – приблизилась к отцу Гледа. – Ты помнишь слова Раска? «Стрикс лучше, но и серебро – хороший выбор». Диадема. Она все еще в твоей сумке?

Торн оглянулся, увидел на противоположной стороне площади еще один отряд странно упорядоченных безумцев с окровавленными клинками, сунул руку в сумку, достал диадему, мгновение вглядывался в нее, потом бросил ее Кригеру.

– Проведи между створок вот этим.

Ворота стали распахиваться сразу. Гул колокола на городской ратуше продолжал оповещать окрестности об ужасной беде. Облака накрывали город густой пеленой.

Глава вторая. Водан

*«Неси не то, что можешь поднять,
а то, что можешь нести».*

*Трижды пришедший
Книга пророчеств*

Защищенный крепостными стенами и горными неудобьями приграничный городок Водан обычно пребывал в дремоте и просыпался только в случае войны или в дни равноденствия, отводимые для народного веселья. Фризы любили празднества; расставляли чередой памятные даты, по малейшему поводу устраивали торжества, бахвалились победами в забытых войнах и заучивали имена героев древних битв, переписывая и правя ветхие манускрипты. Но дважды в год и с особым усердием они отдавали должное богам и врагам, славя и ублажая первых и подвергая пыткам вторых. И в жажде веселья и крови, которая охватывала едва ли не каждого фриза, городок Водан ничем не выделялся среди прочих селений великой державы, чье величие не требовало подтверждения, но неизменно пыталось получить его, возводя эшафоты и забивая в древние стены пыточные костыли.

Окрестности Водана считались во Фризе глухой провинцией и забытым богами краем, но именно здесь располагалось начало Геллского тоннеля, великого фризского пути на юг, по которому северные полки век от века маршировали на усмирение коварных геллов, а то и обнаглевших от сытости берканцев. И хотя земли на противоположном конце тоннеля принадлежала горцам, воданцы знали – едва застучат в тоннеле фризские стальные колеса, разбегутся геллы прочь, попрячутся в норах и родовых башнях. Так что пусть пока хорохорятся за горными хребтами, всего лишь весеннее празднество приходит в Водан, хотя и о войне разговоры нет-нет, да расползаются по кабакам. Да что разговоры; держава без очередной победы, что силач без хорошей драки. Надо же и размять мускулы, да и славы много не бывает. Главное в другом – история Фризы учит, что все и всегда начинается в Водане. Ну, разве что кроме не столь давней, но победоносной войны с Бальдаром.

Неизвестно, думал ли об этом бургомистр Водана барон Стим, седой ветеран той самой бальдарской войны, но именно теперь ему было не до раздумий. Почетный караул, который он выстраивал на воданской площади, больше напоминал сборище обозных прихвостней, пусть даже все бляхи и пряжки на парадных доспехах караульных были начищены до блеска. Трубачи над главными воротами выдували из сияющих труб невнятный хрип, а только что замеченный мусор налетевший ветер не просто разбрасывал по площади, а взвивал столбиками смерчей. Старшина караула давно сорвал голос и теперь только взмахивал руками, косясь на небо и надеясь на спасительный дождь, а копящиеся на площади зеваки никак не хотели уместиться в огородах у дома бургомистра и ратуши.

Лишь двое не участвовали в весеннем помешательстве, пусть даже один из них неотступно следовал за бароном, а другой, стоя на крепостной стене, зорко оглядывал окрестности. Жизнь барона Стива охраняли сыновья Клана Теней. Эйконцы не были в диковинку ни в Водане, ни в других городах Фризы, всякий влиятельный вельможа мечтал заполучить в собственную охрану разукрашенного татуировками иноземного воина, но вряд ли хоть кто-то из фризов не задерживал на них взгляд, столкнувшись со зловещными телохранителями в городе или где-нибудь в дальней дороге. Конечно, о настоящем столкновении и речи не могло идти; по слухам воины из Клана Теней были подобны смертельному ветру, что овеивает и убивает каждого, кто пытается встать у него на пути. Стоил этот ветер немало, поэтому позволить его себе могли только важные сановники или самые богатые купцы, чьи караваны заходили в опас-

ный Вандилский лес, не менее опасную Мертвую степь или отваживались путешествовать по Долине милости. Зато еще никто и никогда не пожалел о том, что немалое количество золотых монет ежегодно отправлял на далекий остров Теней, где во мраке неизвестности пребывали соплеменники удивительных воинов. Хотя, за барона Стива – правителя приграничного города – платила казна.

Двое эйконцев успели примелькаться в крохотном городке, и все-таки привыкнуть к ним было невозможно; ни к их странноватой, свободной одежде, ни к разной длины мечам, висевшим на их поясах, ни к узлам, которыми они стягивали на затылках длинные черные волосы. И уж тем более к угрожающим татуировкам-шрамам, что оплетали их тела, начиная от скул и запястий, хотя вряд ли кто точно знал, встречаются ли эти узоры на их коже или нет. Впрочем, к линиям, вырезанным по живому, привыкнуть было вообще невозможно, пусть даже жертвы предстоящего праздника подвергались чему-то подобному ежегодно. Но самым удивительным было то, что из-за нанесенных на их тела угрожающих узоров эйконцы не обращались в увенчанных шрамами горемык. Поговаривали, что они вообще не чувствуют боли и не знают, что такое радость или печаль, скука или азарт. Некоторые даже утверждали, что именно ужасными узорами и скрытыми в них магическими камнями эйконцы полнят собственную доблесть, но доподлинно об этом никому не было известно. Во Фризе эти воины появлялись уже в узорах.

Ло Фенг, воин покоя, пожалуй, единственный сын Клана Теней за его пределами столь высокого ранга, стоял на стене у надвратной башни. Воин мужества, Чжан Тао, который был старше Ло Фенга, но не достиг ранга покоя, держался возле барона Стива, а Ло Фенг словно присматривал за всем городом. Ловил на лицо прохладный весенний ветер, чувствовал тепло невидимого в облаках солнца, сползающий с вершин и Бальдарских, и Серебряных гор холод, любовался предгорьями, укутавшимися по случаю начала весны в зеленый бархат молодой травы. Однажды, когда воин покоя окунется в покой с головой, он выйдет из крохотной хижинки в родной деревне на острове Теней, и точно так же будет ловить лицом жар и холод, и отмечать взглядом красоту сада, возделанного собственными руками. Правда, вряд ли он будет видеть при этом темно-серые, почти черные бастионы и стены воданской крепости, красные черепичные крыши, деревеньки, раскиданные по склонам ущелья, огромную даже издали арку Геллского тоннеля и ревущий в Серебряном ущелье Уруз, который кричит словно новорожденный ребенок, но уже через десяток лиг успокаивается и бежит, принимая в себя притоки, полноводной рекой к Фризскому морю, то сходясь, то расходясь с Гординским трактом. Если, конечно, эйконец вообще доживет до старости и увидит хоть что-то.

Ло Фенг пригляделся к процессии, которая уже въехала в привратную деревню. Впереди под черным фризским флагом с тремя алыми коронами двигался небольшой отряд стражи, за ним на статном коне – как раз для грузного седока – ожидаемый гость – граф Пелко Сотури в окружении троих неприметных всадников – один впереди, почти среди стражников, один рядом, на полкорпуса коня отставая от графа, еще один сзади, среди слуг. Все как положено, никто не исполняет доверенную им службу лучше эйконцев. А вот дальше наблюдалось что-то необычное. За повозкой слуг держал строй десяток широкоплечих воинов, доспехи и лица которых скрывали черные плащи с капюшонами, а уж за ними следовала еще одна повозка. Рядом с ней правил лошадей одинокий всадник – тоже наряженный в черный балахон, но маленький, словно ребенок. Возница же повозки, даже расположившись на облучке, не мог скрыть собственный немалый рост. Худой старик, как и его спутники, не отличался яркостью одеяний, но на груди его что-то поблескивало. Беспокойство, донимавшее легкой тенью Ло Фенга с самого утра, нашло свое разрешение. Он развернулся и, минуя трубачей, готовых дуть в медные трубы, стал спускаться со стены.

Барон Стив скользнул утомленным взглядом по бесстрастному лицу главного телохранителя, который ни разу за год службы не выказал ему ни единого знака уважения, не говоря

уже о подобострастии, взъерошил слипшиеся от пота седые волосы, вздохнул и продолжил выравнивать кое-как выстроенный на привратной площади почетный караул. С год назад он напрямую спросил Ло Фенга; отчего ни тот, ни его напарник не склоняют головы не только при встрече с их нанимателем, но и при подъеме флага или звуках фризского гимна, или это тоже не прописано в контракте? Ло Фенг тогда ответил странно. Он обошелся всего несколькими словами, но дал понять барону, что не все можно прописать в контракте, но он, Ло Фенг, никогда не склонит ни перед кем головы, пусть даже перед ним окажется предстоятель Храма Гнева Богов или любой из фризских королей-герцогов, потому что за Ло Фенгом да и внутри него таят силу и доблесть тысячи великих эйконских воинов, а подобной чести не заслуживают даже боги. Тогда барон с досадой поморщился, даже подумал о том, что уж перед инквизицией голову склонит всякий, а теперь только раздраженно покачал головой. К счастью, на стене, наконец-то обойдясь без хрипа и сипения, загремели трубы. Ло Фенг подошел к Чжан Тао и произнес:

– В свите не только инквизиция, но и храмовые воины.

– Трое братьев тоже? – спросил Чжан Тао.

Ло Фенг не ответил. Чжан Тао не должен был спрашивать об очевидном и пропускать между ушей главное, и воин мужества понял свою оплошность, кивнул и отправился к дому бургомистра. Ло Фенг занял его место.

– Наконец-то, старый друг! – почти пропел граф Пелко Сотури, сползая с коня перед строем почетного караула, и тут же обнял барона Стива, бросившегося помогать гостю, нога которого застряла в стремях. – Лопнуть моим потрохам, но все-таки, полтысячи лиг до твоего захолустья из Гордина – многовато для моего старого зада, пусть даже четыре сотни из них мне удалось проделать на корабле. Не мог бы ты углубить Уруз на последние сто лиг или хотя бы передвинуть Водан на сотню лиг севернее? Никак? Ха-ха! Я шучу, дорогой мой. Надеюсь, ты помнишь, как мы пировали на палубе после бальдарской битвы? Все еще не могу понять, как ты сумел переманить к себе нашего кока? Впрочем, отложим болтовню, надеюсь, стол накрыт? Я присылал гонца. Ты помнишь, что надо было сделать? Как раз к полудню. Сколько у нас времени? Еще два часа? Как раз подтянется мой подарок. Какой? Увидишь. А пока к демонам все дела, надо хотя бы немного перекусить. Распускай караул, нечего твоим ветеранам втягивать животы, пускай занимаются делом. Много работы нам предстоит, барон, очень много. Кстати, в этот раз стражникам мараться не придется, я взял мастеров заплечного дела. Ну? Где твоя благодарность?

Не слишком большую привратную площадь наполнила суета. Ло Фенг окинул взглядом братьев, прибывших с графом Сотури – и широкоплечий Ли Фанг, и опытный Ван Ксин, и коротышка Лю Чен были весьма высокого ранга, воинами добродетели, поймал едва приметное движение подбородка Ван Ксина, подтверждающего, что барон Стив взят под охрану, и стал приглядываться к храмовникам. Воинский кодекс Клана Теней предписывал следить не за охраняемой персоной, а за опасностью, которая ей может угрожать, но был в кодексе и раздел, о котором не знал тот, кто нанимал для собственной охраны эйконца. «Глядя на течение жизни, различишь потопа и засухи, которые лишь предстоят, – учила далеких предков Ло Фенга мать-основательница клана. – И нарушение неизменности столь же опасно, как и упорядочивание хаоса». Ни разу еще на памяти Ло Фенга не прибывали в Водан инквизиторы и храмовые воины одновременно. Было отчего задуматься. Ничто вплоть до собственной смерти не могло вывести из равновесия воина покоя. Но в каждое мгновение жизни он делал то, что должен был делать, и теперь ему следовало понять замыслы особых столичных гостей.

Их было двенадцать. Возница с серебряным медальоном инквизиции на груди в виде двух скрещенных топоров, инструкторованных стриксами, – худой безбородый старик – копался

под пологом повозки. Относительно молодой коротышка, почти карлик с гладко выбритым черепом, густыми черными бровями и тонкими губами, лениво прогуливался по площади. Судя по капюшону и подвязанному за спиной фартуку, он служил палачом. Остальные, в которых Ло Фенг предположил храмовых воинов, занимались лошадьми. Лишь один из них – широкоплечий франт, позволив себе сбросить с головы капюшон, остановился, уперев руки в бока. Он, не скрывая интереса, рассматривал самого Ло Фенга.

– Оставь его, Накома, – посоветовал инквизитор, не предполагая, что Ло Фенг слышит каждое его слово. – Этот эйконец вроде тех, что охраняют графа. Дорогая застежка на прочном ремне. Для красоты и только. Никогда не понимал, зачем нужен дорогой пояс, когда можно подпоясаться веревкой?

– Нет, – расплылся в улыбке Накома. – Этот посерьезнее троицы графа, отец Авгрин. Жаль, что среди меченосцев Храма Гнева Богов нет ни одного эйконца. Было бы любопытно... прощупать их. На излом.

«Меченосец Храма Гнева Богов, – отметил про себя Ло Фенг. – Значит, я не ошибся. Лучшие воины Фризы – это стражи предстоятеля и хранители святынь Храма. Они называются меченосцами храма. Или храмовыми воинами. Никто не знает, кто они, сколько их, и кто их учит. Некоторые вовсе сомневались в их существовании. И вот они появились в Водане. Отчего они выбрались из храма? Что они замыслили? И почему один из них явно нарушает их же правила? И отчего у него другой меч, не как у остальных? Судя по ножнам – полоторный фальшион, хотя, точно сказать, пока он не обнажен, нельзя... В главном алтаре Храма Змеи до сих сохраняется отметина от фальшиона. Мать-основательница храма оставила ее, покидая остров...»

– Некоторые пытались, – кивнул инквизитор. – Мало кто осмеливался, но тех, кто набирался храбрости, уже нет. Запомни, парень, что я скажу. Ты будешь резать на части ребенка перед эйконцем, и он даже не моргнет, если не нанимался этого самого ребенка охранять. Говорят, что у них нет сердца.

– Можно подумать, что у тебя сердце есть, – усмехнулся Накома.

– Есть и даже побаливает иногда, – кивнул отец Авгрин и повернулся к палачу, который ходил вдоль крепостной стены правее ворот и ощупывал забитые в нее железные костыли. – Что там, Мел?

– Сойдет, – отозвался палач. – Хорошее железо, хорошо забито. Не хватит штырей – добавим. Ему, правда, многовато лет, но раньше умели делать. Ржавчины нет почти.

– Семьсот лет ему, Мел, – отозвался инквизитор. – Семьсот два года, если точно. Как и многие города Фризы Водан оказался в руинах семьсот два года назад, и эти стены поднимались заново.

– Помост еще нужен, – добавил палач. – А то я не допрыгну до верхних. Ростом маловат. Да и жаровню некуда будет поставить.

– Вон, – махнул рукой инквизитор. – Видишь за воротами мытарский помост? Его и возьмем. И место для жаровни найдется. И для котелка. Сначала, правда, надо бы перекусить...

– А если его ребенка? – продолжил разговор Накома, не сводя глаз с Ло Фенга и одновременно прихватывая уздцы лошади у коновязи. – Если резать на его глазах его собственного ребенка, он тоже не моргнет? Ну, он же не нанимался его охранять? Вряд ли у него есть контракт. У кого есть контракт с собственной семьей?

– Этого никто не знает, – ответил инквизитор. – Но я слышал, что у эйконцев, которые нанимаются служить, нет семей. Ни жен, ни детей.

– Тогда ради чего служить? – не понял Накома.

– Можно подумать, у тебя есть семья, – ухмыльнулся инквизитор и снова полез в свою повозку.

– Много ты знаешь, – скривился Накома.

- Спроси у него сам, – посоветовал из-под полога инквизитор.
- Спрошу... как-нибудь, – процедил сквозь зубы Накома.
- Тут провал, – топнул ногой палач, подойдя к повозке. – Площадь неровная.
- И что? – не понял Накома.
- Кровь будет стоять, – объяснил палач. – Желоба нет, стока нет. Кровь будет стоять лужей. Публика не любит. Когда крови много, тяжело дышать. Обмороки случаются. Она пьянит.
- Пьянит... – мечтательно закатил глаза Накома.
- Держи, – высунулся из-под полога инквизитор и протянул палачу связку железных штырей и кувалду.

Под звяканье кувалды Ло Фенг снова поднялся на стену, вытащил из-за пояса небольшую подзорную трубу, пригляделся через нее к тающему в весенней дымке тракту и, не спускаясь вниз, двинулся по стене к угловой башне, у которой начиналась открытая галерея – переход к дому бургомистра. Стража, расступилась мгновенно, едва завидела эйконца. У входа на галерею стоял Ван Ксин – старый знакомый Ло Фенга, тот, кого он с радостью придушил бы собственными руками, если бы не был воином покоя.

- Почему в свите графа храмовые воины? – спросил у него Ло Фенг.
- Спроси об этом у графа, – усмехнулся Ван Ксин. Усмехнулся той же самой усмешкой, с которой убивал двадцать пять лет назад питомца Ло Фенга – белого щенка с черным ухом. Тогда Ло Фенг усвоил урок, воин Клана Теней не должен впускать в свое сердце никого. Но ненависть он впустил.

– Я спрашиваю у тебя, – холодно парировал Ло Фенг, и Ван Ксин понял, что должен ответить старшему по рангу, хотя сам был старше Ло Фенга на четыре года.

– Тщеславие, – процедил сквозь зубы Ван Ксин. – Ты думаешь, что графу нужны три эйконца в охране? Для того, чтобы носить толстое брюхо из собственной усадьбы в королевский дворец и обратно, ему и одного много. Фризские вельможи меряются нами как породистыми лошадьми. Храмовые воины – тот же жемчуг, только помельче. Пелко Сотури и ваш бургомистр – старые друзья. Возможно, он хотел похвастаться своим влиянием при храме. Какая разница? Он прибыл сюда всего лишь на один день.

- А потом?
- Что потом? – не понял Ван Ксин. – Сегодня казнь, празднество, а завтра отправимся обратно. Куда еще можно отправиться из вашего глухого угла?

– Кого должны казнить? – спросил Ло Фенг.

– Вроде бы в каждой крепости есть узники, – пожал плечами Ван Ксин. – Или ты забыл, что было в прошлом году?

– Казнили двоих, – проговорил Ло Фенг. – Преступников, прибереженных как раз для празднества. Но на стене, правее ворот, штыри забиты под одновременную пытку пяти человек. И палач забивает еще.

- Какая тебе разница? – помрачнел Ван Ксин. – Может, у вас больше узников?
- Узников мало, – сказал Ло Фенг. – И барон Стим не собирался казнить кого-то из них. Но на тракте большой отряд. Сотни человек в цепях в сопровождении стражи. Будут здесь через час. Ты ничего не знаешь о них?

– Мало ли кого водят по дорогам Фризы! – прищурился Ван Ксин. – Мы должны охранять графа, а не глазеть по сторонам. Но Сотури что-то говорил о «подарочке». Может, это он и есть? Что это меняет?

– Ты знаешь, что может все изменить, – ответил Ло Фенг. – Почему этот Накома отличается от прочих храмовых воинов?

– Да ничем он не отличается, – поморщился Ван Ксин. – Если только слегка не в себе. Возможно, он выходец из рода влиятельных вельмож. Благородная спесь не успела облупиться. Пытался задирать нас, но осторожно. Ничего не будет, Ло Фенг. Уже семьсот лет ничего не было.

– Если ничего не будет, ты увидишь улыбку на моем лице, – сказал Ло Фенг.

– Я не дам своих узников, – бормотал барон Стим через час, поддерживая за локоть графа Сотури. – У меня всего трое мальчишек в темнице, украли барана на рынке, я уже завтра собирался их отпускать, родители оплатили все хлопоты. Виданное ли это дело – пытаться и казнить за такое прегрешение? И рабов у меня нет для этого. Одного казнишь, другие в истуканов от страха обратятся. Писал же в канцелярию Гордина, что нет ни одного убийцы, ни одного насильника. Можно было бы, конечно, выловить кого-нибудь на геллской стороне, но не та у меня дружина, да и мир у нас с геллами. Кому это нужно?

– Богам! – погрозил пальцем граф. – Богам, лопнуть моим потрохам! Каждый год у тебя одна и та же история. Читал я твои послания, читал. И вроде содержание у тебя почти графское, все-таки граничный город, и охрана лучшая, почти как у меня, и годами ты почти как я, а все никак не разберешься, что курицу несут на алтарь не для того, чтобы ее потом сожрать, а для крови, из нее выпущенной.

– Кур предоставлю сколько угодно, – отмахнулся барон.

– Кур он предоставит, старый лис, – вздохнул граф. – Ну ладно, я был бы не я, если бы не приготовился к твоему упрямству. Есть у меня мясо для заклания. И без тебя есть. Считай, что дар от самого предстоятеля Храма Гнева Богов. Выпустим потроха дюжине-другой человечешек, и опять за стол. Уж больно хорошее жаркое ладит наш... твой кок. А завтра уж дальше, да. А куда дальше, пока не скажу. Страда начинается. Особенная страда! Не такая, как каждый год. Великие времена наступают, приятель. И ты еще услышишь про меня!

– Почему дюжине-другой? – не понял барон. – Обычно обходились парочкой. И где вы набрали столько погани для казней?

– Я ж втолковываю тебе, что нынешний год особый, – расплылся в улыбке граф. – И не всегда нужно погань на эшафот ладить. Невинная кровь куда как ценнее. А ты воришек жалеешь. Ты бы лучше оценил уважение – сам предстоятель отправил меня в твоё захоlustьё! Жертвенное мясо выделил! Так что, не простые казни сегодня будут произведены, а казни с особым интересом и личным благоволением! Благодарить еще будешь!

Граф толкнул дверь, ведущую на открытую галерею, и барон, выйдя на свет, прищурился, отметив, что кроме десятка его личной стражи тут же замерли сразу четверо эйконцев, но взглянув вниз, остолбенел. Площадь наполнялась народом. И если по правую руку и так уже с час толпились городские зеваки, проезжие купцы с торжища, то у мытарской накапливалась толпа, которую заводили в ворота столичные стражники. Гремели цепи, раздавались стоны, время от времени щелкал бич. Справа от ворот дымилась жаровня, потрескивали дрова под котлом, и щуплая фигура в черном прыгала по мытарскому помосту, развешивая на забитых в стену штырях ременные петли.

– Что ж ты творишь, твоя милость? – закашлялся барон. – Я тут вижу не пару дюжин жертв, а несколько сотен! Как бы ни тысячу!

– А я что тебе говорил? – оскалился граф. – Особый год, особое угощение... для богов! Я, конечно, мог бы тебе забить шелухой уши, да сказать, что, если уж суждено Водану уважение оказывать, грешно остальных объедками обносить. Добавить, что если у тебя нет убийц и насильников, то и у прочих их верная недостача. Но я не буду. Не для твоего и моего увеселения здесь это стадо, а уж для чего – не твоего ума дела. Радуйся, что сброшу на твое блюдо порцию человечины без всякой мзды. И тебе польза, и остальным острастка... на долгий путь! Нет! Ты только полюбуйся! Это же отборная погань! Ядреная! Иностранцы, бродяги, воры, убийцы,

мошенники, девки гулящие, прокаженные, конокрады, всякая пьянь и нищета, неужто мы не очистим от них родную землю?

– Разве нет другого способа? – прошептал барон. – В прошлом году было иначе. Повесили пару убийц, тем и обошлось.

– Ну, так в этом году у тебя и одного убийцы нет, – пожал плечами граф. – О чем же тогда разговор? Обряд Храм Гнева Богов вершит, а не я. Я лишь чиновник, дорогой Стим, который делает то, что ему поручено. Делает и не задает лишних вопросов. Вот как эти эйконцы. Я, если захочу, вытащу из толпы да хоть вон ту рыжую девку, которой за ее острый язык и так уже сполна досталось плетей по моей милости, и горло ей перегрызу, а они все равно защищать меня будут. Ты еще не понял, зачем тебе воины Клана Теней? Не для охраны. Для примера, как службу надо нести. Ясно?

– Куда уж яснее... – пробормотал барон.

– Расправь плечи, дружище! – толкнул в бок барона граф и зашептал ему уже на самое ухо. – Скоро! Скоро зазвонят доспехами легионы Фризы, они уже на бальдарском тракте! Ближится час воинской славы! Ясно?

– Ты хочешь сказать... – побледнел барон.

– Не спеши, дружище, – подмигнул приятелю граф, – всему свое время, – и, перегнувшись через парапет, заорал. – Начинай, отец Авгрин!

Ло Фенг стоял на галерее почти у городской стены, над головами несчастных, которых загоняли в наспех приготовленное, огороженное жердями стойло. Снизу поднимался запах крови, гнили и нечистот. С несколькими сотнями человек, пусть и закованных в цепи, управлялись всего три дюжины королевских стражников. Да, имелась еще пара сотен воданских стрелков, но они встали поперек площади в ряд, и замерли, оставив за спинами онемевших от ужаса или от предвкушения страшной забавы горожан. Небо на Воданом было ясным, но Ло Фенгу казалось, что над крепостью сгущаются тучи.

Эйконец не был уверен в том, что случится именно то, чего он опасался, однако знал, что будет делать, если произойдет то, что может произойти. То, о чем предупреждали его и каждого из воинов наставники и старейшины в последние годы обучения. То, к чему готовили каждого воина Клана Теней, даже если его готовили убивать и не быть убитым, охранять и сохранять беспристрастность, внушать ужас и уважение во всем Терминуме без исключения. То, что было существом всякого эйконца – отсроченная на тысячу лет кровная месть за лишение родины, смерть близких, умаление рода. Готовность к нападению, которое было по своей сути отчаянной защитой. Может быть, теперь пробил его час. Может быть.

Обряд шел своим чередом. Сначала отпел жертвенную песню инквизитор, напоминая подданным троецарствия и верным прихожанам Храма Гнева Богов, что всякая жертва угодна богам, а безвинная угоднее прочих, потому как не несет корысти в себе и только она одна способна вымолить прощение и отсрочить конечный день этого мира. Затем отгремели кандалы, снятые с первого десятка узников, и гординские стражники подвесили их на штырях, безжалостно распиная несчастных, одну из которых – рыжую гибкую девчонку с отметинами бича на лице и плечах выбрал лично граф. К этому времени раскалились до багрового цвета на жаровне ужасные крючья и щипцы, и пар начал подниматься над котлом. Затем с благоволения инквизитора палач зачерпнул ковшом кипятка и обдал им крайнего подвешенного – чернокожего вандила, который завизжал, словно ошпаренная перед забоем свинья и тут же обмяк, обвис в петлях под оханье взрослых и рыданье детей среди согнанных и пришедших на площадь зевак.

Но в тот самый миг, когда должно было начаться самое страшное, рыжая девка вдруг перестала кричать о своей невинности и запела. Запела на том самом языке, на котором несут службу в Храме Гнева Богов и по слухам служат в Храмах Кары Богов в далекой Бер-

кане. Запела на языке, которого никто кроме служителей храмов не знал. Запела на языке, на котором, по преданиям, объяснялись посланные разгневанными богами страшные воины в белых масках, что появлялись раз в несколько столетий у священных камней. Запела чистым и звонким голосом, выводя тона, доступные только самым опытным певчим, послушать которых в столицах собирались и собираются тысячи прихожан. Запела, зазвенела, полилась чистой, прекрасной мелодией и заставила не только замолчать сквернословящих стражников, изрыгающего ругательства, требующего вырвать поганке язык графа, рыдающих в толпе детей, стонущих узников, вынудила окаменеть палача и инквизитора, но и заставила забыть обо всем самого Ло Фенга. На одну секунду. На одно мгновение. На долгое, бесконечное мгновение, в которое он успел подумать, что когда оборвется и этот голос, и все десять жизней, и еще столько жизней, сколько захотят оборвать инквизитор и его палач, и пройдет дождь, который смоем кровь с камня, и он, воин покоя, Ло Фенг, сын клана Теней продолжит свою службу во имя клана и исполнения тысячелетней мести, ничего не останется прежним, потому что он не сможет забыть этот голос и вернуть в сердце утраченный покой. А потом на площади появилось чудовище.

Оно напоминало мертвеца, который выбрался из склепа, разламывая чудовищными плечами погребальные плиты, разрывая могучими руками могильные цепи так, что потревоженный им тлен пропитал его кожу, окрашивая ее в серый цвет. Его сальные черные волосы были сплетены жгутами и прихвачены кожаными лентами в тяжелый колтун. На его предплечьях поблескивали чешуйчатые наручи. На его поясе висел ужасающий меч, похожий на нож для разделки мяса. На его бедрах коробилась юбка, словно собранная из засохших фартуков дюжины мясников. На его обтянутом кожей черепе шевелились веки, под которыми крошечные выплески тьмы заменяли глаза.

– Время пришло, – горным эхом выдохнуло чудовище.

Замолчала, захлебнулась, захрипела девчонка. Обвисли в путах распятые пленники. Попадали ниц, гремя доспехами, оружием и цепями стражники и назначенные к казни. С шорохом повалились зеваки, осели без чувств граф и барон. Опустился на корточки, чуть слышно заскулил, ухватившись за знак инквизиции на груди, отец Авгрин. Опрокинулся на жаровню, взвизгнул и свалился с помоста палач. Только девять храмовых воинов остались стоять и четверо эйконцев.

– Сейчас, – прошептал Ло Фенг, удержался за каменное ограждение, чтобы устоять на ногах, почувствовал, как начинают жечь его тело выведенные на нем узоры, как шипят в его плоти жертвенные камни. – Сейчас.

– Неразумное дитя, – прогудело утробно чудовище, направляясь от дома бургомистра к помосту. – Кто же отстраняет кубок, когда сладость готова политься в рот? Песни поются после великой жертвы, а не вместо нее! Много сомнений в вас, люди. Слишком много сомнений. Только мука, людская мука может освободить и спасти вас!

– Сейчас, – собрался с силами, стиснул зубы Ло Фенг. – Чжан Тао. Воин мужества. Не подведи.

– Время пришло, – заклокотало чудовище, поднимаясь на заскрипевший помост. – Но смертная мука бесполезна, если мука недостаточна! Открой врата страданий в чужом теле, и врата богов откроются для тебя!

Облизав палец, чудовище мгновение смотрело на обмякшего вандила и рыжую девчонку, распятую рядом с ним, которая продолжала что-то сипеть, затем сделало выбор, коснулось черной груди и вычертило на ней знак из вертикальной линии и треугольника на середине ее высоты. И едва чудовище оторвало палец, знак вспыхнул и стал погружаться в тело, заставив несчастного очнуться и завизжать от новой боли.

– Время пришло! – вскинуло вверх руки чудовище, и тогда Ло Фенг закричал:

– Чжан Тао!

Фыркнул лук, и эйконская стрела пронзила грудь чудовища.

– Сталь, – прошептал Ло Фенг.

– Время пришло! – зарычало чудовище, выдернув из груди стрелу. – Убить наглеца!

– Братя! – заорал Ло Фенг.

Они спрыгнули с галереи одновременно. Воин покоя и воины добродетели. Одни из лучших в клане. Встали на ноги, как дикие двуногие кошки. Обнажили мечи, которых боялись воины всего Терминума. Четверка, сравнимая по смертоносности с дружиной лучших фризских мечников. Ло Фенг, Ли Фанг, Ван Ксин и Лю Чен. Выпестованные из эйконских мальчишек в угодьях Храма Змеи Острова Теней со всей возможной жестокостью и старанием. Спрыгнули, чтобы остановить девятих храмовых воинов, отправленных к Чжан Тао, а затем напасть на чудовище, победить которое не могли.

Схватка была короткой. Гордость Храма Гнева Богов, подготовленные фризскими наставниками меченосцы были срезаны мечами эйконцев словно придорожный бурьян. Нет, эйконцы не были слишком быстры, хотя в каждую отпущенную им секунду они были чуть быстрее и чуть точнее своих противников, которые захлебнулись кровью у их ног. Но чудовище это лишь позабавило. И серый фальшион, сверкнувший над его головой, и хриплое уханье – не оставляли в этом никаких сомнений.

– Золото, – прошептал Ло Фенг, когда очередная стрела, блеснув желтым лепестком, вошла в серое тело. – Нет.

Ван Ксин, почти разрубленный пополам, рухнул у ног чудовища.

– Серебро, – прошептал Ло Фенг, когда очередная стрела прошла серую щеку и была выдернута из тут же смыкающейся плоти. – Нет.

Голова Ли Фанга откатилась к воротам.

– Священное дерево, – прошептал Ло Фенг, когда следующая стрела отскочила от плеча чудовища, а коротышка Чен отлетел в сторону с перебитой рукой.

– Свинец, – произнес Ло Фенг, бросаясь под удар серого фальшиона, но и прогремевший выстрел не остановил чудовище. Развороченная мушкетной пулей серая грудь сомкнулась точно так же, как и мгновением позже после удара меча Ло Фенга срослась серая гортань. Но ответный взмах серой руки едва не лишил воина покоя сознания. Пожалуй, только охваченный дрожью инквизитор, на которого упал отлетевший от чудовищного удара сын клана Теней, и спас его от переломов. Но эйконский меч разлетелся на осколки.

– Чжан Тао... – прохрипел, глотая хлынувшую в глотку кровь, Ло Фенг, чувствуя что сейчас, сию секунду в его груди выгорают, обращаются в пепел искры доблести его предков.

– Чжан Тао! – с ревом раскинуло руки в стороны чудовище. – Иди ко мне!

В распахнутом окне на третьем этаже дома бургомистра появился воин мужества с мушкетом в руках.

– Посланник богов приказывает тебе убить себя, Чжан Тао! – прогремело чудовище, и воин мудрости послушно выронил мушкет, снял с пояса нож, вонзил его себе в горло и полетел вниз головой на мостовую Водана.

– Чжан Тао, – прошептал Ло Фенг, опираясь о потерявшего сознание инквизитора, глотая кровь и пытаясь встать на ноги.

– Очень неплохо, – услышал он скрежещущий голос прямо над головой, нащупал знак инквизиции на груди отца Авгрини и, когда чудовищная рука ухватила воина покоя за узел волос на его затылке, вывернулся и ударил туда, куда смог дотянуться. Истошный вой огласил площадь Водана. Ло Фенг с трудом встал на ноги, а продолжающее выть чудовище, зажимая дымящуюся руку, стало отступать, пока не повалилось навзничь и не обратилось сначала в Накому, а потом и вовсе не почернело и не осыпалось пеплом, исторгнув умчавшуюся тень.

– Все-таки серебро? – прохрипел, зажимая искалеченную руку, Лю Чен.

– Нет, – покачал головой Лонг Фен. На зажатом им в руке знаке инквизиции в серой слизи, шипя, выгорали стриксы.

– Надо возвращаться домой, – понял Лю Чен. – Нести великую весть на совет старейшин.

– Сначала освободим пленников, – закашлялся, потирая грудь, Лонг Фен. – Нам придется обратиться в беглецов, так пусть преследователи ловят не только нас.

– А он? – спросил Лю Чен, показывая на горку пепла. – Мертв?

– Нет, – после секундной паузы ответил Ло Фенг. – Они умирают... не так. Но теперь мы знаем, отчего они умирают. Они уязвимы. Поддай-ка мне его меч.

– Негодное оружие, – поморщился Лю Чен. – Слишком тяжелый. Я уже не говорю о его размерах.

– И в самом деле, тяжелый, – пробормотал Ло Фенг, принимая фальшион. – И почему-то горячий. Особенно рукоять. Но мой меч не выдержал удара клинок в клинок, а на этом нет даже зарубки. Интересно, каков он в деле?

Он взмахнул оружием демона так, словно не выпускал его из рук долгие годы, и срезал узел черных волос на собственной голове. Узел, за который его только что удерживала ужасная рука. Освобожденные пряди упали на его лоб и уши.

– Что ты делаешь? – оторопел Лю Чен.

– Плачу за нарушение контракта, – ответил Ло Фенг. – Я больше не воин покоя. Но все еще эйконец. Перетяни руку, кажется, она сломана. А я подберу мушкет Чжан Тао и возьму меч одного из братьев. Имей в виду, у нас мало времени.

Глава третья. Маски

*«Срезая волосы,
не изменишь цвет их».
Пророк Ананаэл
Каменный завет*

Они словно соскочили с эшафота перед собственной казнью. Захлопнули за собой ворота и, услышав тяжелые удары в створки, поняли, что ужасная печать пылает на прежнем месте.

– Горячие! – крикнул Кригер, отдергивая ладони от кованной поверхности. – Наверное, на южных воротах то же самое. Что же это творится, Торн? Свои же ребята... Жатва, она вот такая? Дальше-то что будет?

– Хочешь получить ответ? – словно от боли скривился Торн. – Тогда не медли. Сейчас «свои ребята» заберутся на стену и пощекочут нас стрелами. Встать в боевой порядок ума у них хватило! Пошевеливаемся!

Гледа взглянула на покрытые каплями пота и чужой крови скулы отца, на его дрожащую руку, которой он придерживал на холке коня тело ее матери, и первой направила лошадь подальше от крепостных ворот. Хотя бы для того, чтобы никто не видел слез, которые снова хлынули из ее глаз.

Оставив за спиной и город, и бурлящий ледяной водой Манназ, крохотный отряд помчался к Берканскому тракту, по которому можно было попасть и в столичную Оду, и на север, к йеранским окраинным поселениям, но, главное, к ближайшему менгиру, что высился в Змеином урочище. Горячка недавнего боя вскоре спала, кони успокоились, перейдя с галопа на привычную рысь, но Гледа, то и дела посматривая на отца, не снимающего руки с тела жены, не могла отделаться от ощущения, что они спасаются бегством. Она смотрела на его широкие плечи так, словно ждала страшного мгновения, когда они переломятся от свалившейся на них тяжести, и не замечала слез, которые безостановочно текли по ее щекам до тех пор, пока влага в ее глазах не иссякла. Ей казалось, что отец чувствует ее взгляд, должен был чувствовать, но он не обернулся ни разу.

У сторожевой башни, что высилась в паре часов неспешной езды от Альбиуса уже на тракте, дозора не оказалось. Сухое русло одного из притоков Манназа полнил грязный ледяной ручей, белые вершины Молочных гор упирались в серое небо почти над головой, их основания подступали к пустынной дороге скопищем таких же серых скал, острые грани которых не могла сгладить даже пробивающаяся повсюду зелень. Весна, еще утром радовавшая взгляд, теперь казалась насмешкой. К тому же настораживала и сама башня. Обитые железом ворота ее были распахнуты и даже как будто сломаны. Одна из створок подрагивала на ветру с противным скрипом. Когда топот копыт стих, скрип словно стал громче и показался невыносимым. К тому же со стороны Альбиуса, пусть и еле слышно, продолжал доноситься звон колокола.

– Голову оторвать за такую службу, – проворчал Кригер, размазывая рукавом грязь по щекам. – Хотя, сегодня в дозоре Стайн, нет никого надежнее. Что там за чудак в распадке? Не он ли это и прыгает по ледяным камням? А где мытарь, где второй дозорный? На башне, вроде, никого нет.

Торн окинул взглядом отряд, который словно замер в ожидании его приказа, услышал прерывистое дыхание, заметил дрожащие руки юнцов, кровь на разодранной одежде, скрипнул зубами:

– Кто там? Брет? Приглядывай за дорогой, мало ли. Гледа, посмотри, не ранен ли кто серьезно? Надо перевязать, если что...

Спешился, ткнулся на пару секунд горячим лбом в лошадиный бок, снова потрогал завернутое в ковер тело жены, поправил веревки, пошатываясь, подошел к мытарскому колоколу, подвешенному над воротами, поймал шнур и позвонил.

– Идет, – выдохнул Флит.

– Серьезно никто не ранен, – прошептала Гледа, которая не двинулась с места, но дождалась нескольких испуганных кивков.

– Ну, хоть что-то... – пробормотал Торн.

– Еще бы кто-то был ранен, – буркнул Кригер. – Ты ж, капитан, бросился вперед как зверь... Рубил этих безумцев, словно обожравшихся мухоморами паллийцев. За тобой только оттаскивать...

– Здесь тоже кровь, – показала на бурые пятна у входа в башню Гледа.

– Я вижу, – кивнул Торн, снова забрался на лошадь, подал ее к кобыле Гледы. – Покажи шею.

– Куда мы теперь? – срывающимся голосом спросил Фиск.

– Думаю, – процедил сквозь зубы Торн, не отвечая на вопросительный взгляд дочери.

– Ну, что у вас? – изрядно вымокший, но как будто разгоряченный к башне подходил седой старшина дозора. – Чем могу порадовать честную компанию? Или товар какой есть для осмотра?

– Тебе делать что ли больше нечего, Стайн? – раздраженно спросил Кригер. – Какой товар? Ты чего в яме той забыл? Не далеко ли до ветру отошел? На кого башню оставил?

– До ветру, говоришь? – остановился Стайн. – Нет приятель, нынче такое время, что до ветру ходить никуда не нужно. Где застигло, там и опорожнись. Или не так? На кого город оставил, капитан?

– Ты пьян что ли, старшина? – оторопел Кригер. – Ты в дозоре, ядреный корень, или я? И какое тебе дело, куда я еду и зачем?

– А вы трезвы выходит? – напряг скулы стражник. – Конечно, только трезвый соберется на конную прогулку, вымазавшись в грязи и крови. Или подрались, кому первому в ворота проезжать? Да. Хлебнул маленько. Чтобы нутро не выгорело. Что в городе? Отчего звонарь колокол терзает?

– А что здесь? – спросил Торн.

– Здесь? – прищурился Стайн. – Да ничего особенного. Разве только вот это.

Старшина поплевал на ладони и прикрыл створки ворот. На их внешней стороне чернела выжженным, выломанным следом точно такая же печать, как и на вратах Альбиуса.

– Когда? – спросил Торн.

– Пару-тройку часов назад, – ответил Стайн. – А может и раньше. Или позже... Что-то у меня в голове повредилось.

– Или на шее, – заметил Торн.

– Есть маленько, – кивнул Стайн и, вытащив из торбы кусок льда, прижал его к загривку. – Вот, холодок помогает. Пока.

– Стайн, говори толком! – заорал Кригер. – В городе демон знает что творится! Ты, конечно, вдовец, дети из гнезда повылетали, беспокоиться не о ком, а другие вот...

– Я не только вдовец, Кригер, – хмуро оборвал капитана Стайн. – Считаю, что и почти мертвец. Точно тебе говорю. И вот еще что скажу, думаешь, беда только в Альбиусе? А почему уже половина дня как на тракте никого? Вроде бы ярмарка сегодня в городе. Где подводы из Змеиног урочища?

– Не было? – посмотрел на Кригера Торн. – Фиск?

Фиск замотал головой.

– Не было, я еще у ворот заметил, – пробурчал Кригер. – Ладно, Стайн. Я бы и сам от глотка чего покрепче не отказался. Здесь никто не проезжал? Не про подводы я, как понимаешь. Торговец, например, какой-нибудь?

– Который старьем промышляет? – усмехнулся Стайн. – Был... Час или два назад промчался. На север пошел. Крикнул, что беда в Альбиусе. Жатва мол. И чтобы прятался я. И дюжина ошалелых стражников за ним. Думал, затопчут. Как обезумели все. Пена на губах. Только мне не с руки прятаться. Некуда. Да и поздно уже.

– Много слов, Стайн, – нахмурился Торн. – Откуда печать на воротах?

– Много не мало, – поджал губы Стайн. – Хоть наговориться перед смертью.

– Спешить на кладбище? – скривился Кригер. – Может и могилу уже присмотрел?

– Не спешу, но успею, – ответил Стайн. – Могилка не потребуется, где упал, там и могилка. Десять дней он мне дал.

– Кто дал? – не понял Торн.

– Урод какой-то, – ответил Стайн. – На голову меня выше. Серый, как подметка. И шит, как сапог из свиной кожи. Пришел с севера. Или не с севера, но я его заметил с той стороны. Сказал, что «время пришло». Хотел я ему что-то ответить, да не вышло. Язык к нёбу прилип. Да что язык... как стояли мы с мытарем, так и распластались. И Рамлин – мальчишка. Он наверху был. Тоже бухнулся. Как только с башни не свалился, не знаю. А этот... подошел к воротам башни и вычертил знак. Словно огнем нарисовал. Ну, я лежал, да головой ворочал, следил за ним. Так он заметил, зубы свои серые оскалил, ножищей своей плечо мне придавил и сказал, что даже таким живчикам как я – мучиться недолго. Дней десять, а после все закончится. И добавил, что конец всей Беркане...

– И все? – спросил в наступившей тишине Кригер.

– А что, этого мало? – удивился Стайн. – Тогда добавлю. Урод этот тут же растаял, как дым от костра. А нам с мытарем загривки поджарило. Он зарычал от боли, да и я зубами захрустел. А Рамлин... он же к подобному непривычный. Взыл там на башне и загремел вниз по ступеням. Считаю, что вышиб ворота, сорвал печать. И тут мытарь словно вовсе разума лишился. Напал на меня. Вроде и не воин, а ведь я едва отбил. Пришлось порешить его. Он за башней лежит. Вот думаю, закапывать или кого из города ждать?

– Закапывай, – пробормотал Кригер. – Не жди никого из города... пока. Там та же беда.

– А где Рамлин? – спросил Торн.

– Помчался на север, – махнул рукой Стайн. – Он же оттуда. У него отец торговец. А деревенька их как раз в Змеином урочище. В паре лиг перед менгиром. Чуть в стороне. Ну, так куда еще бежать? Где еще исцеляться-то? Испокон веку, подцепил непонятную хворь, топай к священному камню. Только зря все это...

– Чего ты несешь, Стайн? – не понял Кригер.

– Ты, капитан, давно в храм ходил? – мрачно спросил Стайн. – На службе давно стоял? Чего-то я тебя там уже годика четыре не видел. Что в Каменном завете сказано? «И закончится лето. И придет осень перед зимой. И будут нивы пусты, а хранилища полны, но не будет храниться тот урожай. Потому что в конце лета придет от священных камней жнец и будет жать то, что посеяно, а посеяны им или посланным его люди». Все, капитан! – Стайн постучал себя по загривку. – Время пришло. Пожали нас.

– Не мели чушь, – процедил сквозь зубы Кригер. – Сейчас не конец лета!

– Не о том лете речь, – понизил голос Стайн. – Лето нашей жизни закончилось, капитан. Скоро в обмолот. Десять дней осталось!

– Отчего же ты сам не бежишь за Рамлином к менгиру? – спросил Кригер. – Жить не хочешь?

– Хочу, – опустил голову Стайн. – Но говорю же, что зря...

– Это еще почему? – спросил Торн.

– «Придет от священных камней жнец», – пожал плечами Стайн. – А он шел с севера. От менгира. И нес с собой заразу. Где он ее взял? Что непонятного? Нет, попробовать, конечно, можно...

– Тут же рядом! – заорал Кригер. – Сел на лошадь, три-четыре часа – и ты у менгира! Полезно или бесполезно, потом решать будешь!

– Я в дозоре, капитан, – твердо сказал Стайн. – Тебе ли не знать? Пока смена не придет, буду стоять здесь. А не придет, здесь и сдохну.

– А-а-а-а! – замычал, захлебнулся ненавистью Кригер.

– Сколько дозорных у менгира? – прохрипел Торн, чувствуя, как в шею ему начинает вкручиваться раскаленный стержень.

– Пять, – ответил Стайн. – Как всегда. Дозор недельный, вчера только заступил. С ними храмовник. Но он обычно в часовне. Что-то ты в лице переменялся, капитан. Тебе ледку-то дать? Тоже припекает?

– Папа? – испуганно обернулась к Торну Гледа.

– Все в порядке, – скрипнул зубами Торн и, преодолевая боль, выпрямился. Надо было принимать решение, куда вести отряд – на юг – к столице, где и храмы, и дружина, и лучшие лекари, или на север за Раском, чей амулет уж точно мог бы отсрочить беду, отметина на шее дочери пока не росла, да и стоило попытать счастья у менгира...

– Десять дней, – расплылся в улыбке Стайн. – Десять дней еще есть. Пока ледок на реке, можно терпеть. А там уж...

– Что скажешь, Торн? – принялся тереть ладони, стискивая кулаки Кригер.

– Ты капитан, Кригер, – медленно проговорил Торн. – Мастер стражи Альбиуса. А я отставник. И я должен спасти дочь, Не знаю, что с сыном, но она пока все, что у меня осталось. Поэтому я иду на север. К менгиру. Менгиры есть и на одалской стороне, но даже до ближнего не один день пути. Если я сразу отправлюсь туда – вдруг не прощу себе, что не побывал в Змеином урочище? Времени на возвращение может не оказаться.

– Мы с тобой, – махнул рукой Кригер. – Идти в селения что-то мне не по нутру. Опять своих же рубить?

– А зачем всем в Змеиное урочище? – спросил Фиск. – У меня, к примеру, нет дочери. И шею мне пока не печет.

– Ты кругом прав, – кивнул Торн. – И дочери у тебя нет, и шею тебе пока не печет. Только у тебя нет на груди капитанского знака. А камешка на твоём перстне, да и стриков в ушах наших молодцов надолго не хватит. Твой-то и так был крошечным, а теперь-то...

Фиск озабоченно уставился на собственный перстень.

– Да, – пробормотал Кригер, разглядывая капитанский кулон. – Усох немного, кажется. А ведь дней через десять ему конец придет. Потом, если зараза не сгинет, припечет шею. Пройдет еще десять дней. А дальше-то что?

– Известно, что, – весело крякнул Стайн. – Смертушка с тяжелой колотушкой. Одна радость, не промахивается она никогда.

– Смеешься? – угрожающе схватился за рукоять меча Кригер.

– Плачу, – отчеканил в ответ Стайн.

– Десять дней это очень много, – сказал Торн. – Если делать хоть что-то.

– Мало, – пробормотал побледневший Флит. – Что ни делай, мало...

– Что за тело везешь, капитан? – нарушил повисшую тишину Стайн, показывая на сверток, перекинутый через холку лошади Торна. – Если речь идет о погребении, могу выручить. Все равно мытаря закапывать.

– Спасибо, Стайн, – поклонился стражнику Торн. – Но это моя жена. Она не слишком хорошо относилась к мытарям, когда была жива. Не хочу ее обижать таким соседством и после смерти.

Они догнали молодого стражника уже к позднему вечеру на развилке горной дороги, за которой виднелась деревня. Судя по смуглой коже, род парня впитал в себя порцию вандилской крови.

– Рамлин! – окликнул его Кригер. – Давно не виделись. Спешешь к менгиру?

Стражник оглянулся, остановился и, пытаясь отдышаться, согнулся, уперев руки в колени.

– Неплохо, – процедил сквозь зубы Торн, растирая шею. – Больше двадцати лиг с полудня отмахал? Наручи, поножи, не полная выкладка, но и не налегке. Нет только мешка, шлема и секиры. Как ты еще жив-то, воин?

– Шлем на башне слетел, – с трудом выдохнул Рамлин. – Секира там же осталась. А мешок...

Он раздраженно махнул рукой и попытался выпрямиться. Колени его дрожали.

– Послушай, – Торн спрыгнул с лошади. – Мы миновали от Альбиуса три деревушки, с полдюжины хуторов, но не увидели ни единой живой души. Ни лошади, ни коровы, никого. Некогда было останавливаться и искать жителей. Может быть, тебе повезло больше?

– Пока не знаю, – покачал головой Рамлин. – Вот моя деревня. Считай, на краю ее стоим.

– Зато следов было много, – продолжил Торн. – Словно большой отряд метался от деревни к деревне. И часть лошадей у него была странно подкована. С шипами... А там, где пеший след, каблук незнакомый...

– Не знаю, – повторил с легким раздражением Рамлин, словно не хотел слушать Торна. – Следы видел. Но в этих краях и лошадей столько нет. А те, что есть, – не под седло. Вы спешите к менгиру?

– Да, – Торн снова поморщился, схватился за шею. – Если ты местный, скажи, что дальше? За менгиром? Могли жители уйти туда?

– Вряд ли, – выпрямился Рамлин. – Что им делать в йеранской стороне. Ни торгового, ни промысла в эту пору. А на горных лугах еще лежит снег. Да и что там есть, кроме летних овчарен и охотничьих шалашей? От менгира горы поднимаются круто вверх. Все тропы закрыты. Вот через месяц...

– Тогда куда все они делись? Их увели эти незнакомцы, что наследили повсюду? Ты был у башни со Стайном. Жители выходили из урочища?

– Нет, – проговорил Рамлин. – Но... есть еще одна переправа через Манназ.

– Я знаю, – кивнул Торн. – Мостик перед менгиром, но сам менгир в крохотной долине, дальше только дорога в Йерану, а делать там в эту пору нечего!

– Еще одна переправа, – повторил Рамлин. – Гремячая. Она в моей деревне. Тут рядом. От менгира нет тропы на запад, только на север. А от нас есть. Через нее можно попасть и на йеранскую сторону, и на гебонскую. Сначала узкая тропа в скалах, а потом уж и выход к гебонской башне. Сейчас пройду по улице и все узнаю.

– Вот как, выходит, обитатели Змеиного урочища уходят от мытарских поборов? – усмехнулся Кригер.

– Я ничего не слышал об этом, – замотал головой Рамлин.

– Ладно, – опустил руку ему на плечо Торн. – Есть кое-что и поважнее мытарских поборов. Мы к менгиру, а потом... потом видно будет, может и заедем в твою деревню. Ты ведь хотел проведать своих близких?

– И это тоже, – кивнул Рамлин и скривился в плаксивой гримасе. – Я хотел... снять боль. Моя бабка – вандилка. Она... многое может. Я тоже, но... чуть-чуть. Вот, заговорил себе шею, добавил бодрости. Поэтому и не сдох через пять лиг. Но бабка сильнее. Она поможет мне.

– Пока не сломаешь ветку, не узнаешь, какая у нее сердцевина, – проворчал Кригер. – Так что ли в священных книгах написано? Мало этой Гремячей переправы, так в городской страже еще и колдун ходит в дозоры. Куда смотрит Храм Кары Богов?

– Куда бы ни смотрел! – оборвал Кригера Торн. – Рамлин, ты можешь... заговорить мою боль?

– Пока нет, – признался Рамлин. – Вот отдышусь. Но надолго этого не хватит. Бабка сможет. К тому же у нее есть мази и порошки.

– И заговоры! – сплюнул Кригер.

– Надеюсь, – кивнул Рамлин. – Но не знаю, может ли она это лечить...

– Мы заедем в твою деревню, – сказал Торн. – Сейчас узнаем, как дела у менгира, и к тебе. Подожди нас. Здесь на перекрестке и подожди.

Сначала они увидели воронье, кружащееся над скалами. Последнюю лигу перед менгиром дорога огибала их одну за другой, чтобы закончиться крохотной долиной со священным камнем на другой стороне реки, и поэтому каждый подумал, что птиц привлекает менгир. Но причина оказалась в другом. На каменистом склоне были свалены тела. Их было не менее полусотни – стариков и старух, женщин и мужчин, и как будто детей. Запах свежей крови кружил голову, но Торн поднял руку, останавливая онемевших спутников, и спешил. Порубленные и порезанные неизвестными извергами, люди расстались с жизнью, не в силах издать ни звука. Их рты были забиты камнями. Отрубленные руки и ноги валялись тут же. Торн, чувствуя, что его начинает трясти, медленно оглянулся. Все его спутники, побледневшие до цвета ледников Молочных гор, обнажили мечи.

– Торн, – прохрипел Кригер. – Посмотри!

Торн снова обернулся к куче и, вздрогнув, поймал взгляд одного из несчастных. На торчащей из сплетения мертвых тел голове живы были только глаза. Торн даже не мог понять под потеками крови, мужчине или женщине они принадлежат, но шагнув к их обладателю, поймал во взгляде ужас. Ушей, носа и век у несчастного не было точно и, скорее всего, не было и языка.

– Убей его, – чужим голосом проскрипел Кригер за спиной.

Торн замер, затем выдернул из-за пояса кинжал и показал его несчастному. То дернулся, словно попытался кивнуть и закатил глаза.

Клинок вошел в плоть словно в болотную грязь. Выдох облегчения послышался Торну, но одновременно с этим непосильная тяжесть вдавила его в землю. Почти такая же, как и на площади Альбуса при виде жнеца.

– Все мертвы, – донесся откуда-то издалека голос Гледы. – Теперь мертвы все. Я чувствую.

За пропастью, в которой ревел только-только вырвавшийся из узкого ущелья и стремящийся снова уйти в тиски утесов Манназ, таился источник беды. Священный камень, напоминающий огромный, высотой с вековую сосну, черный клин, забитый под наклоном в каменистую землю, был на том же самом месте, на которое не раз привозил жену Торн. И часовня стояла справа от камня, как раз так, что вздумай он упасть, выворотив основанием гору земли, крохотный храм Кары Богов оказался бы на ее вершине. И дозорная вышка альбиусской стражи торчала там, где ее и поставили, слева от камня, почти подпирая его оголовком. Только ни альбиусского дозора, ни вечно пьяного часовенного храмовника у менгира не было. Точнее, они были мертвы. Их тела висели на вышке, прихваченные за ноги. И кровь из их вскрытых глоток стекала в подставленные под ними корыта. У часовни паслись лошади, коровы, за оградой топталась отара овец, уж точно из тех, что должны были радовать путника вдоль дороги по Змеиному урочищу. Рядом долбил яму в каменистом грунте молодой наголо обритый парень в сером балахоне странствующего монаха. А у основания камня стояли странные полуголые

воины в белых масках. На наклонной грани менгира мерцал все тот же знак, и один из воинов поливал его кровью из ковша. Отряд Кригера замер на узкой тропе в полусотне шагов от мостка.

– Милостивые боги... – в ужасе прохрипел Фиск.

– Это они сделали, – негромко проговорил Торн, поглаживая рукоять меча. – То, что мы видели, сделали они.

– Их двенадцать, – посчитал воинов в масках побледневший Кригер. – И я не узнаю их доспехов. Неужто сейчас лето, чтобы пялить на себя наручи и поножи без рубах и портов? И что это за юбки? Или порты под юбками? Они точно не вандилы, не паллийцы, не геллы, и не фризы. Однажды я видел кимров, но это и не они тоже.

– Это не юбки, – прошептала Гледа. – На том чудище было что-то похожее. И на головах у них тоже... косы.

– Маски, – сухими губами произнес Торн. – Никто из названных тобой, Кригер, не использует маски. Говорят, что вандилы иногда раскрашивают лица, но в масках у них только шаманы... И не в таких.

– Это энсы, – подал голос из-за спины Кригера Флит. – Или, по-другому, поганые. Убийцы. Все сходится. Высокие и стройные. С широкими плечами. Доспехов у них почти нет, какие-то пластины висят на поясе. Но есть юбки. Иногда плащи. Наручи и поножи – стальные, но странные. В книгах написано, что иногда они исчезают. У всех маски. Белые или черные. Впрочем, черные – редки. Но главное в другом. У них заколдованные мечи. Они меняются.

– Я вообще никаких мечей не вижу, – пробормотал Брет, вытирая со лба пот. – Обрубки какие-то висят на поясах, и все...

– У тебя хорошее зрение, – прищурился Торн.

– Для кинжалов слишком широки, – приложил ко лбу ладонь Кригер. – Что значит, меняются?

– Не знаю, – передернул плечами Флит. – Отец говорил, в некоторых свитках написано, что они могут быть то длиннее, то короче. У них и копья такие есть. А еще бывает, что часть такого меча отрывается от клинка и летит в противника. Убивает его, а потом возвращается к хозяину. Их называют ланшами. Я думал, это сказки.

– Что-то мне становится жарко, – распустил шнуровку ворота Кригер. – Это глупости, конечно, насчет летающих мечей, ты бы не злил меня лучше, Флит. Тем более, после того, что мы увидели на дороге. И потому что на вышке вверх ногами висят мои бывшие приятели. И то, что вчера мы с ними выпили, сегодня из них выцеливают вот таким неуважительным образом. Что же получается, Торн? У этого жнеца есть собственное воинство? Не только те, что сходят с ума от слома печати? Но и вот эти...

– Энсы, – повторил Торн. – Откуда они взялись? И почему они тут?

– Они привязаны к менгирам, – объяснил Флит. – Иногда их называют стражами менгиров. Но на самом деле они воины жатвы. Когда семьсот лет назад Фриза встала против Берканы в Хмельной пади, на стороне Фризы был отряд из нескольких сотен энсов.

– Меня сейчас волнует другое, – прошипел Кригер. – Их двенадцать, а нас восемь! И четверо из нас сопливые подростки. А одна так и вовсе девчонка!

– И что тебя не устраивает? – процедила сквозь зубы Гледа, обнажая меч.

– То, что у меня нет ни одного заряда! – поморщился Кригер. – У нас вообще нет ни самострела, ни лука!

– У них тоже нет, – мрачно заметил Торн. – А заколдованных мечей не бывает.

– А еще у них нету бестий, – вмешался Флит. – Должны быть еще всякие страшные звери, которых называют бестиями. Известно не менее десяти видов...

– Заткнись, умник! – взревел Кригер.

Рев Кригера гулко отозвался в теснине, которой заканчивалось Змеиное урочище. Энсы схватились за рукояти висевших у них на поясах обрубков мгновенно, один из них задул в изогнутый рожок, и Торн, который соскользнул с коня, прокричал спутникам, уже подбегая к мосту:

– Только один шанс! Встретить их в узком месте. Кригер! Вставай рядом. Гледа! За спину! Высунешься – ноги выдерну. Остальные... Да хоть бросайте камни через наши головы. Если они будут над пропастью, им это точно не понравится.

Они сшиблись с воинами в масках на мосту. У энсов и в самом деле оказались непростые мечи. Гледа, которая послушно встала за спиной отца, даже подумала, что мечей нет вовсе, не считать же ими эфесы с обрубленными клинками, с которыми чужеземцы ринулись против берканской стали, но при первом же выпаде Торна раздался скрежет, и девчонка с изумлением поняла, что искрящиеся над головами врагов осколки, складываются в смертоносные клинки при каждом их взмахе.

К счастью, энсы двигались не слишком быстро, словно только что пробудились после долгой спячки. Торн легко ушел от удара рыжеволосого воина, ткнул его мечом под маску, и уже обмениваясь выпадами со вторым, который оказался почти равным ему самому, успел заметить, что Кригер падает, зажимая рассеченное резко удлинившимся вражеским мечом плечо, и на его место встает Соп и вдруг начинает сражаться так, как никогда не сражался на занятиях по фехтованию. Затем Торну стало не до Сопы, потому что ему достался настолько умелый противник, что капитан с трудом сдерживал его удары, успевая уворачиваться и в самом деле от летающих осколков и думая лишь о том, что странно изменившийся Соп все еще на ногах, что камни и как будто ножи пролетают над его – Торна – головой, унося одну за другой жизни энсов, что один из них, едва ли не последний – противостоит уже и самому Торну, и Сопе, и делает это легко, когда вдруг и последний воин в белой маске замер и, как и прочие, полетел в пропасть, а за его спиной обнаружился вымазанный в земле монах с лопатой в руках.

– Да простят меня боги, да не прогневаются они на меня за содеянное! – хрипло пробормотал монах.

Торн, пошатываясь от усталости, обернулся и посмотрел на нежданного напарника. Соп смешно надул щеки, чпокнул губами, вытер тряпицей клинок и медленно убрал его в ножны. Руки молодого воина дрожали, но дрожали не от страха. Надо же, а капитан считал его здоровяком, но увальнем. Где были его глаза? Гледа? Она с тревогой вглядывалась в отца. За ее спиной, тяжело дыша, стояли, держа камни в руках, Брет и Флит. Хода напряженно покачивался с ноги на ногу, скрестив руки на груди. Чуть в стороне у валуна бледный Фиск затягивал тряпицей плечо Кригеру.

– Торн... – процедил сквозь зубы Кригер. – А ведь нам везет. Вторая схватка и опять ни одной потери. Так... царапины.

– Это точно, – присел возле приятеля Торн. – Как ты?

– Кость не задета, – сказал Фиск. – Но левая рука сможет работать не скоро...

– Я правша, болван, – проговорил Кригер. – А ведь ты оказался неправ, друг. Заколдованные мечи случаются. Как ты их назвал, Флит? Ланши? Эх, жаль ни одного не удалось сразить на берегу. Всех унес Манназ. А что, если у них были стриксы?

– Менгир рядом, – поднялся на ноги Торн. – Он больше любого стрикса.

– Ты думаешь, его поливали кровью, чтобы он лучше исцелял? – спросила Гледа.

– Ты отлично сражался, капитан, – подал голос обычно молчаливый Хода. – Лучше, чем на занятиях. Поверь. Но этот энс был искуснее тебя. Я уж не говорю про его меч. Я удивлен, что ты так долго продержался. И я никогда не видел, что бы так фехтовали. Он даже сумел отбить брошенный мною нож. Жаль, что у нас нет ни луков, ни самострелов...

– И мушкетов, – зло добавил Торн. – И пушек. И огромного войска. Хотя, мимо меня и в самом деле пролетали не только камни. Два других энса упали с моста с твоими ножами в груди?

– Хорошие были ножи, – пожал плечами Хода. – Главное – кинуть. Втыкались уже сами.

– Не знаю уж, чем удивил тебя я, – продолжил Торн, – но ты удивил меня не меньше. А вот твой приятель Соп удивил меня куда больше.

– А меня нет, – буркнула Гледа. – Это вы все считали Сопу увальнем, а он был единственным, кто мог устоять против меня!

– Как раз потому, что он увальень, – скривил губы Хода. – Остальные умело поддавались тебе.

– Не хочешь ли ты сказать... – побелела Гледа.

– Никогда! – прижал руку к груди Соп. – Никогда бы я не позволил себе оскорбить тебя обманом, Гледа!

– Какая длинная речь! – усмехнулся Хода. – Теперь ты и меня удивляешь, Соп!

– Я тоже никогда бы не позволил себе такого, – пробормотал Флит, выронив наконец камень.

– И я, – подал голос Брет. – Хотя, признаюсь, будь ты дурнушкой, сражаться с тобой было бы легче.

– Хватит болтовни! – оборвал спор Торн и повернулся к монаху, который так и стоял с лопатой на мосту. – Как тебя зовут?

– Вай, – с трудом вымолвил тот. – Брат Вай. Я странствующий монах. Хожу от менгира к менгиру. Здесь вот не повезло.

– Повезло, – не согласился Торн. – Нам-то уж точно. Как там твоя шея? Не беспокоит? Или успел коснуться менгира?

– Не беспокоит пока, – ответил монах. – Но менгира я не касался. Боюсь. У меня четки, – он поднял запястье, обмотанное четками. – В Храме говорили, что один из камней стрикс, но я не верил... Их же не отличишь...

– Отличишь, – не согласился Торн. – Тот, что меньше, тот и стрикс. Они уменьшаются.

– Раздери вас всех демоны! – заорал вдруг Фиск. – Ветки-иголки! Шея!

– Что с твоим камнем? – спросил Торн.

– Он исчез! – выругался Фиск, ожесточенно растирая загривок. – Как только ты это терпишь, Торн? Погань под язык! Сейчас моя шкура займется пламенем! Выходит, эта зараза точно сидит в каждом? Эй! Как тебя... балахонник! Что с менгиром, монах?

– Не знаю... – пролепетал Вай. – Они приказали мне копать яму... Почему-то на храмовом языке. Но больше ничего не говорили.

– Его кто-нибудь касался? – спросил Фиск, ковыляя, скрючившись от боли, к мосту. – Кто-то касался менгира, ветки-иголки?!

– Эти... воины в масках, – проговорил Вай. – Они гладили и целовали его. Прямо через маски. Или шептали что-то.

– Тогда... прочь с дороги!

Торн посмотрел вслед бегущему к менгиру Фиску, повернулся к молодым воинам:

– Как с вашими камнями? Я так и думал, что эта зараза сидит в каждом.

– На несколько дней еще хватит, – ответил Соп. – Или чуть дольше.

– Хорошо, что один из этих воинов сражался лучше других, – вдруг сказал Хода.

– Почему? – удивился Торн.

– Они не порождения бездны, – пожал плечами Хода. – Они разные. Значит, они люди.

– Я бы не зарекался, – проговорил Флит. – Что мы знаем о порождениях бездны? Говорят, даже жнецы разные. И с разным оружием. А они-то уж точно не люди.

– Хватит уже этой ученой болтовни! – взмолился Кригер.

– Папа! – окликнула Торна Гледа.

Фиск уже дошел до менгира, замер в нерешительности, потом отнял ладонь от заливки и положил обе руки на темную грань. В тот же миг знак на камне вспыхнул пламенем, и огненная удавка захлестнула горло Фиска. Он взвыл, завизжал, упал, забился в судорогах и через мгновение затих.

– «Придет от священных камней жнец», – повторил слова Стайна Торн.

Яму пришлось углубить, но они положили туда всех. И пятерых дозорных, и храмовника. Торн хотел развернуть тело Лики, но Гледа не дала. Обняла тяжелый сверток и мотала головой, пока Торн не отошел в сторону и не сел на камень, спрятав лицо в изгиб руки. Только тогда на тела стала падать земля.

– Великая честь быть погребенным у священного камня, – проговорил, вытирая пот со лба, Вай.

– Некоторые считают священные камни проклятием Терминума, – вздохнул Флит.

– Наказанием, – не согласился Вай. – Наказанием в назидание. Но как неразделимо зло и добро, так неразделимо благо и воздаяние. Исцеление – это обратная сторона священной мзды.

– Мытарям бы тебя послушать, – пробурчал Кригер. – Они бы приободрились.

– Не все согласны с таким утверждением, – сдвинул брови Флит.

– Все несогласные – еретики, – уверенно сказал Вай.

– То есть, все вандилы, все геллы, эйконцы, паллийцы, кимры, кто там еще – все еретики? – спросил Брет. – И их всех следует казнить, побить камнями, утопить, зарубить? Или сжечь? Как нынче принято?

– Я странствующий монах, – растерялся Вай. – Я не инквизитор. Инквизиции нет в нашем храме.

– Вот это все – хуже инквизиции, – кивнул на могилу Брет.

– Папа, – Гледа повернула заплаканное лицо к как будто окаменевшему Торну, коснулась его руки.

Торн поднял голову. Через окровавленную переправу шел, пошатываясь, Рамлин.

– Как дела, Рамлин? – спросил у него Торн.

– Я... – молодой стражник словно заикался. – Я в-взял порошки, м-мази, к-камни, травы. Еще кое-что. П-пригодится.

– А что твоя бабка?

– Ее нет, – проглотил слезы Рамлин. – Никого нет. Все убиты. Все в крови. Но тел тоже нет. Кажется, их волокли к реке и сбрасывали в воду. Большой отряд... Он ушел по тайной тропе... И там на дороге. Кровавое месиво... Это люди из соседней деревни. Наших убили так же?

Рамлин обмяк, опустился на камень словно мешок, на котором распустилась завязь.

– Что происходит? – простонал он. – Что это?

– Жатва, – пробормотал Флит. – Третья жатва...

Глава четвертая. Перевал

*«Дошедший до края падает с него.
Недошедший – падает там, куда дошел.
Где упал – там и край».
Пророк Ананаэл
Каменный завет*

Пленники начали приходить в себя раньше тюремщиков. Зашевелились, зазвенели оковами и почти сразу принялись собирать собственную жатву. Мстить истязателям и грабить, убивать лежащих в глубоком обмороке стражников. Заскрежетало оружие, полилась кровь. Лю Чен, выходя из ворот замка, с презрением плюнул под ноги.

– Звери...

– Люди, – ответил Ло Фенг. Непонятная слабость охватила его. Словно все его силы таились в срезанных волосах. Будто он вышел из битвы, которая продолжалась несколько дней, но устал он не так, как устает воин после тяжелой работы, а как устают сотни воинов. Все те, чей дух хранился в теле бывшего воина покоя. Остановившись на мосту через бурный Уруз, Ло Фенг мгновение смотрел в его тугие струи, удивляясь странному желанию броситься в холодную воду, потирая грудь, которую жгло огнем, затем поднял взгляд. В окне надвратной башни белело испуганное лицо трубача. «Не вздумай», – повел подбородком эйконец. Испуг на лице фриза сменился ужасом, и трубач исчез.

– Куда мы теперь? – спросил Лю Чен, оцупывая поврежденную руку.

– Домой, – поправил завернутый в мешковину тяжелый фальшион Ло Фенг. – Сколько ты извлек жертвенных камней из тел братьев?

– Ни одного, – ответил Лю Чен. – Все стриксы выгорели. Как зерна пороха. Как и на моей руке. Но все. Без остатка.

Ло Фенг стиснул рукоять подвешенного к поясу мушкета Чжан Тао. Похоже, что стриксы, которые составляли основу узоров, покрывающих тела воинов Клана Теней, стриксы, которые давали силу, одаривали умением и стойкостью, унаследованными от великих воинов, действительно выгорали. Защищали своих обладателей, но выгорали. Именно поэтому так пекло в груди Ло Фенга – там, куда его ударил жнец. Именно поэтому эйконец лишился сил. Всех или их части? Так ли это важно, если он не сможет вернуть в клан искры доблести Чжан Тао, Ван Ксина и Ли Фанга и их священных предков? Отблеск их умения, силы, опыта, чести. Выходит, их боевой дух растворится? Погибшим эйконцам было уже все равно, их тела обращались в уголь на пылающем деревянном помосте вместе с телом помеченного клеймом вандила, но их стриксы принадлежали клану. Могли бы принадлежать и послужить доблести молодых воинов. А где же доблесть самого Ло Фенга? Разве она сгорела на том же костре вместе с его волосами?

«Смирись, воин покоя, – подумал Ло Фенг. – Даже если ты теперь и в самом деле простой эйконец, разве этого мало?»

– Ты идешь? – в недоумении обернулся Лю Чен.

– Да, – ответил Ло Фенг.

Трубы подали сигнал тревоги, когда эйконцы почти дошли до арки тоннеля. Но еще раньше из ворот замка хлынул поток беглецов – кое-как вооруженных, вымазанных в крови, испуганных людей, лица которых сквозь едва проступившую надежду на спасение, захлестывал действительный ужас, в том числе и за только что содеянное. Их и в самом деле оказалось под тысячу. Шарахаясь от двух эйконцев словно от прокаженных, они добежали до начала тоннеля.

нея, смели жалкую охрану и, захватив стоявшую на железных колесах древнюю машину, стали исступленно толкать ее в темноту. Впрочем, некоторые помчались во тьму тоннеля как есть. Куда еще было бежать? На юг, в Геллию и Вандилию, подальше от негостеприимной Фризы. Всего-то и надо – преодолеть три подгорных тоннеля. Оставить за спиной сотню лиг древних стальных полос, изогнутых полузабытыми предками по собственному разумению и уложенных на почти вечные дубовые бревна. Сто лиг железной дороги, фризского чуда, которое потомки сгинувших в пламени Гнева Богов сохраняли как зеницу ока. Ходили слухи, что до Гнева Богов дорога эта тянулась до самого Гордана, а в Гордине до сих пор сохранился древний храм под названием Вокзал, где все еще стоит под замком с десятков подобных машин, но все это было скорее сказками. Кто видел эти машины в том же Гордине, исключая пыхтящие паром паромы? И зачем они, когда есть рабы? Да и как они могли сохраниться, если те же стальные пути ныне заканчивались на выходе из тоннеля? Тысяча лет – это очень много, какую охрану ни выставляй и как ни заливай маслом и ни замазывай воском железные части, унесут все, что можно унести. Сталь всегда в цене. Да и само величие древних было не в потраченной ради непонятной забавы стали, а в самих тоннелях. Пробивать проход в скалах на многие лиги – дело достойное богов.

– Поэтому мы не взяли лошадей? – спросил Лю Чен, когда Ло Фенг вывел его по узкой тропе к водопаду. Главная река Фризы, которой предстояло раскинуться в устье на две лиги, здесь – в трех сотнях шагов от начала тоннеля – вырывалась из теснины Бальдарских гор и падала в пропасть упругим, но узким водяным жгутом. Тропа, уже через пару десятков шагов становясь козьей, поднималась на почти неприступные скалы, но рядом, чуть ниже водопада над глубоким ущельем подрагивал узкий мост, за которым тот же путь, минуя отвесные утесы, – имел вполне сносное продолжение на северо-запад. Лю Чен с опаской потрогал ногой вплетенные в веревочную основу дубовые плашки.

– И поэтому тоже, – кивнул Ло Фенг, доставая из мешка бутылку земляного масла. – Лошади не пройдут дальше. Но на той стороне хребта без них мы не обойдемся.

– Главное, чтобы они без нас не обошлись, – проворчал Лю Чен

«Молод, – подумал Ло Фенг. – Поэтому болтлив. Это пройдет. К тому же и я не вполне молчун».

Мост подрагивал при каждом шаге. И дерево, и веревки впитывали масло, как сухая кора впитывает капли дождя. На другой стороне пропасти Ло Фенг отставил бутылку и взял в руку кресало, когда вдруг услышал крик:

– Стой!

Меч Ван Ксина словно сам собой лег в руку эконца, сам взметнулся над посеревшими от времени канатами, но замер по воле Ло Фенга. Та самая рыжая девчонка, что пела распятая на стене, встала на мост. Встала и медленно пошла вперед. За ее спиной на краю пропасти толпились последние беглецы.

– Меня зовут Рит! – крикнула она. – Отряд стражи во главе с местным бароном проскакал в тоннель. Они могут вернуться. Не позволяй им растерзать нас!

– Зачем мне твое имя? – спросил Ло Фенг, приглядываясь к девчонке, которая успела переодеться. Берканское котто, льняная камиза, порты и сапоги, мешок, лук и тул со стрелами за спиной, знакомый меч на поясе, точно, подобрала клинок Чжан Тао, – делали из нее если не бравую воительницу, то почти добропорядочную горожанку. Только синяки на лице и след от плети на скуле никуда не делись. Где-то в отдалении послышались крики фризских воинов, снова загудела труба. Ее спутники забеспокоились, но она лишь пожала плечами:

– Когда знаешь имя человека, его труднее убить.

– Иногда легче, – ответил Ло Фенг. – Можно подозвать.

– Не в этот раз, – скривила она губы, продолжая двигаться вперед.

«Лет восемнадцать, – подумал Ло Фенг. – Если просто стоит, кажется, что шестнадцать, а то и пятнадцать, но если движется, говорит или поет, сразу видно, что взрослее».

– Ты разве никогда не встречала эйконцев? – спросил он. – Мне все равно, как тебя зовут. Мне вообще нет до тебя дела.

– Ты слишком разговорчив для эйконца, – заметила она уже на середине моста.

Ло Фенг вставил меч в ножны.

– Я думал, что ты сбросишь ее в пропасть, – с облегчением пробормотал Лю Чен.

– Еще успею, – ответил Ло Фенг. – Если суматохи не избежать, следует извлечь из нее пользу.

Беглецы перешли мост друг за другом без толкотни, словно их все еще соединяла цепь. Их было с полусотню. Кое-как вооруженные, в большинстве своем плохо одетые, истерзанные, без сил, но с мрачной яростью в глазах, они смотрели на эйконцев как на диковинных зверей. Берканцы и фризы, паллийцы и вандилы. Мужчины и женщины, старики и старухи. Высокий и широкоплечий гелл, почти великан, зыркнул с интересом на торчащую из-за плеча Ло Фенга рукоять фальшиона, расплылся в улыбке, поклонился, подбросил в руке неведомо откуда взявшийся молот и двинулся прочь, за ним потянулись почти все. Те, кто не потянулся, остановились в ожидании. Трое темнокожих вандилов. Рыжий и коренастый, судя по драной кожаной куртке, – паллиец. Трое фризов. Двое берканцев. И сама Рит – рыжая, но не паллийка. Пять женщин и пять мужчин.

Ло Фенг снова взялся за кресало, но Рит все еще не оставила его в покое. Наклонилась над пролитым маслом, приложила руки к веснушчатым щекам, что-то прошептала, дунула, щелкнула пальцами, и мост оделся ярким пламенем.

«Глупая, – подумал Ло Фенг, перерубая канаты и отправляя пылающую переправу к противоположной стороне пропасти. – Кто же раскрывает свои секреты без крайней нужды?»

– Мне все равно, что ты об этом думаешь, – сказала она.

– Проклятье! – взревел показавшийся на противоположной стороне пропасти граф Сотури с отрядом стражников. – Убить их!

Ло Фенг отбил мечом выпущенные в него две стрелы. Но почти сразу же фыркнул лук у него за плечом, и третья стрела отскочила, ударившись о кирасу вельможи.

– Уходим! – поспешил скрыться за спинами отступающих стражников граф.

– Чужой лук, – с сожалением отметила Рит, опуская оружие. – Не привыкла еще. А почему ты не стрелял? У тебя же мушкет!

– Он твой враг, а не мой, – ответил Ло Фенг.

– Враг у нас теперь общий, – расплылась в улыбке Рит.

– А дорога у каждого своя, – парировал Ло Фенг.

– Я могу выбрать любую, – заметила она, не сводя с эйконца глаз.

– Мне попутчики не нужны, – ответил он и двинулся по тропе вслед за уведенной геллом толпой.

– Попутчиков не будет! – Крикнула она ему вслед. – А вот преследователей обещаю. Полезных преследователей!

– Она нас пугает? – спросил Лю Чен.

– Ставит в известность, – объяснил Ло Фенг.

Они миновали до темноты две деревни. Притулившиеся к утесам, которые давали защиту от камнепадов и снежных лавин, фризские сакли ничем не напоминали геллские родовые башни, но их обитатели были не менее воинственны. Во всяком случае, путников они встречали с луками и стрелами в руках. Прошедшие через эти селения перед эйконцами беглецы или оказались не слишком почтительными, или вороватыми. Впрочем, эйконцев боялись и

здесь. Луки опускались, стрелки скрывались за дверями, воротами и низкими стенами. Словно опасаясь коварства горцев, десятка Рит, следовавшая за воинами из Клана Теней неотступно, приблизилась к ним. Однако, когда тропа стала забираться на очередной склон, попутчики эйконцев снова отстали.

– Нам туда, – выйдя на гребень, показал Ло Фенг на очерченную закатным небом горную гряду. – Это перевал и граница Фризы. По-прямой – около двадцати лиг, но идти завтра будем весь день. Предстоит спуститься в долину к Урузу и срезать еще один веревочный мост.

– Последний? – спросил Лю Чен.

– Будет еще один, третий, – ответил Ло Фенг. – Но за перевалом. Прямо посередине геллской деревни, которую нам не миновать. Но тот мост нужно сначала перейти. За ним мы скроемся. Дальше – много дорог.

– А что за мостом, который в долине? – потер руку Лю Чен.

– Выход из первого тоннеля, – сказал Ло Фенг. – И продолжение козьей тропы. Ничего хорошего нас там не ждет. Но жечь его мы не будем, здесь некому его быстро восстановить. Что с рукой?

– Сломана, – пожал плечами Лю Чен. – Но я наложил шину.

– Ты чешешь ее у запястья, – заметил Ло Фенг.

– Стриксы, – признался Лю Чен, сдвигая рукав. – Они... продолжают выгорать.

Затейливая татуировка, уходящая под повязку, была воспалена, словно ее только что выводили раскаленным ножом.

– А вторая рука? – спросил Ло Фенг.

– Пока нет, но я чувствую каждый, – признался Лю Чен. – Они выгорают, начиная с того места, где меня коснулся... жнец. Сразу, на месте, вспухли и исчезли четыре стрикса. За день почти выгорел пятый. Завтра его уже не будет. Что это?

– Великая магия, – задумался Ло Фенг. – Поганая, но великая. Может быть даже божий промысел. Во всяком случае, фризы в это верят и считают жнецов посланниками богов. Подумать только, ведь они не появлялись семьсот лет... Мы еще легко отделались. Порой мор покрывает целые страны, порой правители теряют разум и сами терзают своих подданных. Радуйся, если это еще не мор.

– Я радуюсь, – пожал плечами Лю Чен, – но не хочешь ли ты сказать, что мы сражались с посланником богов?

– С посланником точно, – кивнул Ло Фенг, – а уж кто его послал, пусть разбираются наши мудрецы. Главное, донести до них известие, которое мы узнали. И то, что наши стриксы выгорают, это тоже важно.

– А что будет, когда выгорят все камни? – спросил Лю Чен.

– Увидим, – ответил Ло Фенг. – Но ничего хорошего я не жду.

– Если они будут выгорать по одному в день, – Лю Чен сдвинул брови, – то увидим через две недели. По мне.

– Или чуть позже, – ответил Ло Фенг, ощупывая через котто грудь и живот. – Но я буду молиться духам твоих предков каждый день, который проживу после твоей смерти.

– Слабое утешение, – скривился Лю Чен.

– Я не утешаю, – ответил Ло Фенг, опускаясь на камень. – Остановимся. Та схватка обошлась нам дорого. Силы долго не восстанавливаются. Думаю, неспроста. И у тебя тоже, я вижу. Так что, пора передохнуть. Привал будет здесь.

– И ни костра, ни еды... – понял Лю Чен.

– Костер разведут наши преследователи, – кивнул в полумрак, в котором начали раздаваться шаги, Ло Фенг. – Ты даже можешь посидеть у него. Все-таки, всего две недели осталось? Надо бы прожить их с удовольствием. Видел, какие девушки идут за нами?

– Но там... – показал в сторону перевала Лю Чен.

– Пусть видят наш огонь, – кивнул Ло Фенг. – Нужно, чтобы они думали, что мы глупы.

Они спустились в долину, едва посветлело небо, и еще утром добрались через густой ельник до очередного ущелья, через который тоже был перекинут веревочный мост. Возле него лежали три тела – два старика и старуха. У всех троих были разбиты головы. Когда-то давно то же самое приходилось делать и Ло Фенгу. Убивать. Уже потом он узнал, что худой мальчишка-фриз, что смотрел на него затравленным зверьком, вор и отравитель, а в тот миг, когда маленький Ло Фенг получил в руки тяжелую деревянную колотушку, он видел перед собой всего лишь ровесника. Лучше бы ему тоже дали в руки что-то. Даже меч. Но он был связан. И Ло Фенг раскроил ему череп одним ударом, зная, что если не сделает этого, получит тысячу плетей, и успев заметить слезы на веснушчатом лице. Кажется, он был похож на Рит. А если он не был вором и отравителем? Если эти сведения о погибшем были соломинкой, по которой Ло Фенг должен был вытащить самого себя из бездонной пропасти? Почему ему до сих пор кажется, что он так и не выбрался оттуда?

– Кувалдой, – донесся до Ло Фенга голос Рит. – Ночью что-то случилось, я почувствовала. Словно мрак сгустился на нашем пути. Тот же, что и в Водане. И вот пожалуйста. Не понимаю, этот гелл никогда бы такого не сотворил, а кроме него никто его кувалду и не поднимет. Всю дорогу до Водана он поддерживал слабых, шутил, смеялся. Уже в Водане, когда вы ушли, он ногами топтал пепел того чудовища, говорил, что лучшей участи для такой твари и желать не мог. Он не мог этого сделать. Разве только спятил. Но зачем? Чтобы они не ушли? Или это был не он?

Ло Фенг оглянулся. Десятка Рит остановилась невдалеке. Пять женщин и пять мужчин. Все уставшие и, как будто, голодные. Почему они смотрят на него с надеждой? Разве он обещал что-нибудь хотя бы кому-то из них? Пять секунд, несколько мгновений танца воина Клана Теней, и трупов на этой стороне моста станет на десять больше. Может быть, именно так он должен поступить?

– Кому-нибудь нужно на ту сторону? – спросил Ло Фенг.

Молчание было ему ответом. Ло Фенг вытащил меч и перерубил канаты. Плеть моста дрогнула, пошла вниз и хлопыстнула по противоположной стороне ущелья, не дотянувшись до скрытой в утреннем тумане воды.

– Я иду к перевалу, – показал Ло Фенг на освещенный утренним солнцем гребень. – Там будет плохо. Кто-то из вас может погибнуть. Если вы пойдете за мной.

– Если мы не пойдём за тобой, погибнут все, – заметила Рит.

Ее спутники замерли, чуть дыша. Лю Чен покосился на напарника с удивлением.

– Я не стану вашим пастухом, – проговорил Ло Фенг. – И уж тем более вашим воеводой. Но если опасность будет грозить одновременно и вам, и мне, вас может спасти только беспрекословное подчинение. Отставших спасать не буду. Ослушавшихся спасать не буду. Глупых спасать не буду. Перевалим на ту сторону, минуем геллское поселение, разделенное похожей пропастью на две части, и разойдемся каждый в свою сторону. Ясно?

Они стояли молча. И весенний щебет птиц в ельнике был громче, чем их дыхание.

– Но сначала я хотел бы узнать, кто вы, – Ло Фенг окинул взглядом каждого. – Я должен знать, почему вы оказались среди узников, почему не пошли с тем молотобойцем.

– Рассказывать как на исповеди? – прогудел широкоплечий бородатый фриз средних лет.

– Как на исповеди перед самим собой, – ответил Ло Фенг. – Заодно можете спросить меня о чем-нибудь. Больше времени на разговоры не будет. Начнем с тебя.

Он ткнул пальцем в молодого чернокожего парня в нестаром, но уже продранном на коленях халате.

– Алус, – с вандилским акцентом, слегка запинаясь, проговорил парень с коротким мечом в руках. – Я не пошел с тем... молотобойцем, с Хатом, потому что он попал сюда из-за нас. Я

не мог смотреть ему в глаза. Он был хорошим, прятал отца и меня, когда все это началось... В Гордине. Возмутился, когда нас забрали, и его забрали вместе с нами.

– За что вас забрали? – спросил Ло Фенг.

– У отца была лавка сладостей, – всхлипнул Алус. – Но не из-за нее... Забирали всех.

Гулящих, бродяг, инородцев, черных. Мы с отцом были черными.

– Были и есть, – кивнул Ло Фенг. – А я вот инородец. Где отец?

– Умер на стене, – подала голос Рит. – Мы положили его в костер вместе с вашими воинами. Знак был вычерчен на нем.

Алус кивнул и стер с лица слезы.

– Рит, – поморщился Ло Фенг. – Покажи ему, как закрепить меч без ножен на поясе. Кажется, ты должна знать. Продолжим знакомство. Ты?

Он показал на бородача.

– Дум, – крикнул тот, опираясь на секиру. – Да, вот такое имя. Я убийца. Убил кого-то по пьяному делу, даже и не помню как и кого. Может и не убивал никого. Был брошен в темницу, просидел недолго, попал под это дело. Пошел с Рит, потому что она не боится. Я тоже не боюсь. А вот Хат этот робел, хоть и здоровяк. По пеплу топтался, а сам бледнел от ужаса. Я сразу вижу слабину. А так-то я механик, на пароме служил в Гордине. А ты кто?

– Я эйконец, – ответил Ло Фенг и повернулся к стройному белокурому парню. – Ты?

– Я? – поежился и взъерошил вихры фриз. – Я – Сли. Вор. Тоже сидел... в темнице.

Из темниц всех выгребли для этого представления. Кстати, что хоть случилось-то? Никто не видел, что ли? А то я словно жгучего пойла опился, помню как упал, а больше ничего не помню. А попался на рынке, да. Ушлый был торговец, поймал за руку. Хорошо, что не отрубили.

– Отрубили бы, – буркнула чернокожая вандилка. – Если бы не эйконец, на куски бы порезали.

– Боги спасли меня, – развел руками Сли. – А если эйконцы, значит... и они от богов. А с Рит почему... нравится она мне. Будь она парнем... подружился бы.

Рит хмыкнула.

– Ты? – повернулся к самому старшему Ло Фенг.

– Трайд, – откашлялся седой обрюзгший берканец. – Я из Йеры. Вел караван. В вандилском лесу попались под геллов. Охрана сдала. Геллы продали фризам. И вот... несколько лет уж как мыкаюсь. То приказчиком, то слугой, то лекарем, то погонщиком скота, – он погладил дрожащей рукой заткнутую за пояс плетть, но тут же ухватился за рукоять небольшого шестопера. – Теперь вот мясом для палача.

– Ты? – ткнул пальцем в молодого рыжего здоровяка Ло Фенг.

– Руор, – с сильным акцентом произнес тот, крутанув в руке топор. – Я паллиец. Морской разбойник, как тут говорят. Ловил рыбу, а поймал неприятности на собственную голову. А там уж... Они ведь давно собирали нас всех.

– Кого вас? – спросил Ло Фенг.

– Слышал, что сказал Алус? – спросил Руор. – Оглянись. Кого ты видишь? Бродяг, рабов, гулящих, инородцев, черных, вора, убийцу, пирата. Мы все здесь во Фризе – мусор. Топливо для поганого костра. Только сгорит на нем сама Фриза.

– Ты? – спросил Ло Фенг, переводя взгляд на высокую девушку, которая сумела подобрать меч Ли Фанга.

– Гулящая, – с вызовом сказала темноволосая фризка. – Зови Шаннет, не ошибешься. Ты девственник, эйконец?

– Нет, – ответил Ло Фенг и посмотрел на ее соседку. – Ты?

– Болла, – поправила пучок на голове светловолосая берканка. – Та же самая история. Я здесь, потому что доверяю Рит. Люблю мужчин как и Сли, но доверяю женщинам.

– Сварти, – улыбнулась в ответ на взгляд Ло Фенга кокетливая мулатка. – Все как у всех. Только мне бы лук, приходилось натягивать тетиву, кое-что умею. Хотя согласна и на пику, как у Боллы. Удобно... в горах. Можно опираться. Или тыкать. Не все же тыкать в нас?

– Кенди, – скривила губы чернокожая вандилка. – У меня меч. Не смотри, что чертит по земле, я умею с ним управляться. И я не гулящая.

– Нагулялась, – прыснула Болла.

– Может быть, – пожала плечами Кенди. – Была телохранителем одного барона. Потом стала его любовницей. Затем стала любовницей его жены. И вот, она вдова, а я через темницу – здесь. Я из храмовой прислуги, была подстилкой у храмовых воинов, кое-чему научилась, поднялась, потом сверзилась. Впрочем, Шаннет тоже оттуда.

– Я подстилкой не была! – прошипела зло Шаннет.

– Конечно, ты была стелькой в сапоге, – оскалила белые зубы Кенди. – Не обращай внимания, эйконец. У нас старые счеты. Мне некуда идти, поэтому иду, куда глаза глядят. И мне тоже нравится Рит. Она, конечно, получала плетей и не только их, но говорила об этом мерзавце графе все, чего он заслуживал.

– И первой оказалась на стене, – заключила Рит.

– И вызвала жнеца, – хмыкнул Лю Чен.

– Так это жнец был? – удивился Трайд. – А я тоже сразу грохнулся в обморок. Ничего и не разглядел.

– Никто не разглядел, – скривила губы Кенди.

– Веселая компания у нас собралась, – заключил Сли. – Отчего ты не пошел тоннелем, эйконец? Там, конечно, побольше фризских воинов, но и дорога получше. Эйконцы же никого не боятся.

– Эйконцы такие же люди, как и все, – ответил Ло Фенг. – И против жнеца, если он появится в тоннеле, не устоят. А здесь... – он махнул рукой, – простор. Если что, беги куда хочешь.

– А как же там? – не понял Сли. – В Водане. Рит сказала, что...

– Нам просто повезло, – оборвал фриза Ло Фенг. – Я услышал от вас немало вранья, но мне все равно. Пошли. Нужно сегодня выбраться на перевал.

– Там будет засада, – сказала Рит. – Не знаю, сошел ли этот Хат с ума или с ним случилось что-то еще более страшное, но до того, как мы перешли через мост, он словно заговариваться начал, повторял, что тот серый меч, что ты подобрал, как раз был бы ему по росту. Восхищался тобой, но бормотал только одно – меч, меч и меч. Если он свихнулся, то захочет его отобрать.

– Он смелый человек, – кивнул Ло Фенг. – Или свихнулся.

Они подошли к границе Фризы в сумерках. Шли почти без привалов. Пока пробирались наверх, стараясь уйти с открытых мест в распадки и расщелины, скрыться под еловыми ветвями, задержались у родника, чтобы поделить и съесть все припасы, что у них нашлись, да наполнить водой бутылки. Уже в темноте Ло Фенг забрался по отвесной стене на пару десятков локтей, потом вытянул туда веревкой Рит, а уж за нею одного за другим остальных спутников. Силы как будто вернулись к эйконцу, но словно пустота таилась под ними.

– Странная тропа, – прошептала Кенди, снимая с талии петлю.

– Мы обходим перевал в полулиге, – так же тихо ответил Ло Фенг. – И никакой тропы здесь нет. Но теперь нам предстоит ночь без костра. Спускаться будем с утра. Ведите себя тише.

– Потерпим, – выдохнул Трайд. – Хотя холодновато здесь. Все-таки до лета еще далеко. До утра зубами стучать придется, но лишь бы добраться до дома. У меня уже внуки должны подрасти.

– Стучи потише, – посоветовала Кенди. – Геллский дозор не так уж и далеко.

Рит подошла к Ло Фенгу, когда почти весь отряд забылся в тревожном сне. Над головой сияло звездное небо. В стороне, далеко, помаргивал огонек костра. Впереди как будто поблескивали сразу несколько огней.

– Там перевал, – сказал Ло Фенг. – Вот, где костер. А впереди – в пяти лигах, небольшая геллская деревня. С десятков башен. Пойдем сразу на нее. Там последний мост на нашем пути. Перейдем и обрушим его. Не догонит ни этот Хат, ни граф, никто. Конечно, если они сами еще на этой стороне.

– Разве эйконцы боятся кого-то? – спросила она.

– Не только страх указывает путь, – ответил Ло Фенг.

– А что еще? – она спросила это чуть слышно.

– Разное... – проговорил он. – А ведь ты ничего не сказала о себе.

– Нечего рассказывать, – поежилась она. – Восемнадцать лет, а ума нет. Отправилась во Фризу в Храм Гнева Богов, чтобы постоять на службе, да запомнить побольше торжественных гимнов. Выправила ярлык, оплатила сбор, думала, что я в безопасности. А вот и нет. Графу не понравилась моя недовольная рожа, с которой я рассматривала его невольников, и вот, я мгновенно из свободного человека стала...

– Почти стала... – заметил Ло Фенг.

– Мне хватило, – прошептала она.

– У тебя меч Чжан Тао?

– Наверное, – кивнула она. – Шаннет дала мне его. Она подобрала два эйконских меча и один дала мне. Из-за моего упрямства. Решила, что он мне пригодится. Кроме того меча, что взял ты, и меча жнеца – это лучшее, что можно было унести из Водана.

– Ты ведь все видела? – спросил Ло Фенг. – Как? Даже эйконцы с трудом держались на ногах.

– У меня есть... – она поморщилась, – способности. Не только сжигать мосты. Разные способности. Я, конечно, и с луком управлюсь, и с мечом, и с пикой, но не это главное. К тому же я была распята. Как тут отвернешься?

– Сунулась во Фризу, будучи колдуньей, – заметил Ло Фенг. – Безрассудство. Где твой дом?

– Ближе чем твой...

– Почему ты пошла за нами?

– Хат пошел за вами, – объяснила Рит. – Сказал, что нужно держаться эйконцев. Он и в самом деле был неглуп и добр. Сказал, что ты словно окаменел на галерее, когда я запела. Потом, конечно, распластался, как и все. Но именно поэтому и дал мне пройти к мосту, чтобы я не дала его тебе сжечь. Я ведь потеряла тебя, не заметила эту тропу, а он стал кричать, что нельзя лезть в тоннель, слишком большой фризский гарнизон на той стороне, а уж когда барон промчался мимо с отрядом... Сказал, что за перевалом его родная деревня, и он знает дорогу. Хат хороший, если тех стариков убил он, это уже не Хат.

– Всякое случается, – задумался Ло Фенг. – Но я не отдам ему этот меч, даже если он очень попросит.

– Ты и в самом деле слишком разговорчив для эйконца, – засмеялась Рит. – Но даже эйконец не сможет сражаться таким мечом. Он чересчур тяжел. Его надо перековать.

– Нет такого кузнеца, – процедил сквозь стиснутые зубы Ло Фенг. – Меч Клана Теней разлетелся на части от удара об этот клинок.

– Есть, – прошептала Рит. – И я его знаю. Как тебя зовут, эйконец?

– Эйконец, – ответил Ло Фенг.

Ранним утром, как сказал Лю Чен, потешный отряд Ло Фенга спустился с утеса, на который забрался ночью, обошел заставу и вошел в деревню. Высокие четырехугольные геллские

башни казались вымершими. Ни звука не доносилось ни из одной. Ни собачьего лая, ни птичьего клекота. Впрочем, где-то в конце деревни, за несколькими фризскими кедрами раздавался женский плач. Мост через расщелину, разделяющую деревню на части, был сожжен. На противоположном краю возле одинокой башни, опустив голову, сидел на камне Хат. Его молот, покрытый красной слизью, торчал рукоятью вверх у его правой ноги. У левой ноги сидела одна из женщин, что ушли с ним. Она всхлипывала от ужаса. Трупы беглецов с разможенными головами лежали вокруг.

– Что ты делаешь? – закричала Рит.

– Жгу мосты! – низким голосом произнес Хат, не поднимая головы. – Так же, как и вы.

– Это не Хат, – прошептала Рит. – Или почти не Хат...

– Это не Хат! Помогите... – завизжала женщина у ног существа, принявшего облик Хата, но тот уже поднялся и выставил ее перед собой, хрипящую и пытающуюся разлепить чудовищные пальцы на собственном горле.

– Эй, эйконец, отдай мне меч жнеца, и я не буду убивать ее.

– Он лжет, – потянула с плеча лук Рит.

– Подожди, – остановил ее Ло Фенг и крикнул Хату. – Если ты знаешь эйконцев, ты должен знать и то, что мне нет до нее дела.

– Ты слышала? – удивился Хат. – Зачем же я тебя терпел?

Несчастливая взвизгнула, засипела, засучила ногами, и в тот же миг фыркнуло сразу не менее десятка луков, и Ло Фенгу пришлось вновь стать воином покоя, достойным сыном клана Теней. Он отбил все пять стрел, что летели из окон башни именно в него, в него и в Рит, которая отчего-то согнулась, закрыла лицо руками, но отбивая их, он уже знал, что такая же порция предназначалась и Лю Ченю, у которого действовала только одна рука, и который не был столь ловок.

– Вот и все, – рассмеялся Хат, глядя на бьющегося в судорогах, умирающего Лю Чена. – Вот так они, хваленые воины Клана Теней, отражают геллские стрелы. Я не боюсь тебя, эйконец, но сжег мост, чтобы ты не наделал глупостей, пока у тебя за спиной чужой меч. Ты и вправду хорош, но ловушка захлопнулась. Три десятка геллских воинов скачут сейчас с перевала, чтобы либо пленить вас, либо уничтожить. Ясно? Что там шепчет твоя девчонка? Собирается пропеть пару гимнов? Или молит тебя, чтобы ты защитил ее от напасти? Тебе же плевать на нее. Слышишь, рыжая? Ему плевать на тебя! Он думает только о том, чтобы отнести великий меч в эйконское логово, воткнуть его в щель в камне в их храме и заслужить прощение за собственное сумасбродство. Или когда стражники отводили тебя к графу, а потом насиловали в очередь после него, тебе повредили мозги? Эйконец! Куда послать следующий десяток стрел? В тебя или в твою девку? Брось меч на эту сторону, и я позволю тебе уйти. Что ты там ковыряешь у себя на груди? Ты можешь даже сожрать свои стриксы, они тебе не помогут! В тебя или в твою девку? Да что ты творишь там, рыжая погань?

– Баловство, – пошатнулась, упала на подогнувшиеся ноги Рит, размазала по лицу хлынувшую из носа кровь. – Сущее баловство.

– Да ты...

Хат бросил взгляд на башню, внутри которой стали раздаваться крики, а из окон вдруг повалил дым и засверкали языки пламени, свернул несчастной, которую он продолжал удерживать, шею, отбросил тело и соединил руки на плечах. Первая же стрела из подхваченного Сварти лука вошла геллу в живот, но он остался неподвижным, словно и не почувствовал боли, а когда стрел стало три, за спиной Ло Фенга закричал Алус. Багровый знак, точно такой же, какой был на груди у его отца, запылал на груди молодого парня. Зашипели, отдавая запахом паленой плоти, стриксы в обмякшем теле Лю Чена. Стянуло воспаленными узорами тело Ло Фенга. И почти разрывая огненные пути, эйконец оглянулся и увидел, что в деревню въезжают

геллские воины. Сварти в растерянности замерла. Шаннет и Кенди обнажили мечи. Дум и Руор встали перед ними.

– Грядет! – загудел Хат.

Ло Фенг снял с пояса мушкет и выстрелил в утыканного стрелами великана. Тот разжал руки, с удивлением открыл глаза и опрокинулся навзничь, исторгнув из себя что-то напоминающее дымный смерч.

– Почему ты не выстрелил раньше? – прохрипела Рит у ног Ло Фенга.

– Потому что не мог предать свой род, – ответил Ло Фенг, обнажая меч. – Но пришлось. И мне нет прощения. Не смотри на меня так. Это был последний заряд.

Он пошел вперед так, словно прогуливался по Воданской площади. Спрыгнувшие с лошадей, разъяренные происходящим в их деревне геллы ринулись на него толпой, которая стала истаявать словно свеча, упавшая на плиту. Ло Фенгу даже не пришлось закрываться от их ударов, он всякий раз опережал их, не задумываясь о том, что все делает быстрее. Быстрее бьет, быстрее видит, быстрее уходит с линий их неловких взмахов. Он словно вновь проходил посвящение. Скольких вандилов он убил во время своего первого настоящего боя? Несколько десятков? А ведь среди них были и женщины, и дети. «Хочешь когда-нибудь стать воином покоя, не оставляй в живых никого, – твердил ему наставник на краю безымянной вандилской деревни. – Покой всегда обходится дорого, но зато он порождает спасительную пустоту». И вот теперь пустота окружает его и помогает ему, но рядом с ней ее вечная спутница – жгучая, непереносимая тоска. Что с ним происходит? Все? Кажется, уже все?

Когда были пойманы лошади, и Ло Фенг, борясь со вновь накотившим странным изнеможением, еще не понял, кто из его спутников погиб, как Лю Чен, а кто ранен – склонившийся над Рит Трайд махнул ему рукой.

– Жить будет, – буркнул старик в ответ на вопросительный взгляд эйконца, – но крови потеряла изрядно. Не держится она в ней, что ли?

– Почему ты не колдовала раньше? – спросил он, подходя.

– Не хотела вызывать жнеца, не имея рядом эйконца, – прохрипела Рит, сглатывая кровь и придерживая тряпицу у носа. – Да и убили бы меня тут же... Приглядишься.

Ло Фенг замер. На заливке задушенной женщины на той стороне пропасти темнела синюшная полоса.

– Может быть... след от его хватки? – предположил Ло Фенг.

– Не заметила в его ручищах удавки, – прошептала Рит. – Жатва началась, эйконец. Это мор. Поверь мне. Я знаю. Почему он не стал жнецом?

– Возможно ему для этого нужен меч, – задумался Ло Фенг. – Или ущерб, нанесенный ему в Водане, был слишком серьезным.

– А теперь все? – она смотрела на Ло Фенга с надеждой.

– Он вернется, – качнул головой Ло Фенг. – Это не человек. Трайд, осмотри спутников, как они? Я займусь переправой.

– Почти все живы, – услышал он голос Шаннет. – Кроме твоего друга. Руор, Сли и Дум – мародерствуют. Болла и Сварти – им помогают. Ты хорошо сражался, эйконец. Я бы переспала с тобой. При случае. Бесплатно.

Две вымазанные в чужой крови воительницы стояли у него за спиной.

– А нам понравилось в паре, – Кенди крутанула в руках длинный меч. – Так или иначе – одна школа. Как ты собираешься переправить нас на ту сторону, эйконец?

– Думаю... – он снял со спины фальшион, – срубить пару деревьев.

– Так ты умеешь не только разрушать, но и строить, эйконец? – спросила Шаннет. – Я почти влюблена.

– Меня зовут Ло Фенг, – ответил он.

– И тебе лучше со стрижкой, чем с хвостом, – заметила Кенди.

Глава пятая. Колокол

«Поднесенную чашу не переплыть...»

Пророк Ананаэл

Каменный завет

Хопер не попал в Альбиус ко дню весеннего равноденствия. Оставил в стороне крепость Опакум, ринулся в путаницу горных троп и неприметных ущелий, дважды едва не угодил под обвал, промчался по панцирю уже потрескивающего ледника, пересек Черные болота, углубился в Дикий лес, ушел к Гебонским горам, сократил дорогу на четверть, но все равно не успел. Не успел бы, даже загнав лошадь, а уж с расчетом, чтобы и та осталась в здравии, и дорога разматывалась без заминки, опоздал на два дня. Одно радовало – боль в животе расстряслась к концу пути почти без остатка. Или Амма и в самом деле знала, куда выпустить стрелу, или снадобье подобрала лучшее. Впрочем, Хопер об этом выстреле старался не думать, от дум становилось больнее, чем от раны. Поэтому и звон альбиусского колокола опознал с облегчением. Далеко он разносился, даже шум грохочущего на порогах Манназа не мог его заглушить, а уж когда лошадь Хопера ступила на низкий каменный мост, стали видны и дымы над стенами, и запах паленой плоти ударил в ноздри, и вид близкой смерти схватил за горло – двое стражников в отдалении вылавливали из воды баграми трупы.

– Надо же, пертский лекарь и одновременно райдонский баронет! – мрачно заметил стоявший у городских ворот молодцеватого вида стражник, рассматривая подорожную. – Как твою милость занесло в Альбиус, Хопер Рули? Откуда ты вообще взялся? Второй день ни души на тракте...

– Еще не занесло, – ответил Хопер, спрыгивая с коня. – И не занесет, если не въеду в ворота. А откуда взялся, могу только гадать, давно это было. Кстати, зови меня просто Хопером. Какой я баронет... без поместья, да еще и в чужом краю? Ты ведь тоже не местный? Судя по говору, из Йеры?

– Из Урсуса, – подобрел стражник, взъерошивая светло-русые вихры. – Но родом из Йеры, да. Мушом – мое имя. Обращайся, если что. Особенно, если дочка у тебя имеется симпатичная, или младшая сестрица.

– Ни дочки, ни сестрицы, ни имущества, ни наследства, – огорчил стражника Хопер. – Но голова на плечах пока имеется. Так что это я должен спрашивать, как тебя занесло в Одалу, Мушом. И почему ты стоишь у ворот города в чужом королевстве? Да еще с капитанским знаком на груди. Или война началась между Одалой и Йераной?

– Что Одала, что Йерана, все союз пяти королевств, – снова помрачнел стражник. – Так же как и твоя далекая Райдона вместе с Пертой и Исаной. И знаки в Йеране выдают не по выслуге или званию, а по доблести. Малая йеранская дружина здесь по великой нужде, лекарь. Едва лошадей не загнали, так сюда спешили, чтобы... помочь соседнему королевству. Или его маленькой, но важной части. Местный бургомистр попросил о помощи, выпустил голубя, ну и...

– Странно, – нахмурился Хопер. – С чего бы это бургомистру одалского города держать у себя йеранских голубей?

– Была причина, – понизил голос стражник. – Но так ли это важно, если жатва чуть было не началась в Альбиусе? Да-да. Та самая, из сказок. Слышал о таком?

– Приходилось, – прищурился Хопер. – Из сказок, говоришь? А жареной человечиною отчего пахнет? Утопленники в реке по какой причине? Колокол надрывается зачем?

– Надрывается, значит должен надрываться, – процедил сквозь зубы стражник. – И человеческой пахнет потому, что жечь следует трупы, если они от мора случились, да и где уж теперь их сортировать? А утопленники в реке от утопления.

– А жатва так и не началась, – кивнул Хопер. – Что же ее остановило?

– Страшное колдовство, – прошептал стражник.

– Остановило, но страшное? – не понял Хопер. – Разве может быть что-то страшнее жатвы?

– Не мне судить, – пожал плечами Мушом. – Но людишек выкосило немало. Так ты в Альбиус или мимо наострился? Лекари во всякую пору нужны, а уж в такую... Только не обессудь, всякого путника, а уж тем более лекаря, велено отправлять сначала к новому бургомистру.

– К новому? – нахмурился Хопер. – А куда же делся старый? Где любитель чужих голубей? Что со стариком Троббелем?

– Жнец его придушил, – снова перешел на шепот стражник. – Да, тот самый, которым детей пугают. Выволок из ратуши и придушил.

– Кто это мог видеть? – замер Хопер.

– Один торговец глазастее прочих оказался, – хмыкнул стражник. – А может, и не один. Говорят, что на ногах почти никто не устоял, а вот гляделки не у всех слиплись. Впрочем, чего зря болтать? Ты в город? Тогда прости, приятель. Стража! Отведите его к принцу. Да, сам принц Йераны пока в Альбусе за бургомистра. Его высочество Триг!

Хоперу уже приходилось сталкиваться с принцем Йераны. При последней встрече тот показался ему высокомерным на вид, но в суждениях проявил и мудрость, и справедливость. Теперь на его хмуром лице не удалось разглядеть и тени высокомерия, что изрядно насторожило Хопера, не рассеялась ли вместе с чванливостью и мудрость? Вытянув ноги, принц сидел в установленном на рыночной площади шатре, помешивал ложкой какое-то кушанье в серебряной чаше и поглядывал на башню ратуши, на которой продолжал звонить колокол, так, словно собирался снести ее собственными руками. На Хопера, который после вида костров с обугленными костяками, испуганных лиц горожан и разбитых окон в домах и сам как будто потерял способность улыбаться, он взглянул мельком, выслушал склонившегося перед ним стражника и заметил то ли с ленью, то ли с усталой злобой:

– Лекарь, выходит? Где-то я тебя уже видел, лекарь.

– У вас во дворце и видели, ваше высочество, – поклонился принцу Хопер. – Три года назад. Отмечали мне ярлык на летоисчисление и летописание. Я целый год провел в вашем книгохранилище. Свитки разбирал и учитывал.

– И летописец к тому же? – зевнул принц. – Ладно, если бы ты был хорошим мечником, я бы тебя запомнил, а так-то... Хотя меч под плащом у тебя вижу. Значит, и меч, и посох? В Альбиус в каком качестве заявился?

– И как летописец, и как книжник, и как лекарь, и, в меру скромных умений, – маг, – снова поклонился Хопер. – На посох опираюсь, а без меча нынче опасно путь держать.

– Книжник? – напрягся принц. – Руки покажи.

– Вот, – растопырил пальцы Хопер. – Обычные руки у меня. Да, видно, что не землекоп, но если надо...

– На окраину Одалы какими судьбами забрел, книжник? – с видимым разочарованием проговорил Триг. – Звал кто?

Только теперь принц поднял глаза, позволив Хоперу разглядеть боль и почти отчаяние на вельможном лице.

– Летописец приходит туда, где случаются события, достойные занесения в летопись, – в третий раз поклонился Хопер. – Зов не нужен. Да и не долетел бы он, я далеко был от Альбиуса. Потому и опоздал к началу жатвы. По собственной воле я здесь.

– По собственной воле? – зловеще понизил голос принц, заставив отпрянуть стражу от входа в шатер. – Только об одной собственной воле мне известно – заткнуть уши и глаза и уползти в укромное логово. Каждый второй вокруг меня лелеет эту мечту! Но даже если твоя воля иная, откуда ты узнал, что случится жатва?

– Гадалка одна... – Хопер выпрямился, положил ладони на посох, – в Долине Милости предсказала, что жатва начнется в Альбиусе и в Водане. В день весеннего равноденствия. Вот я и поспешил туда, куда ближе было.

– Гадалка? – скривился принц. – Случаем, не прекрасна лицом, не черна волосом?

– По мне так прекрасна, но волосом не черна, – ответил Хопер. – Скорее, бела как вершины молочных пиков.

– Старуха? – спросил принц.

– Нет, но и не молодлица, – ответил Хопер. – Я встретился с ней случайно. Может, она и сама не ведала, что говорит?

– Однако ты помчался в Альбиус, – пробормотал принц. – И она угадала... почти.

– Я тоже не лишен чутья, – заметил Хопер. – Ярлык мага от одалского короля у меня всегда с собой. Но гадать на жатву я бы не взялся.

– Пока что «не лишен чутья», – задумчиво поправил Хопера принц. – И зачем же тебе нужна жатва?

– Жатва никому не нужна, – пожал плечами Хопер. – Но если что-то случается раз в семьсот лет, то как пропустить? До следующей жатвы можно и не дожить.

– Можно и не дожить, – повторил принц последние слова Хопера и отправил в рот ложку кушанья. – Не выгорело тут с жатвой. Хотя мой спутник – увязался тут за мной один важный храмовник, что оказался проездом в Урсусе, думает иначе. Однако есть кое-что если и не страшнее жатвы, то из той же сумы. Послушай, лекарь. Или маг, неважно. Ты можешь сделать так, чтобы этот колокол перестал звонить?

Хопер обернулся и разглядел сразу все; и мусор на ярмарочной площади, и разбитые прилавки, и заколоченные досками двери в ратушу, и стражников возле них, и какую-то едва различимую мусть в самом оголовке строения, в окнах часовой башни, откуда продолжал доноситься заунывный звон. Беда, что накрыла Альбиус, явно была прихвачена на шпиле ратуши узлом.

– Может быть, стоит отогнать от него звонаря? – предположил Хопер.

– И ты смеешь полагать, что мы этого не пытались сделать? – удивился Триг.

– Мне это неведомо, – позволил себе улыбнуться Хопер. – Но я точно знаю, что попытка что-то сделать и заверенное дело отличаются результатом.

Несколько секунд принц испепелял Хопера взглядом, но заговорил лишь тогда, когда смог унять пламя в собственных глазах. Голос его подрагивал, но эта дрожь не была дрожью слабости.

– Кажется, ты не маг, – наконец произнес принц. – Или из тех магов, что тряпки тянут из рукавов на ярмарках. Я мог бы отправить тебя на башню, чтобы ты попытался... Но нет. Хватит смертей. Стража! Отведите его к кардиналу, а если и тому он не надобен, гоните прочь из города.

Вряд ли кардинал мог располагаться в ратуше, если ее двери были забиты. Но стража вела Хопера именно к ним. «Неужели священник получает удовольствие от непрерывного звона?» – подумал Хопер. Сам-то он и часа не согласился бы выносить бронзовое дребезжание, которое ударяло в затылок и гудело в висках. И на принца звон воздействовал явно не лучшим

образом. Иначе, зачем он послал с Хопером четырех стражников, трое из которых были бледны от ужаса? Так же, как и двое их собратьев у заколоченных дверей. Излишнее старание выдавало панику и беспомощность. Всего-то идти было две сотни шагов от шатра, но и эти две сотни шагов стражники тащили Хопера под руки, хорошо хоть не перекинули через спину кобылы, которая цокала по странно пустой рыночной площади, торопясь вслед за своих хозяином.

– Ученая? – обернулся самый высокий из стражей – белообрый великан, точно кто-то из его предков смешал кровь с паллийцами. Такой и один мог нести Хопера на вытянутых руках. Паника и беспомощность ему тоже были не свойственны.

– Точно так, – кивнул Хопер. – Только упрямая. А еще кусается и лягается. Имей в виду, если что.

– Буду иметь, – пообещал Хоперу стражник. – Я, кстати, тоже и кусаюсь, и лягаюсь. И не только. Так что мы с ней вроде как сродни. Давай. Дальше сам.

– Куда? – не понял Хопер, разглядев затычки в ушах у стражников возле ратуши. – Там же забито!

– Не туда, дурень, – хмыкнул великан. – Дверь правее. Вон она. Где колокольчик. Ты не зацепи только его, нам и большой звон уже через край.

– Туда? – удивился Хопер. – Так это ведь лавка?

– Была лавка, а теперь обиталище кардинала, – последовал ответ.

– А вы что же? – скривил губы Хопер. – Могли бы и занести. Или у него собственная стража?

– Точно дурень, – оскалился стражник. – Он в страже не нуждается. Он же кардинал!

– Почти бог, – пробормотал Хопер и шагнул в приоткрытую дверь лавочки своего давнего знакомого Раска.

В ней как будто ничего не изменилось за год, который прошел после последнего визита Хопера, разве только свечей зажжено было больше обычного, да лампы чадили, поэтому в лавке вдруг оказалось не только светло и тепло, но и одновременно душно. Высокий и худой человек в монашеской мантии, который выдвигал один за другим ящики в шкафах и мельком вглядывался в их содержимое, был бел, как и Амма. Но не имел в лице с последней никакого сходства, если не считать подобием тонкие губы и острые скулы. Насколько его знал Хопер, он и в самом деле не нуждался в страже.

– Вот и ты здесь, Бланс, – проговорил священник с раздражением, не поворачивая к гостю головы. – А я уж думал, что ни одна муха не прилетит на эту кучу дерьма.

– Считаю тебя, вторая уже муха, – с ответной неприязнью заметил Хопер, присаживаясь на сундук у входа. – Как тебя зовут на этот раз, Кор?

– Вернулся к прежнему имени, – нехорошо улынулся священник. – Соскучился. Так что, и Кор правильно, и Коронзон – не обидит.

– И ты, Коронзон, снова кардинал? В который уже раз?

– Не считал, – признался Коронзон, подходя к столу Раска. – А в который уже раз ты бродяга, Бланс?

– Называй меня Хопером, – предложил Хопер. – Я по своему имени еще не соскучился. Хозяинчаешь вместо Раска?

– Всегда удивляла ваша страсть к перемене имен, – поморщился Коронзон. – Кажется, только Амма всю здешнюю жизнь оставалась Аммой? Ну да, она же отшельничает где-то. Ты ведь не случайно здесь оказался? Что она еще предсказала?

– Ничего... – после долгой паузы ответил Хопер. – Разве только то, что жатва начнется не только здесь, но и в Водане.

– А этот глупый принц думает, что она уже завершилась, – покачал головой Коронзон. – Не может понять, что жатва – не мушкет. Осечки не бывает.

- Так это не твоих рук дело? – спросил Хопер. – Хотя бы в Водане?
- Конечно нет, – процедил сквозь зубы Коронзон, метнув подозрительный взгляд на собеседника. – Или ты думаешь, что мы сговорились с умбра?
- Мы все умбра, – парировал Хопер. – И Амма, и Раск, который, как я понимаю, улизнул. Кто здесь являлся?
- Тебе зачем? – спросил Коронзон.
- Я хочу это остановить, – сказал Хопер.
- Надо же, какой смельчак, – удивился Коронзон. – Что же ты в прошлые жатвы не беспокоился ни о чем? Впрочем, семьсот лет назад вам это удалось. Правда, я до сих пор не понял, как. Знаю-знаю, ты сам тогда чуть не сдох. Но теперь все изменилось. Ты остался один. Всем прочим плевать.
- И ты не хочешь, чтобы я попытался? – поднял брови Хопер.
- Ну... – пожал плечами Коронзон. – Почему? Пойдешь тем же путем? Или все еще рассчитываешь раскрыть какую-нибудь великую тайну? Отыскать чистую силу в рабской людской породе?
- Не знаю, – проговорил Хопер. – Но тут было что-то особенное. Я почувствовал. И тут, и в Водане.
- Что же? – сдвинул брови Коронзон. – Колокол?
- Не только. Нет. Кто-то устоял. Устоял против жнеца. Кто-то из смертных. Такого раньше не было.
- Окаменел от страха? – рассмеялся Коронзон.
- Нет, – ответил Хопер. – Устоял собственной волей.
- Надо же, – помрачнел Коронзон. – Это все, что ты почувствовал? Я не подшучиваю, я действительно интересуюсь. Ты ведь должен был разглядеть жнеца. И не только здесь, но и в Водане. А не спрашивать, не моих ли это рук дело.
- Все как будто смазано, – признался Хопер. – Я не стал хуже видеть, но словно покрывало опустилось над полем битвы. И только двое смертных – один здесь, и один на севере – сияли как яркие огни. И тот, что на севере, кажется, сумел развоплотить жнеца.
- Но ведь не убить? – отчего-то побледнел Коронзон.
- Пока нет, – ответил Хопер. – Хотя жнец нападал на него уже дважды. Второй раз вчера. Правда, не всей силой. Я не смог разглядеть.
- А ведь ты смог меня удивить, – задумался Коронзон. – Если есть такие воины, значит есть сила, которая их питает. Интересно, каким оружием он это сделал? Впрочем, ладно. А насчет покрывала – ты прав. Оно над нами.
- Звон? – догадался Хопер.
- Звон – это только звон, – пробормотал Коронзон. – А вот что внутри этого звона... Загадка. Слишком сложная для меня. Сюда бы Ананаэла. Но он пока занят, а сам я не могу разобраться. Даже отыскать след того, кто сплел эту ворожбу...
- Подожди... – вспомнил Хопер. – Принц что-то говорил о красавице с черными волосами?
- А ты не потерял хватку, – кивнул Коронзон. – Мелькнуло тут что-то этакое. Может, незнакомка и в деле. Неизвестная колдунья невиданной силы. И это очень важно. Но есть еще одно. Жатва не остановлена.
- Да уж, – согласился Хопер, – было бы странно...
- Не перебивай, – прошипел Коронзон. – Думаешь, я просто так торчу тут и слушаю этот звон? Можешь считать его нашим общим похоронным звоном. Если он умаляет жатву, значит, кто-то может умалить и нас. А уж если ты не ошибся насчет смертных, устоявших перед жнецами... ты сам-то хоть понимаешь, что происходит?

– Я здесь как раз для того, чтобы понять, – сказал Хопер. – И я не верю, что вы с Анаэлом не были готовы к этой напасти.

– Мы уже давно ожидали какой-нибудь пакости от Фризы, – пробормотал Коронзон. – Шайки геллов в последние года три стали все чаще спускаться с гор и бесчинствовать в Вандилском лесу. Нахватали рабов больше, чем в предыдущие сто лет! Для чего они им? Войска из них не сделаешь, во Фризе рабов достаточно, цены на них не велики. А ведь геллы не применяют в своих хозяйствах рабский труд, зачем им кормить пленников? А Фриза? Думаешь, просто так Фриза захватила Бальдар? Зачем он им сдался? Бальдарцы останутся непокорными, даже покорившись! Думаешь, теперь на стороне Фризы будут сражаться и черные? Очень сомневаюсь, очень... Во всем этом скрывается какой-то тайный смысл. И войско Фризы, которое теперь велико, как никогда, направляет в сторону Берканы всего три легиона. Почему? Это большое войско, но явно недостаточное, чтобы покорить Беркану. Вопросы, вопросы, много вопросов. Та же Гебона наводнена лазутчиками Фризы. Зачем это нужно Храму Гнева Богов?

– Грядет большая война? – спросил Хопер.

– Уже грянула, – взъерошил седые волосы Коронзон. – На втором этаже ратуши, там где жнец, судя по всему, придушил бургомистра, на стене вычерчена надпись – «Беркана, готовься кануть в бездну». На фризском, так что никаких сомнений... Триг видел эту надпись и уже разослал послания всем пяти королям. Еще боялся, как бы его старика-отца не хватил удар, он слаб здоровьем.

– Кто же решился на это пойти? – задумался Хопер. – Что-то не могу припомнить ни одного героя среди нынешних фризских герцогов? С другой стороны, вряд ли обычный смертный мог бы раздавать поручения жнецам...

– Ты придуриваешься? – зарычал Коронзон. – Никто кроме Храма Гнева Богов не может начать такую войну! Никто кроме умбра! Но дело не в этом! Это война на уничтожение, Бланс! Последняя жатва!

– Я уже слышал подобное, – заметил Хопер. – Каждая жатва мнит себя последней. И разве бывают войны не на уничтожение?

– Сколько угодно, – вытер вспотевший лоб Коронзон. – Войны случаются из-за сущих пустяков. Но большая война словно борьба на краю пропасти. Оба борца могут свалиться в бездну. И в такой войне без жатвы никак не могло обойтись. Хотя последние семьсот лет как-то обходилось. Что-то вы тогда сломали в той давней битве, я уже начал думать, что вовсе забуду о гнусных временах, но нет... Демон, если бы мы знали!

– А толку? – удивился Хопер. – В прошлый раз вы знали. Даже вы и начали.

– Прошло семьсот лет! – огрызнулся Коронзон. – И в прошлый раз кто-то выдал наши замыслы!

– Конечно, – согласился Хопер. – Или Анаэал, или Эней, или ты. Больше некому. Или были еще посвященные?

– Нельзя остановить первый удар! – прошипел Коронзон. – Но ответить на него можно. И уж поверь, не все можно объяснить предательством. Искать отступников – это удел слабых. Мы извлекли уроки, и ты убедишься в этом. Тот, кто делает первый ход, проигрывает.

– Энсы? – спросил Хопер.

– Уже появились, – кивнул Коронзон. – Плевать. Мы готовы. Мы не могли подготовиться к жатве, хотя наварили достаточно храмовой мази, чтобы не дать горожанам сдохнуть от дикой боли, но мы готовы к войне. Собираем войско. Думаешь, случайно оказались вблизи Альбиуса? Это принц Триг лечит тут собственную головную боль, а мы собираемся воевать. Двинемся отсюда на запад. Уже двинулись. Первые дружины прошли через город вчера. До границ Берканы всего пятьсот лиг. Врага встретим там.

– Опакум, – понял Хопер. – Я мчался сюда горными дорогами, поэтому не встретил войска, да и с крепостью разминуся. Только она ведь гебонская?

– Король Гебоны согласился предоставить ее нам, – скорчил брезгливую гримасу Коронзон. – Пришлось его слегка припугнуть, как я умею, но Опакум пока под пятью королевствами. В нем уже два года стоит наш гарнизон. Так же как и во Фриге, но она в Вандилском лесу, ее будет сложно оборонять. Скорее всего мы отойдем к Хайборгу.

– Беркана готова к войне? – спросил Хопер. – Все пять королевств?

– Пять королевств – как пять пальцев, – скрипнул зубами Коронзон. – Да, изнежились за последние годы, но готовы сражаться. Готовы стиснуть кулак!

– Так что же тебя беспокоит? – спросил Хопер. – Всего лишь звон колокола?

– В колокол звонит третий игрок, – прошептал, подняв палец, Коронзон. – Неизвестный. А нет ничего хуже неизвестности. Потому что на самом деле он может оказаться на их стороне, и уж во всяком случае нашим противником. Да, все началось, как обычно. Думаю, на севере должны быть казни и пытки, у нас – мор с мучениями. Все необходимое, чтобы призвать как можно больше энсов. Потом грандиозная битва, подобная той, которую вы остановили, и остановить которую уже некому, кровь, еще больше энсов, и кладбище от горизонта до горизонта!

– Для чего им это нужно? – спросил Хопер.

– Раньше у тебя такого вопроса не возникало, – сузил взгляд Коронзон.

– Слишком много лет прошло, – объяснил Хопер. – И прежние ответы меня уже не устраивают. Я не верю, что боги хотят купаться в смертях и страданиях. Не верю, что людские мучения полнят священные камни высшей силой.

– Однако без войн и казней менгиры постепенно остывают, – растянул губы в улыбке Коронзон. – Исцелений все меньше, магии все меньше. С этим ты ведь не будешь спорить?

– И что же? – поднялся на ноги Хопер. – Думаешь, в этот раз умбра удастся наполнить менгиры до отказа?

– Мы здесь, чтобы это не удалось, – процедил сквозь зубы Коронзон. – И мы еще посмотрим, чья возьмет. Чей замысел окажется мудрее. Но народишко расплодился, весьма расплодился. А они все еще служат. Да. Служат... нашим богам. Хотят разбудить их. Хотят избавиться от тоски.

– А если наши боги мертвы? – спросил Хопер. – Обратились в камень подобно нашим братьям в Хмельной пади? Разве только еще не осыпались пеплом.

– Нет, – понизил голос Коронзон. – Я открою тебе великий секрет. Поверь мне, Бланс. Ананаэл... он разговаривает с ними. Иногда.

– И что же они ему говорят? – сдвинул брови Хопер. – Или с ним беседует один из них?

– А этого я не знаю... – прошептал Коронзон. – Зачем мне это знать?

– Если бы Ананаэл сошел с ума, это тоже было бы великим секретом? – спросил Хопер. – А в прошлую жатву он тоже разговаривал с ними? Наверное, делился самым сокровенным?

– Не смей! – прорычал Коронзон. – Если бы не он... Не было бы ни Берканы, ничего. И той битвы, в которой тебе посчастливилось выжить, тоже!

– Вот именно! – заметил Хопер.

– Ты ничего не понимаешь! – отчеканил Коронзон. – Лучше молчи!

– Молчу, – кивнул Хопер. – Ананаэл сейчас в кардиналах как и ты? Или в который раз стал Предстоятелем Храма? Нет? А как же его вечный слуга Эней? По-прежнему подает создателю Храма Кары Богов и автору Каменного завета ночной горшок? И под каким именем Ананаэл теперь несет свет окормляемым народам?

– Это не твое дело, – отрезал Коронзон. – Хватит болтовни. Чего ты хочешь? Ты же не просто так приперся в этот город?

– Мне нужен тот, кто устоял перед жнецом, – ответил Хопер. – И, может быть, тот, кто видел жнеца и эту черноволосую красавицу. Я бы расспросил его.

– Все это видел один темнокожий купец под именем Падаганг, – отмахнулся Коронзон, – но торговец убрался из города. В первый же день. Бросил свой товар, спустился со стены по

веревке и был таков. Хорошо хоть успели опросить. Где он – неизвестно. А вот тот, кто устоял – известен. Я помогу тебе найти его. Но и ты помоги мне.

– Что нужно сделать? – спросил Хопер.

– Сушую мелочь, – засмеялся Коронзон. – Две мелочи. Найти другого человека. И остановить звон.

– А убить звонаря, если его нельзя согнать с башни, тут никто не пробовал? Пусть даже магия управляет им! Или это звонят сломанные часы? – усмехнулся Хопер.

– Ты прекрасно знаешь, что на башне Альбиуса самые обычные часы, – погрозил Хоперу пальцем Коронзон. – Это не столица королевства. В условленное время звонарь поднимался на колокольню и звонил. Но мне кажется, что тот звонарь, что звонит в колокол теперь, не может быть убит или сброшен. Там наверху – ловушка. Уже больше десятка воинов попали в нее. Она действует на них, как сладкая приманка на мух. Любопытство сменяется страстью. Видел бы ты, как я вытаскивал принца из ратуши, после того как он прочитал надпись об объявлении войны. Решил поиграть в смельчака, поднялся чуть выше, а потом словно разума лишился. Только мы с тобой способны устоять перед этой магией. Поэтому и двери пришлось заколотить. К счастью, в отдалении от источника этого звона ужас от него все еще сильнее, чем зов. Но в ратушу есть ход из этой лавки. Говорят, что Раск иногда позволял себе пропустить кубок другой с Троббелем. Бланс. Надо подняться, и остановить звон. Распустить эту магию. Она сильна, но не думаю, что слишком сложна.

– А ты сам? – спросил Хопер.

– Ты считаешь, что перед войной с Фризой, на стороне которой пять высших умбра, мне нужно рисковать собой? – удивился Коронзон. – Нас всего трое! Ананаэл, я и Эней! И только мы, такие же курро, как и вы, смогли приобщиться к силе менгиров! Только мы смогли постигнуть тайны воплощения жнецов! Кто прикроет Беркану, если она окажется на краю пропасти? Это вы прохлаждались все это время! Да, вы вышли и отдали жизни, когда вас приперло к стене! А прочие? Амма, которая прячется от собственной тени? Чирлан, который хозяйничал здесь и сбежал в очередной раз при первых признаках опасности? Зонг, которому всегда было на всех плевать в этой его Долине Милости? Карбаф, упивающийся собственной плотью, проводящий время в вельможных игрищах? Где вы?

– Погибших не приперли к стене, – заметил Хопер. – Они вышли на битву в чистое поле.

– Я сказал свое слово, – ответил Коронзон. – Тебе отвечать. Поможешь мне – я помогу тебе.

– Я не хочу расплетать чужую магию, – твердо сказал Хопер. – К тому же, я не уверен, что смогу это сделать. Наконец, это ведь может оказаться не просто ловушкой. Это может оказаться новым замыслом Адны!

– Не напоминай мне это имя! – оскалился Коронзон. – Впрочем, если ты не хочешь получить помощь от меня...

– Подбери мне задачку попроще, – развел руками Хопер. – Я не герой. Расплетать чужое колдовство не по мне.

– Задачку попроще? – нахмурился Коронзон. – Нет у меня задачки попроще.

– Тогда прощай, – поклонился Хопер. – Я и так выясню, кто устоял перед жнецом. Будем считать, что меня выставили из города.

– Подожди! – замахал руками Коронзон. – Ты зря упрямышься. Ну да ладно, не мастер я этих хитросплетений, сюда бы Энея, поэтому скажу как есть. Мне все равно придется разбираться с этой ворожкой. Я не призываю тебя распускать ее, это и в самом деле опасно, взгляни хотя бы. Если там что-то есть, что сможет помочь мне, только ты сумеешь это разглядеть. Сами боги послали мне тебя! Только взгляни! Ну, что ты молчишь?

Хопер думал. Звон продолжал разрывать голову, и сам по себе отчего-то казался не зловещим предзнаменованием, а криком о помощи, но окутан этот крик был не только сладо-

стью, которая могла приманить человека. Где-то поблизости дышала опасность, равной которой Хопер еще не чувствовал.

– Ну? – выпрямился Коронзон. – Я когда-нибудь о чем-нибудь просил тебя?

– Ладно, – поморщился Хопер. – Взгляну. Рассказывай

– В день весеннего равноденствия жнец появился у альбиусского менгира, – начал глухо ронять слова Коронзон. – Он призвал энсов, начертил на менгире знак врат, замкнул на него все менгиры Берканы, может быть, всего Терминума, и взял силу камня. Затем жнец явился к дозорной башне на тракте и одарил мором дозорных возле нее. Один из них его и разглядел. Во всяком случае – его глевию. Так что это был Дорпхал. После этого жнец вошел в Альбиус. Запечатал тем же знаком ворота и двинулся к ратуше. Народ всюду валился с ног в ужасе. Но в тот миг, когда он еще вычерчивал знак на вратах, на рыночной площади появилась женщина. По описанию она была удивительной красоты. С черными, жгучими волосами, с черным взглядом. Ее видели немногие, видели смутно, как сквозь сон. Она приблизилась к ратуше, вошла в нее и, наверное, поднялась на башню. И в тот миг, когда на площади появился жнец, колокол начал бить и бьет до сих пор. И вошедший в ратушу жнец не остановил его биения. Я даже подумал сначала, что этот звон часть жатвы. Но нет...

– Это все? – спросил Хопер, потому что рассказчик словно замер на полуслове.

– Нет, – очнулся Коронзон. – Старик Троббель оказался крепким орешком. Он ведь приходился нынешнему королю Одалы троюродным братом, так что его упрямство имело глубокие корни. Обычно жнец требует повинения, судя по тому, что, выходя из ратуши, он выволок за шиворот тело бургомистра, Троббель ему не уступил. Не уступил, даже свалившись с ног. Еще и успел голубя отправить в Урсус. Но тебе ведь нужен тот, кто устоял?

– Был ведь такой? – спросил Хопер.

– Был, – кивнул Коронзон. – И объявлен преступником. И даже приговорен принцем Тригом к казни за оставление города и за убийство стражников. Хотя, по словам многих, как раз он и мог бы заменить старика Троббеля.

– Не понимаю, – нахмурился Хопер.

– Капитан в отставке, пожалованный одалским королем титулом барона, Торн Бренин оказался на этой же площади, – объяснил Коронзон. – Вместе с дочерью. Именно он не упал, столкнувшись со жнецом. Якобы дочь спрятал за спину, она или висела на нем, или подпирала отставника. Жнец что-то сказал Торну, а потом растворился. Торн бросился домой. Судя по всему, его жена погибла одной из первых в городе. Но еще раньше, еще до появления жнеца хозяин этой лавки при первых ударах колокола бросился прочь из города. И ведь стервец ни единого стрикса не оставил! Так вот он сломал печать на воротах города.

– И наступило безумие? – спросил Хопер.

– Да, – кивнул Коронзон. – Как и во всякий мор нарушение печати вызывает безумие. Часть стражников принялась рубить горожан и друг друга. Но некоторые – объединились. Отряд таких безумцев помчался вслед за Чирланом. Зря, конечно, мы нашли их тела у йеранской дозорной башни, весельчак не научился управляться с топором. Но они словно служили кому-то... Понимаешь?

– Служили? – нахмурился Хопер. – То есть не были безумны?

– Были, – развел руками Коронзон. – Но при этом не убивали друг друга. А затем печать на вратах была сломана еще раз.

– Кем? – не понял Хопер.

– Торном, – ответил Коронзон.

– Как он сумел? – удивился Хопер.

– Как-то сумел, – хмыкнул Коронзон. – Может быть, Чирлан ему подсказал? Они были знакомы.

– Но зачем?

– Судя по всему, мор пал на его дочь. И он вырвался из города, чтобы спасти ее.

– И в чем его преступление? – не понял Хопер.

– Он перебил половину стражников у главных ворот, – ответил Коронзон. – И увел с собой капитана стражи и нескольких молодых стрелков. Повел их к менгиру, вступил там в схватку с энсами, дочь, конечно, не спас, потерял одного воина и исчез. Большого не скажу, хотя еще вчера у моста, через который ты переехал, приближаясь к Альбиусу, был затор из мертвых тел. И не только энсов, все жители Змеиног урочища истреблены и сброшены в Манназ. Некоторые еще подплывают. А обитателей одной деревни порубили недалеко от менгира. Некоторые, кстати, винят в этом беглеца. Может быть, Торн Бренин тоже лишился разума? Видишь, я облегчаю твою задачу. Часть наших целей совпадает. Его нужно найти, Хопер. И ты сделаешь это.

– Не спеши, – поморщился Хопер. – Я и сам как раз хочу найти его. Но не для того, чтобы предать его суду принца.

– А для чего? – скорчил гримасу Коронзон.

– Я... не знаю, – признался Хопер. – Разве я не говорил? Я должен понять, как ему удалось устоять.

– Он сделал это не в первый раз, – отметил Коронзон. – Да, много лет назад спас своего тестя. Графа Вичти. Ты же слышал о северном походе против паллийцев? Против северного ярла? Отряд Стахета Вичти вышел к границе. К пределу. К самой пелене. И та захлестнула часть воинов. Торн облился кровью, но вошел в пелену и вышел из нее, вытащив своего родственника.

– Герой, – согласился Хопер. – Даже умбра не способен на это.

– Умбра на многое способны, но не настолько глупы, чтобы совершать глупости, – буркнул Коронзон. – Думаю, что принцу было бы не до Торна, но тот не только нарушил присягу, он увел сына принца.

– Сына принца? – не понял Хопер.

– Да, сына Трига, который сам почти король. Принца крови! – воскликнул Коронзон. – Парень с характером, тяготясь родительской опекой, отправился в соседнее королевство, в Одалу. Тайно поступил в одалскую гвардию стрелком, а потом уже молодым воином прибыл в Альбиус. Вместе с приятелем, который одновременно был его телохранителем. Молодого принца зовут Хода. Приятеля – Соп. Мы раскопали могилу у менгира. Ходы и Сопы там нет. И река не приносила их тела.

– Все ясно, – протянул Хопер.

– Ничего тебе не ясно, – обозлился Коронзон. – Если бы Торн не ушел из города, и его дочь была бы жива, и принц Триг не буйствовал. Уже через пару часов безумие ослабло. Те, кто не умер в первые часы, не умерли уже вовсе. Мор, конечно, не оставил их, но уже не скручивает болью и не превращает в безумцев. Всех жертв по городу, считая сраженных Торном, три сотни человек. Ты видел костры? Есть еще зараженные в деревнях, но их не так много. Здесь в городе почти все выжили. Зараза, которая оседлала их загривки пока затаилась...

– Звон противостоит мору? – спросил Хопер.

– Отчасти, – кивнул Коронзон. – Но рассеяние безумия связано именно со звоном. Может быть, и еще с чем-то, но мы не можем судить о предотвращенном, не зная его. Это странная, но могучая магия. А теперь слушай меня! Сейчас, в данное мгновение продолжают звонить колокола во всех городах Берканы. Звонить сами по себе. Без звонарей. Потому что звонит этот. И жнец не появился больше нигде! И зараженных не становится больше, кажется нам удается сдерживать мор!

– То есть, жатвы и в самом деле нет? – не понял Хопер. – Или она слабее обычной? Что тебя пугает, Кор? Ты сам-то хоть что-то рассмотрел там?

– Ничего, – ответил Коронзон. – Но вот, что я тебе скажу. Я боюсь помощи, которой не просил. А вдруг это насмешка от кого-то, равного нам? С жатвой все непросто. Это же старая магия. Та, что была сплетена еще мною и раскинута над Фризой семьсот лет назад. Та, в которую вплела свои поганые заклинания мастерица Адна. Они не могли обрушиться на нас с тем, что нам известно. Они всегда придумывают что-то новое.

– Значит... – задумался Хопер.

– Это был только первый удар, – сказал Коронзон. – Пошли, я покажу тебе.

– Странно, – заметил Хопер, протиснувшись вслед за Коронзоном в тесный коридор и поднявшись по лестнице. – А ведь Раск не рассказывал мне об этом проходе.

– Чирлан всегда был хитрецом, – заметил Коронзон. – Это я говорю, что думаю. А все прочие себе на уме. Думаю, даже ты. Вот, смотри. Сюда я привел принца Трига.

Пол на втором ярусе ратуши был вымазан в крови и усыпан обломками мебели. На одной из стен ковры оказались сорваны и на беленом камне той же кровью было выписано – «Беркана, готовься кануть в бездну».

– Принц Триг, конечно, пока что может думать только о сыне, но на него это тоже произвело впечатление, – заметил Коронзон. – Затем мы пошли по лестнице вверх. Иди передо мной, мне интересно, ты угадаешь, когда принц потерял самообладание, или нет? Хочешь, я пойду первым?

Хопер посмотрел на Коронзона. Тот и в самом деле был как будто не только встревожен, но и расстроен. Да уж, не каждому жнецу на пользу, как говаривал тот же Ананаэл, излишний покой. Вот только пускать Коронзона первым не следовало, если и остались какие-то обрывки эмоций, магии, после него уже ничего не разберешь.

Хопер поморщился от очередного удара колокола, который словно взорвался в голове, и шагнул на лестницу. Она следовала граням часовой башни, и человеку, окажись он на месте Хопера, вряд ли показалось бы, что неведомая сила тащит его к оголовку. Нет, все было сделано тоньше, в воздухе веяло ощущением загадки, тайны, собственного величия и неуязвимости. Достаточно для того, что увлечь человека, но слишком мало, чтобы заставить вспомнить его об осторожности. Но что можно было сказать о самом звоне? Хопер чуть замедлил шаг. Почему он не может разобрать сути примененной магии? Неужели, он растерял собственные способности, в которых никто не мог его превзойти? Или он и не должен ее чувствовать? Точно... То, что было сотворено над ратушей, не было раскинутой ворожкой. Эта была вознесенная над всей Берканой воронка, которая как раз и втягивала в себя раскинутую ворожку, высасывала насланный на Беркану мор, останавливала его. И не только мор, что-то неразличимое, но еще более страшное.

– Здесь? – спросил Хопер, когда они достигли древнего часового механизма, и до колокольной площадки оставался последний лестничный марш.

– Точно, – кивнул Коронзон. – Я успел его поймать за котто и вытянуть. Иначе бы он тоже остался наверху. Как те воины, что поднялись туда. Кто это сделал, Хопер?

– Не знаю, – пробормотал Хопер, вглядываясь в отшлифованные тысячами шагов ступени. – Я думал на какого-нибудь умбра... Но разве есть среди нас такие маги?

– Это не главный вопрос, – заметил Коронзон.

– Куда все это девается – умаленная ворожка и проклятие жатвы? – догадался Хопер и оглянулся. – Но зачем ты хватал принца за одежду? Разве ты не мог сделать шаг и взять его за руку?

– Мог, – кивнул Коронзон. – Но знаешь, порой меня удивляет, насколько мы похожи на людей. И не потому, что мы обладаем человеческими телами, которые подвержены магии, а без должного ухода и старению, смерти. Нет, мы сами как будто становимся людьми. Понимаешь?

– Нет, – сказал Хопер, и в этом мгновение Коронзон его толкнул.

Он был очень быстрым, умбра и курро Коронзон. Безжалостным исполнителем и усердным служакой. Хопер успел бы ему ответить, потянувшись Коронзон за мечом, но он просто ударил Хопера в спину ладонью. Толкнул его на шаг или на два шага дальше той ступени, на которой Хопер почувствовал не только сладкий ужас принца Трига, но и обрывки невидимых пут, готовых захватить новую жертву. Не Хопера, человека. Пути, которые ждали Хопера, были на следующей ступени. Они спеленали его мгновенно, и когда ослабили хватку, он уже не был Хопером, он вдруг стал пожилым писарем, который дотянул до сорока, хлебнул лиха в дни Кары Богов, каким-то чудом выжил, а потом оказался захвачен беглецом умбра, наездником, брошенным вестником, спасшимся курро. Стал обычным человеческим телом, лишенным души, со странным наполнением человеческого нутра мглистой сущностью по имени Бланс, каким-то образом оказавшимся на вершине альбиусской ратуши.

Звон колокола стал оглушительным. Он раскачивался под куполом башни, язык его мерно бил по бронзовому краю устья, а под натянутой веревкой, которая раз за разом сдвигала колокольную чашу с места, в круге дневного света, падающего из вырезанных в куполе окон, метался призрак. «Да это же...» – сдвинуло брови тело писаря, ловя тень чего-то знакомого, но тут же отшатнулось, потому как под капюшоном не оказалось лица. Только непроглядная тьма.

Пять трупов сидели на границах освещенного участка. Все они были черны, как и бездна на месте лица призрака. Высушены, словно пролежали в жаркой пустыне под палящим солнцем тысячу лет. Высушены и посечены, будто участвовали в жаркой схватке. Уже после смерти. Но ни один из них не выпустил из руки меч. Еще с десятков тел лежали вокруг, обращенные в груды порубленной плоти.

«Чья тень под колоколом? – внутри тела писаря спросил сам себя Бланс и сам же себе ответил. – Не знаю. Кажется, именно так люди представляют себе смерть. Если она так им и являлась, тогда понятно, почему они так пугливы. И все же, были или не были у этого мира свои боги? И если были, почему они не давали о себе знать? Или давали? Ведь было какое-то противодействие в первые дни после Кары Богов, было! Так может быть, творец этого колдовства оттуда? Тогда где он пропадал тысячу лет? Почему я не знаю таких колдунов? И что я должен сделать? А что делали до меня? Наверное, они сражались. Сначала с призраком, а потом сами с собой. Пожалуй, следует заняться именно звоном. Перехватить веревку. Перехватить ее чуть повыше того места, где ее держат две черных руки. Или же сначала докричаться до самого себя? Хопер! Хопер! Хопер!»

Хопер замер. Снова, как когда-то, и как в эти несколько дней, когда он гнал лошадь к Альбиусу и забывался тяжким сном на недолгие часы, он увидел равнину Хмельной пади, полосу вражеского войска впереди и ощутил холод каменного ножа в руке. Кажется, ударить себя в горло было легче. Да, именно это было в глазах того, кто смотрел на него, убивая себя самого. Сочувствие. Тот, кто был на пороге смерти, понимал, что труднее будет тому, кто выживет. Умирать всегда легче, даже если перед этим и придется срубить нескольких влекомых неведомой магией мертвецов. Куда им против умбра? Слишком медлительны, слишком.

– Хорошо, наверное, быть кардиналом, – пробормотал под нос Хопер, двинулся навстречу поднимающимся мертвецам, отбил удар одного, другого, сшиб с ног третьего, шагнул вперед и перехватил веревку над обдавшим его холодом призраком неизвестной женщины без лица.

– Бом! – раздалось прямо в его голове. Раскатилось, разлетелось осколками чего-то до сей поры неприкосновенного и нерушимого. Обдало пламенем. Высушило и скрючило. Взметнуло к небу, показало на одно мгновение не только всю Беркану, раскинувшуюся по юго-восточной кайме Терминума между пиками Молочных гор и Берканским морем, но и весь Терминум, весь гигантский кусок сущего, почти рассеченный пополам Большим провалом и охваченный

вместе с просторами водной глади мутным кольцом непроглядной пелены. «Вон там, – подумал, сгорая в пламени, Хопер, выглядывая клочки суши на востоке привидевшегося ему пространства. – Вон там молодой Торн Бренин вынес из пелены своего тестя. Как ему это удалось? Только ему и удалось. Никто не возвращался. А из умбра никто и помыслить не может, чтобы подойти к границе. Или может? Только если не боится мучительного развоплощения. Вот она – свобода. В заданных пределах. Какие же мы беглецы? Мы рабы... Скот в огороженном пеленой загоне...»

– Бом, – раздалось последний раз над головой Хопера и над головами всех обитателей Берканы, в городах которых продолжали звонить колокола, даже будучи лишенными языков, и сползая на пол, обдирая руку о показавшуюся стальным тросом веревку и скручиваясь от невыносимой боли, пронзившей все тело, Хопер успел прочитать слова, вспыхнувшие на стенах башенного фонаря.

«Спящий просыпается. Следуй за болью. Спаси и спасешься».

Эти слова отпечатались пламенем во мраке, который накатила на Хопера, и он продолжал их читать и перечитывать, пока Коронзон нес его на плече вниз, потому что здание ратуши вдруг начало подрагивать и исходить трещинами.

Когда Хопер окончательно пришел в себя, ратуши уже не было. На ее месте высились руины, и взметнувшаяся при разрушении пыль медленно оседала на пустых лотках, на крышах Альбиуса, на мостовой, на сгрудившихся в отдалении стражниках и на шатре принца. Над городом стояла тишина. Боль, опалившая все тело Хопера на колокольне, теперь тлела в руке и груди. Нет, не тлела. Обжигала невыносимо, и чтобы не завывать в голос, он прошептал утешающий наговор раньше, чем открыл глаза. Не помогло.

– Какой же ты мерзавец, Коронзон, – прохрипел, сплевывая пыль, Хопер. – Ведь знал же, что тебе нельзя верить. «Это я говорю, что думаю». Тьфу...

– Я – это всего лишь я, – ответил Коронзон, отряхивая мантию, – и если я могу убить сотни тысяч людей, почему я должен остановиться перед одним умбра? Ты хоть понимаешь, что это смешно? Что ты почувствовал?

– Это не конец жатвы, – прошептал Хопер, поморщился, справляясь с болью, и понял, что не скажет Коронзону о надписи. – Это доспех, укрывший Беркану. Легкий доспех. Тонкий. Пауза. Жатва продолжается. И, возможно, она готовит нечто страшное.

– Когда? – спросил Коронзон. «Когда», а не «что».

– Когда?

Хопер посмотрел на руку. Она стала черна, как лица мертвых в часовой башне. Слушалась его, напрямую не говорила о боли, но почернела и заледенела. От кончиков пальцев до запястья. Но боль была рядом. Окутывала невидимым облаком и руку, и все тело.

– Когда проклятье доберется до моего сердца. Или раньше. Твоей милостью. И что мне теперь делать?

– Подожди, – ухмыльнулся Коронзон, – мне нужно переговорить с принцем.

Принц вышел из шатра вместе с Коронзоном, который был бледен от ярости, только через час. Взглянул на руку Хопера, Триг покачал головой и, покосившись на кардинала, проговорил:

– И все-таки сон в руку! Права была бабка – пришлый книжник остановил звон... Что ж, Хопер Рули, призываю тебя и дальше служить короне Йераны. Надеюсь, ты справишься с этим недугом. А заодно и отыщешь моего сына, Хо, и капитана, который увел его. Торна Бренина. Сына следует спасти, а капитана предать суду.

Хопер поймал взгляд кардинала, который сочился ненавистью, и поклонился принцу:

– Я не могу послушаться, ваше высочество, но хочу разобраться. То я что-то слышал о немислимой красавице, теперь слышу упоминание какой-то бабки. И о каком сне идет речь? Как это связано с вашим повелением?

– Мне приснилась жуткая старуха, которая предсказала твое появление. Обнадежила меня. Сказала, что ты мне поможешь. Да, именно ты – книжник с черной рукой. И не скрипи зубами, Коронзон! Прояви уважение к йеранской короне!

Кардинал словно ждал этих слов, подобрался, как дикий кот перед прыжком, и прошипел для устрашения:

– Требуешь уважения к короне, не проявляя уважения к Храму? И того понять не хочешь, что все твои сны – это продолжение поганого колдовства? Ереси готов отдаться? Не ту дорожку ты выбрал, принц Йераны! И о Торне забудь! Не твой он подданный, не тебе его и карать!

Пришел черед побледнеть и Тригу. Он положил руку на рукоять меча, и ответил кардиналу не сразу, а через несколько секунд, заставив своим тихим голосом собственную стражу покрыться испариной:

– Уж позволь мне, балахонник, не спрашивать у тебя совета, как править и как поступать! Или хочешь на дыбе повисеть? Самое место для спесивого храмовника! Или ты думаешь, что выше прочих, ногами до земли достанешь? Высокого всегда укоротить можно. Да, Коронзон, даже храмовника! Если что случится с Хо, Торн будет казнен! А захочешь поспорить, сам поднимешься на плаху!

Кардинал словно потерял голос от речи принца, поэтому лишь прошептал в ответ:

– Может быть, начнешь уже сколачивать эшафот? И палача съешь? Глашатай есть? О чем кричать станет? О неуважении к короне Йераны на Одалской земле?

– Я согласен, ваше высочество, – подал голос Хопер в тот мин, когда уже казалось пламя должно было вспыхнуть на разоренной ярмарочной площади Альбиуса. – Когда-то вы были добры ко мне, теперь придется постараться и мне.

– Вот и славно, – с явным облегчением улыбнулся Триг. – Ну что ж, сочтем, что боги сегодня оказались добры к кардиналу... Поклонись книжнику, Коронзон, он умерил мой гнев. Но не вздумай впредь перечить наследному принцу. А ты, книжник, познакомься с теми, кто поможет тебе. И запомни, Торн Бренин должен быть передан ближайшему воеводе Берканы для суда. Я даю тебе трех сопровождающих. Двух моих лучших воинов и одного из местных. Он знает Бренина. И последним видел его... и моего сына. А теперь – прощай, и да помогут тебе боги.

Хопер поклонился принцу, проводил его взглядом, затем посмотрел на Коронзона, но тот лишь скривился в язвительной усмешке, развел руками и, постукивая затейливым посохом, отправился к лавке Раска, дверь которой чудом оказалась не погребена под развалинами. Поморщившись от боли, которая продолжала скручивать тело, Хопер оглянулся на трех стражников, стоявших у шатра.

– Продолжим знакомство? – улыбнулся Мушом. – Так ты лекарь или колдун?

– Меня зовут Эйк, – прогудел белобрысый здоровяк, тащивший Хопера к ратуше. – И я даже колдуну не позволю дурить моего правителя.

– А меня зовут Стайн, – сказал худощавый седой воин. – И я вот что скажу – никакая жатва не кончилась. Она угнездилась у меня на загривке и ждет своего часа. И вот еще. Мне тут никто не верит, но я видел ту погоню, которая промчалась за Раском. Они не были безумцами. Они служили кому-то. И Торн Бренин никогда бы не убил просто так.

– Я – Хопер, – ответил им Хопер, пытаясь не рухнуть от изнеможения в площадную пыль перед выпавшими ему спутниками. – И не думайте, что это я обрушил ратушу. Она обвалилась от времени. Ну и от моей дурости. Так совпало.

Великан придержал лошадь Хопера уже у ворот Альбиуса, дождался, когда их спутники отдалятся, и прошептал:

– Тут такое дело... Не знаю, что за бабка приснилась нашему принцу, я его сна не смотрел, а вот девку-то, красавицу, что торговцу померещилась, я видел сам. Только говорить о ней не стал никому.

– Это почему же? – не понял Хопер. – Пожалел ее или еще что? И с чего ты взял, что это была та самая красавица? Мало ли в Беркане красавиц? По мне, так больше, чем где бы то ни было.

– Красавиц немало, – поежился Эйк, – да только ни от одной из них в жилах кровь не стынет. Я чуть только не обделался, когда она ко мне в шатер зашла. От одного взгляда. А уж когда она в воздухе словно дым растаяла, так я и решил, что говорить никому не стану. Себе дороже.

– А мне тогда зачем говоришь о ней? – снова почувствовал, как сквозь боль пробивается холод в почерневшей руке Хопер. – Для чего?

– Так она из-за тебя приходила, – еще тише проговорил Эйк. – Так и сказала, передай тому, с кем пойдешь, что будут ему знаки. И если он жить хочет или облегчение получить, пусть смотрит и слушает. Бред какой-то!

– Может быть, и бред, – согласился Хопер.

Глава шестая. Арка

«Смерть – милостива.

Жизнь – жестока»

Пророк Ананаэл

Каменный завет

Только теперь ужас, который словно держался в отдалении, подошел и заключил в объятия каждого. Именно возле менгира, на котором тускло пылал знак жнеца, стало окончательно ясно, что прошлая, иногда трудная, но обычная жизнь истаяла без остатка. Восемь человек вырвались из Альбуса, никто не остался у городских ворот, и только один погиб у менгира, что было удивительным везением, но дальше зияла пропасть. Когда земля присыпала тела, каждый из стоявших на краю ямы думал о том, что вскоре он и сам может удостоиться погребения или же поплывет вспухшим трупом в сторону Берканского моря без оплакивания и обряда, хотя отметины жатвы были пока только у Торна, Гледы и Рамлина. Но и стриксы в ушах молодых стрелков готовились обратиться булавочными головками, и Вай перебирал четки, среди камней которых по его уверению имелся один стрикс, дрожащими пальцами. Рамлин же втирал в шею какие-то мази. Кажется, они и в самом деле уменьшали боль, обращая ее в зуд, поэтому парень то и дело тянулся к собственному загривку, расчесывая его в кровь, из-за чего Торну пришлось пригрозить двинуть бедолаге или по шее, или по пальцам. Кригера начала бить лихорадка тем же вечером, но он все же смог забраться на лошадь. Гледа замкнулась и следовала за отцом тенью, словно смерть сидела у нее на закорках. Впрочем, так оно и было. Торн боли в собственной шее не чувствовал. Точнее, как и сказал Тенер, эта боль была куда меньше той, что пронзала его сердце. Да и было что-то в его прошлом, что делало нанесенную жатвой отметину всего лишь расплзающимся по шее ожогом. И не такое приходилось переживать.

Едва посланные в деревню Брет и Флит вернулись с запасом продовольствия и куском плотной конопляной парусины и известием, что ужасные убийцы, судя по следам, и в самом деле ушли из Гремячей по тайной тропе на юг, Торн приказал двигаться на север. К следующему менгиру и, значит, в сторону Урсуса. Никто не смог сдержать вздоха облегчения, и даже Рамлин, который храбрился изо всех сил, вдруг обмяк и едва не вывалился из седла доставшейся ему лошади Фиска. Уже ночью, не теряя тропы благодаря полной луне, отряд выбрался к дозорной йеранской башне, у которой начинались йеранские земли, и путь разбежался на все тот же Берканский тракт и Старую гебонскую дорогу. Башня стояла в темноте безжизненным обелиском. Ни факела, ни лампы, ни костра, ни отсвета не было ни возле нее, ни в ее окнах.

– Могла ли часть этих... энсов уйти на север? – с тревогой спросил Торн, придерживая лошадь, как будто кто-то из следовавших за ним знал ответ на этот вопрос.

– Кто ж тебе скажет? – прозвучал в темноте смешок Ходы. – От менгира ехали, считай, по голым камням. Да еще и ночь. Вот будь я псом, я бы унюхал что-нибудь. Хотя... огни не должны гаснуть у этого дозора. Так что я бы приготовился к худшему.

– Куда они могли последовать? – задумался Торн.

– К другим менгирам? – предположил Флит, опасно косясь на покачивающегося в седле Кригера. – Они же вроде как охраняют их... Пока...

– Пока что? – спросил Торн.

– Пока не соберутся в войско, – вытер испарину со лба Флит. – Все жатвы заканчивались войнами. И всегда белые маски были на стороне Фризы.

– Что у них под масками? – словно очнулся Кригер.

– Думаю, что лица, – тронул лошадь Торн. – Попробуем успеть к ближайшему менгиру быстрее этих... масок. Я знаю короткую дорогу. Через Гебонские увалы. У нас будет выигрыш в день. Может быть, в половину дня. Вперед.

– Интересно было бы посмотреть на мир через прорези такой маски, – словно в бреду пробормотал Кригер.

– Папа! – окликнула отца Гледа. – Разве ты не чувствуешь? Кровью пахнет из башни...

– И здесь трупы! – раздался с перекрестка голос Флита.

– Не спешиваться! – прошипел Торн, подал вперед лошадь и спрыгнул на камень.

На звездное небо со стороны Молочных гор напоздали непроглядные облака, луна тоже поблекла в их клочьях, но пока еще можно было рассмотреть не только лица, но и раны. На перекрестке кем-то была остановлена погоня, устремившаяся за Раском. Дюжина крепких альбиусских стражников оказалась порублена, и смертельные отметины на их телах могли быть оставлены только топором. Определенно лавочник не только мог давать ценные советы и чувствовать опасность, он сам был немалой опасностью. Торн нашел взглядом силуэт Кригера. Капитан альбиусской роты уже почти лежал на шее коня.

– Брет! – подозвал воина Торн, забираясь на лошадь. – Держись поближе к Кригеру, смотри, чтобы он не вывалился из седла. Дальше дорога будет хуже.

– Куда мы? – спросил Флит. – И разве не стоит обыскать тела? Вдруг у них есть стриксы?

– Ни один из нас, у кого имелась хотя бы крупинка магического камня, не был охвачен безумием, – повернул коня в сторону Старой гебонской дороги Торн. – Искать бесполезно и опасно. Завтра же здесь будет альбиусская стража, не нужно оставлять следов. Гледа? Ты где?

– Я здесь! – раздался голос от башни.

Она вынырнула из тени древнего сооружения, словно из черной воды. Встряхнула головой, посмотрела на отца, не давая ему сорваться в крик, проговорила негромко:

– Я же говорила, что от башни пахнет кровью. Пять гебонских воинов. Порублены. Наверное, теми странными мечами через окна. В крошево. Двери-то заперты изнутри.

– Как ты могла рассмотреть? – процедил сквозь зубы Торн.

– Там помаргивает плешка с маслом, – объяснила Гледа. – Снаружи не видно отсвета. Но я смогла рассмотреть... Сама не знаю как, но увидела все.

– Ты поступила очень неосмотрительно, – отчеканил Торн.

– Я осматривалась изо всех сил, – виновато пробормотала Гледа.

– Скоро начнется дождь, – поежился вцепившийся в гриву доставшейся ему лошади монах Вай.

– Тогда поспешим, – буркнул Торн, укоризненно покачал головой и, тронув лошадь, снова взглянул на обмякшего в седле капитана, рядом с которым теперь держался Брет. Не слишком Торна радовало путешествие в компании юнцов. Даже перекинуться словом было не с кем. С другой стороны, разве хоть что-то могло его радовать? Что он еще может сделать для спасения собственной дочери? Кроме всего прочего уж точно не спускать с нее глаз. Но что еще? О чем говорил Раск, который оказался не только словоохотливым торговцем с хитрым взглядом, но еще и умелым открывателем запечатанных жнецом ворот и искусным воином со звериным чутьем? Не каждый даже искусный фехтовальщик способен управиться с топором, не каждый... А уж против дюжины... О чем же он говорил? Точно, напомнил Торну про Унду из Урсуса... Лекарку, к которой Торн пытался пробиться, но не застал ее, и которая вряд ли поможет, но...

– За мной, – приказал Торн, когда на темном небе черной тенью поднялся силуэт полуразрушенного акведука, и направил лошадь вниз по каменистому склону в заросшую мелким кустарником ложбину.

– Куда мы идем? – подал напряженный голос Соп. – В какую сторону?

– Скоро встанем на ночлег, – попытался рассмотреть в темноте встревоженное лицо Сопы Торн. – А с утра продолжим путь. Если ты заметил, мы повернули на запад. Извини, но возвращения в Оду пока не обещаю. На западе только Урсус. Тебя устраивает этот город?

– Больше, чем ты мог бы подумать, – раздраженно проговорил Соп и придержал коня, чтобы вернуться к молодым стрелкам.

– Как твоя шея, папа? – прошептала, приблизившись, Гледа.

– На месте, – проворчал Торн. – И, кстати, под дождем она чувствует себя лучше, чем без дождя. Но вот все остальное вовсе не жаждет намокнуть...

И в самом деле начал накрапывать дождь, но одновременно с ним поблизости раздался шум воды.

– Быстро! – спрыгнул с лошади Торн. – Посмотрим, на что вы способны. Брет, Хода, Соп – растягивайте парусину над кустами. Флит! Займись лошадьми! Рамлин! Помогите слезть с лошади Кригеру и осмотри его рану. Сделай что-нибудь, чтобы завтра он мог продолжить путь! Вай! На всякий случай, считай, что ты не паломник и не священнослужитель, поэтому подумай о дровах для костра, пока вокруг есть что-то сухое. Гледа!

– Я уже развожу костер, – услышал он в ответ, и в самом деле раздалось шелканье кресала, посыпались искры и по припасенному пуку пакли побежали язычки пламени.

– Что будем делать, капитан? – подошел к Торну Соп, когда тот сбросил рубаху и вышел под накрапывающий дождь на берег мелкой речушки, чтобы умыться.

– Ты за себя спрашиваешь или за всю компанию? – поинтересовался капитан, подхватывая пригоршнями холодную воду. – А то уж больно заботливый.

– За себя и за Ходу, – был ответ.

– Почему в схватке не пустил его биться? – спросил Торн. – Запомни, я все вижу и все замечаю. Вы же едва не подрались там за спиной Кригера. У моста. И Хода, и Брет были лучшими в роте. Почему именно ты полез вперед?

– Я разочаровал тебя, капитан? – спросил Соп.

– Скорее удивил, – буркнул капитан. – Ты сражался слишком хорошо.

– Ты спасаешь дочь? – поинтересовался Соп.

– Да, – кивнул Торн, натягивая рубаху. – И вас заодно. Если получится.

– А я спасаю Ходу, – продолжил Соп. – Что будет, если ты не спасешь дочь, капитан?

– Даже не думай об этом, – отрезал Торн.

– Мне приходится думать, – сказал Соп. – Да, я молод, но мой груз вряд ли легче твоего. За твоей спиной долгая жизнь, боль и ответственность, а за моей только ответственность. Ради нее меня растили и учили. Если что-то случится с Ходой, я умру.

– С чего это вдруг? – не понял Торн. – Я вот приятельствовал с Кригером, не раз сидел с ним в трактире у южных ворот, но не умру, если он не выдержит этого испытания.

– Ты не его телохранитель, – заметил Соп.

– Телохранитель? – удивился Торн. – Телохранитель Ходы? Да вы не раз схватывались с ним на мечях, да и в борьбе не давали друг другу спуску! И ты его телохранитель? За что такая честь?

– У молодого принца Йераны своевольный характер, – ответил Соп. – Даже вельможный папаша – его высочество принц Триг – не мог с ним сладить. Поэтому к Ходу приставлен я.

– Только этого мне не хватало, – опустил на камень Торн.

– Что изменилось от моих слов? – спросил Соп.

– Почти ничего, – буркнул Торн. – Разве только то, что по нашим следам почти наверняка двинется погоня, и мне придется прятать за собственную спину не только Гледу, но и Ходу. Если еще окажется что Брет или Флит – королевский сын, я вообще перережу себе глотку. Днем раньше, днем позже, какая разница?

– Мне показалось, что и Гледу не так-то просто задвинуть за спину, а Ходу лучше и не пытаться, – присел рядом с Торном Соп.

– Почему Брет отошел в сторону? – спросил Торн. – Испугался?

– Нет, – покачал головой Соп. – Брет никого не боится. Просто... я был лучшим выбором для той схватки. И еще Брет очень умный... Думаю, он единственный давно догадался, кто такой Хода. Да, вот, возьми...

Соп раскрыл ладонь.

– Что это такое? – спросил Торн.

– Стрикс Ходы, – ответил Брет. – Ему не нужно. Он просил передать его тебе. У него есть... знак королевского дома. Мощи его амулета хватит, чтобы добраться и до Урсуса, и даже до Йеры.

– И что хорошего в Йере? – спросил Торн. – Там есть лекари? Ты же понимаешь, что никакое войско и никакие стены не спасут от заразы?

– Этот вопрос не ко мне, – покачал головой Соп. – И не к Ходу. Берешь или нет? Можешь себя избавить от боли, но не отдавай стрикс Рамлину. Я уже пробовал. Хода сказал отдать или тебе, или ему. Рамлин страдает больше, но он отказался брать. Приглядывай за ним, капитан. Как бы он не покончил с собой.

Торн оглянулся. В глубине кустарника, под парусиной, рядом со всхрапывающими лошадьми у тлеющего костерка замерли тени. Его дочь, бормочущий гимны из Каменного завета Вай, накрытый одеялом Кригер, обхвативший плечи Флит, чистящий меч Брет, настороженный и странно спокойный Хода и погрузившийся в оцепенение Рамлин. Бывало такое с молодыми воинами перед боем. Пустота в голове и вокруг... Главное, не оставлять одного.

– Я понял, – проговорил Торн. – Гледа за ним просмотрит, я попрошу. А стрикс оставь себе. Я что-нибудь придумаю.

– Надеешься на менгир в Урсусе? – спросил Соп. – Не так уж просто к нему приблизиться.

– Вот вы с Ходой и поможете, – вздохнул Торн. – Пусть и говорят, что менгиры в городах пустые... Высосаны. Хотя я знаю всего о двух таких – в Урсусе и вроде в Опакуме... Но все меняется. К тому же, в Урсусе неплохой гарнизон, там не может оказаться этакая пакость...

– Есть еще три менгира в окрестностях Урсуса, – уточнил Соп. – Один так и вовсе нам по дороге. Тот, что называется Аркой.

– Туда мы и направляемся, – кивнул Торн. – Самой короткой дорогой. А затем... Двинемся в сторону Урсуса, посмотрим городской менгир, да и еще есть там одна лекарка, говорят... Ундой ее зовут. Может быть, она нам поможет? Тебя и твоего вельможного покровителя устраивает такой расклад?

– А если эта Арка тоже отравлена? – спросил Соп.

– Возле нее деревенька, – пожал плечами Торн. – Немалый дозор. Сразу узнаем. Впрочем, до нее еще два дня пути даже короткой дорогой. Рано гадать – отравлена или не отравлена.

– Кто захочет повторить судьбу Фиска? – спросил Соп.

– Я сам, – ответил Торн. – Если на менгире не будет знака жнеца. Но если что со мной...

Он усмехнулся, поднялся на ноги, положил руку на плечо Сопу.

– Ты хороший телохранитель?

– Принц пока жив, – нахмурился Соп.

– Тогда попрошу тебя присмотреть за моей дочерью. Это не слишком сложная задача. В Урсусе должен быть берканский поверенный. Нужно будет отвести Гледу к нему и сказать, чья она внучка. Ее дед – граф Стахет Вичти – один из самых знатных вельмож в Одале. Он сможет осыпать ее стриксами, лишь бы сохранить ей жизнь.

– А как же принц? – поднял брови Соп.

– Ну, – Торн с трудом удержался, чтобы не почесать саднящий загривок, положил руку на затылок, – за ним присмотрит тот же Брет, если он такой умный. А еще лучше, если вы

отведете ее вместе. Все-таки, принц он или не принц, но все еще числится стрелком альбусской роты. А я ее попечитель. Но не беспокойся раньше времени. Я пока еще жив.

Северные пределы Йераны всегда были малолюдны. Вовсе безлюдная Пепельная пустошь лежала в паре сотен лиг на западе, но как раз здесь – между предгорий Молочных пиков и Урсусом вздымались солончаковые холмы – или, как говорили в Беркане, Гебонские увалы. Конечно, с Долиной Милости и тем более с Хелью их не сравнивали, но все равно считали недоброй местностью. Казалось, словно создатель, потрудившийся над красотами Берканы, в конце работы сгреб оставшийся мусор и высыпал его между Гебонскими и Молочными горами. Оттого и получились корявые взгорки то поросшие непролазным лесом, то покрытые белесыми проплешинами, а между ними – то ли мелкие болота, то ли гнилые балки, в которых не росло ничего кроме сорняка и тины, и которые служили укрытиями для лихих людишек. Лишь уже ближе к Урсусу имелись какие-никакие поля, мельницы, и даже приличное хлебное торжище. Но до тех мест еще следовало добраться. А на всем пространстве восточнее деревни Арка селились только отчаянные смельчаки. Но и они собирались в деревеньки и рядили вокруг них остроги, а для работы на скудных огородах выходили не иначе как с оружием, уж во всяком случае с заряженными самострелами. Как раз эти огородики и деревеньки Торн и объезжал тайными тропами, стараясь держаться развалин вытянувшегося через все увалы акведука. За три дня пути уже порядком истаявший, согнутый пальцами жнеца кулон на шее Гледы уменьшился на треть, а отметина на шее ее отца, хоть и не сломила Торна болью, стала нарывать, и капитану пришлось воспользоваться мазями Рамлина. Они и в самом деле снимали боль, хотя и не останавливали рост проклятия. У капитана оно росло медленнее, лишь на палец отползло от позвоночника, а у Рамлина была охвачена уже четверть шеи, но парень по-прежнему отказывался от стрикса Ходы, упрямо бормоча что-то про судьбу и ушедших за полог смерти родных. Камни в ушах молодых стрелков были едва видны, и один из камней в четках Вая тоже уменьшился, и теперь монах не перебирал их, а крепко сжимал, намотав на ладонь. Кригер поднимался после каждой стоянки позеленевшим, но на коня забирался без посторонней помощи. Судя по его молчанию, это было единственным, на что хватало его сил. Рамлин сказал, что не видит признаков отравления, а против колдовства, если оно попало в рану, он бессилен. Гледа бледнела день ото дня, но рана на ее шее не нарывала, и не росла.

– Твоего кулона хватит еще дней на десять-двенадцать, если не больше, – прикинул Торн утром третьего дня. – Если выйти к реке и взять лодку, то можно успеть до Йеры, а если вернуться к Манназу, то и до Оды.

– И что там, в Оде? – спросила Гледа, которая, как и Кригер, за всю дорогу не проронила почти ни слова. – Исцеление? А ты? А как же ты?

– Я в порядке, – понизил голос Торн. – Никогда не сдавайся, и ты будешь в порядке. Я – как и твоя мать. Лекари сотни раз пророчили ей смерть, но если бы не жатва...

– Если бы не жатва... – повторила Гледа и вдруг широко раскрыла глаза, ухватила за гриву коня, едва не упала ему на шею.

– Что с тобой? – вскричал Торн.

Сгрудились всадники, остановились на краю перелеска.

– Оборвалось что-то, – прошептала, переводя дыхание, Гледа. – Там, в Альбиусе. В той стороне. Как будто кто-то поднял с земли и проглотил ядовитую змею. Выпил ее яд. И звон в ушах прекратился, у меня все эти дни звенело в ушах. Я все надеялась, что отъедем подальше от Альбиуса, и звон затихнет. Но нет...

– Может быть, жатва закончилась? – скривился Соп, а Вай тут же затянул дрожащим голосом очередной гимн из Каменного завета.

– Нет, – подал голос Рамлин. – Я бы почувствовал. Река не пересохла.

– Река? – не понял Торн.

– Как бы река, – растянул в болезненной ухмылке искусанные губы Рамлин и зачастил словно в бреду. – Невидимая, но широкая. От горизонта до горизонта. Течет, колышется. Просто запруда пала. Но это даже хорошо. Вода не должна скапливаться. Моя деревня... была в горах. У нас знают... знали, что такое сель. Страшнее снежной лавины... Скоро этот твой менгир, капитан? Я уже едва терплю!

– Дай ему стрикс, Соп! – велел Торн и, повернувшись к Рамлину, добавил. – Если ты его не возьмешь, то я воткну его тебе в щеку!

– Вот, – протянул ушную булавку Соп. – Камень едва виден, но, думаю, его может хватить дней на пять. Или на неделю.

– У тебя у самого осталось стрикса на такой же срок, – процедил сквозь зубы Рамлин.

– Бери, – неожиданно властным голосом приказал Хода. – Это мой стрикс. Бери. Иначе я сочту тебя трусом.

– Неужели? – рассмеялся Рамлин, взял булавку и вдруг сам воткнул ее себе в щеку. – После того, что я испытал – как укус комара. Далеко еще до менгира, капитан? Ты не ответил.

– Он вот за этим перелеском, – пробормотал Торн. – Осталась пара лиг. Так что, поправьте поясные ремни и нацепите улыбки на лица. Если что, мы...

– Если что, вы сопровождаете меня, – подал голос Хода.

Торн окинул взглядом отряд и понял, что о происхождении Ходы уже всем известно. Соп только пожал плечами.

– Вперед, – тронул лошадь Торн.

И деревенька, и возвышающийся над нею менгир, напоминающий две выросших из земли и упершихся друг в друга лбами скалы, были окружены стеной из заостренных бревен. Над ней поднимались коньки крыш деревенских изб и торчала дозорная вышка, подобная той, что почти подпирала альбусский менгир, но здесь ей было его не достать.

– И вправду, арка, – пробормотал Соп, щурясь на солнце, которое светило ему точно в глаза.

– Смотрите-ка, – протянула руку Гледа.

Часть стены с восточной стороны острога, судя по дороге у ворот, была обрушена и сожжена. И над ее восстановлением трудились сразу и стражники, и селяне, и, похоже, их жены и дети. На сторожевой вышке загудела труба, стражники схватили за пики, но, когда отряд Торна приблизился к забитым в землю, заточенным кольям, пики опустились и из-за них вышел кряжистый бородач и еще издали заорал, распахнув объятия:

– Торн! Раздери тебя демон! Какими судьбами?

– Веген, – с облегчением выдохнул капитан. – Мой старый приятель. Выходит, он теперь старшина местного дозора. Редкий вояка. Ходили с ним на паллийцев много лет назад.

Чужаков было пятнадцать. Они лежали под стеной в ряд, и белая маска каждого была прибита над его телом. Гледа шла за отцом и не могла оторвать глаз от лиц воинов жатвы. Они чем-то отличались от лиц берканцев и кого бы то ни было. Может быть, неестественной бледностью, а может быть, вытянутостью и утонченностью черт. Почти у каждого кожа на лицах местами была сорвана, словно маски были с ней одним целым. Их странные мечи лежали тут же и напоминали груды битого стального стекла.

– Красивые парни, – заметил Брет. – Не так ли, Гледа?

– Откуда они приходят? – прошептала она.

– Ниоткуда, – подал голос Флит, который был бледен так же, как и мертвецы. – Некоторые считают, что они всегда здесь, но видим мы их только во время жатвы.

– Век бы их не видеть, – пробурчал Веген и махнул рукой. – Нечего рассматривать эту погань, тем более, что никакого добра ни у одного из них мы не нашли, это уж точно. Только

стальные кольца у каждого на пальцах, да и все. И отвечу сразу, надевали кольца все, кому не лень, – не слушаются их эти летающие железяки. Пошли к вышке, угощу чем богаты. Все-таки после долгой дороги... Послал гонца в Урсус еще вчера, но добрался ли он – не знаю. Знали бы, как я вам рад...

Гледа посмотрела на отца. Тот опустил на колени и рассматривал стальные осколки, которые еще недавно были способны соединяться в разящие клинки.

– Что скажешь, Рамлин?

– Не вижу яда, – пробормотал Рамлин, с трудом оторвав взгляд от менгира. – Может, и вправду магия? Хуже Кригеру не становится. К тому же, рана у него затянулась. Не поверил бы, если бы не увидел.

– Затянулась? – удивился Торн. – Но он же едва движется?

Рамлин пожал плечами и снова принялся расчесывать загривок. Гледа повернулась к вышке. Кригер, опустив голову, сидел, привалившись к одной из ее опор. Лучше ему явно не становилось.

– Это энсы, – начал рассказывать Веген, когда спутники Торна расселись у дозорной вышки, чтобы выпить горячего орехового отвара со свежей выпечкой. – Откуда они взялись, не знаю, но уже две атаки я отбил. До сих пор дрожь пробирает от их летающих клинков и тоскливых дудок. Пятнадцать мерзавцев положил, еще столько же откатились вон в тот перелесок. Но я потерял больше, хотя поначалу был за стеной и имел шестерых лучников. Из двух десятков стражников у меня осталось пятеро, да и селян погибло под десяток, горе в домах. Так что, с местными мужиками на всю оборону с дюжину вояк, и вы появились очень вовремя.

– Есть зараженные в деревне? – спросил Торн.

– Зараженные? – не понял Веген.

– Наклони голову, – сказал Торн Рамлину, который опять рассматривал менгир.

– Что это? – вскочил на ноги Веген, увидев синюю полосу, перечеркивающую четверть шеи.

– Жатва, – раздался сухой голос, заставивший всех обернуться. – Я же тебе говорила, Веген.

За спиной Торна стояла женщина, которую можно было бы назвать старухой, если бы не ее прямые плечи и спина. И все-таки, судя по лицу, ей было никак не меньше семидесяти, а то и восьмидесяти лет. Седые волосы оставались пышными, но были затянуты в тугую узел на затылке, а морщины не собирались складками только потому, что и старческая кожа была словно провялена и облепляла ее лицо, как севшая от стирки шерстяная рубаха облепляет высохшую грудь. В руке у старухи была странная, изогнутая клюка.

– Опять ты, Чила? – поморщился Веген. – Лекарка это, Торн. Забредает сюда пару раз в год, помогает недужным за еду и мелкую монету. В этот раз, правда, заявила раньше обычного, чтобы предупредить, чтобы к менгиру пока не прикасались. Ты особо не слушай ее, она не в себе. Вот скажи мне, убогая, что это у парня? Зараза или нет?

– Не та, что передается с едой, водой, ветром или прикосновением, – ответила старуха. – Для этой заразы нужна магия, а магия накрывает всякого настолько, насколько он готов ей поддаться. Но даже те, кто поддаются, поддаются по-разному. Кто-то от немоги своей, а кто-то от силы.

Она ткнула пальцем в Кригера.

– Это еще почему? – пробормотал тот заплетающимся языком. – Что еще за магия? И почему я поддаюсь ей от силы? Как это?

– Высокая башня рушится с большим грохотом, – проговорила старуха. – Глубокая впадина хранит больше воды. Магия мора – как вода. Она ищет низкое место. Стекает по склонам. Копится.

– Что же это выходит? – хрипло рассмеялся Кригер. – Я низкое место? Или все же высокая башня?

– Ты касался жнеца, – прошептала старуха. – Или касался кого-то, кто касался жнеца, но сам оказался стоек. В том нет твоей вины. Только твоя беда. Или не только твоя.

Она замолчала, подняла старческое лицо к солнцу и замерла, словно сказала все, что хотела сказать, и решила погреться под весенними лучами.

– Кто ты? – спросил Торн, поднимаясь на ноги.

– Никто, – шевельнула она губами. – Иду, куда несут меня ноги, чуть лекарствую, чуть расплетаю колдовство, чуть пророчествую. Ровно настолько, чтобы не слыть ни лекаркой, ни колдуньей, ни гадалкой.

– И что же нам делать? – после паузы спросил Торн, оглянувшись на Кригера.

– А вы что-то делали? – произнесла старуха, не глядя на него.

– Вот, пришли к менгиру... – Торн взглянул на Вегена, на лице которого застыло выражение досады. – Я хочу спасти дочь. Если не поможет, собираемся в Урсус. Есть там одна лекарка...

– Унда? – спросила старуха. – Да. Есть.

– Она поможет нам? – напрягся Торн.

– Если дойдете до Урсуса, возможно.

Старуха взглянула на Торна, заставив того вздрогнуть, отшатнуться и побледнеть. Ему показалось, что солнце, на которое она смотрела, продолжило сиять в ее глазах.

– И что же нам помешает дойти? – поинтересовалась Гледа.

– Третий отряд энсов, – прищурилась Чила. – Те, что шли перед вами. Они слегка заблудились. Но скоро будут. Через полчаса.

– Демон меня раздери! – вскочил на ноги Веген. – Сколько их?

– Около двадцати, – пробормотала, закатив глаза, старуха. – Но это последние на ближайшие дни. Те пятнадцать, что ушли от острога, не вернуться.

– Не успеем восстановить стену, – заковылял прочь Веген и крикнул уже через плечо. – Ты слушай ее, Торн! Появилась вчера, попросила воды и предупредила об этой нечисти! Две атаки уже отбили! Готовься помогать!

– Не бойся меня, капитан, – сдвинула брови старуха. – Я не убиваю глазами, просто вижу многое.

– И что же ты видишь? – спросил Торн.

– Вы все заражены, но умирать пока не собираетесь, – проговорила старуха. – Особенно ты и твоя дочь. Тебе помогает твое упрямство, а твоей дочери стрикс, хотя упрямства у нее больше, чем у тебя. Но стрикс истаивает. А вот твой друг, – она посмотрела на поджавшего губы Кригера, – хороший человек, но слабый. Запомни, войско ломается как деревяшка – в самом гнилом месте.

– Гнилое место? – с болезненным смешком поднялся на ноги Кригер. – Или все же низкое? Так башня или же гнилой сарай?

– Тебе просто не повезло, – вздохнула старуха. – Хотя сила и слабость всегда ходят рука об руку. Зато повезло всем остальным. Возможно, вы увидите, чем обернется эта жатва, когда всем покажется, что она осеклась.

– Ты не могла бы выражаться чуть яснее? – поморщился Торн.

– Я не провидица, – усмехнулась старуха. – Я чувствую тепло или холод, но не всегда могу объяснить их причину. Особенно, когда речь идет о столь великих замыслах, что даже окинуть взглядом их невозможно. Вот эти два молодых парня, как бы они ни надували зобы, – она кивнула на Ходу и Сопа, – перепуганы насмерть. Зараза сидит в них, но не успела ухватить их за горло. Может быть, она и угаснет, следите за своими стриксами. Это касается и монаха. Вот он, – кивок последовал в сторону Брета, – упрямее и хитрее всех вас вместе взятых, не считая

твоей дочери, капитан, но черноты в нем нет, хотя страха предостаточно. Почти столько же, сколько в нем, – она посмотрела на Флита. – Но разве не борьба с собственным страхом делает мальчишку воином? А вот ты... – она перевела взгляд на Рамлина, – уже претерпел немало. Но не надейся на менгир. Он больше не исцеляет. Стриксы могут отсрочить твою смерть. Менгир бесполезен. Даже опасен.

– Но на нем же нет печати! – воскликнул Торн.

– А разве воевода, отправляя в бой воинов, каждому вручает флаг? – спросила старуха.

– Так и стриксы делаются из менгиров! – развел руками Торн.

– Мало кто умеет их добывать, – качнула головой старуха старуха. – Знаешь почему?

Они добываются кровью. Особым, тайным образом. И это не стриксы уменьшаются на вас, препятствуя поганой магии, это выкипает пролитая кем-то кровь, защищая вас.

– А я? – спросил Вай. – Что со мной?

– То же, что и со всеми, – пожала плечами старуха.

– И что же мне делать? – спросил монах.

– Молиться, – посоветовала старуха. – Молиться не переставая. Не спрашивая себя, слышат ли боги твои молитвы. Они их могут не услышать только в том случае, если их нет в твоём сердце.

– А что делать нам? – спросил Торн. – Как исцелиться?

– Исцелиться так же легко, как перейти через пропасть, – пожала плечами старуха. – Представь себе, что тебе нужно преодолеть глубокое ущелье. Ты – на его краю. А тебе нужно на противоположную сторону.

– И что, демон меня раздери?! – закричал Торн. – Что я должен делать? Найти мост? Сделать мост? Перебросить канат? Перепрыгнуть, если найдется узкое место? Спуститься на самое дно и забраться по противоположной стороне? И как это выглядит, если никакой пропасти нет?

– Есть, – закрыла глаза старуха. – Даже если она только в твоей голове. Правда, я не уверена, стоит ли спускаться на самое дно... Но надо что-то делать. Менгир вы нашли, но я не советую вам к нему прикасаться. Во всяком случае, тем, в ком явно сидит зараза. Сражайтесь, старайтесь выжить, ищите лекарку, продолжайте бороться.

– Это все? – растерялся Торн. – Но ты же ничего не сказала.

– Я сказала больше, чем нужно, – не согласилась старуха. – Старайся.

– Хороший совет, – скривил губы Торн. – И слабое утешение. Примерно то же самое говорили лекари моей жене. Я, кстати, таскал ее от менгира к менгиру. Тут их еще...

– Еще три, – кивнула старуха. – Этот главный в этом краю и самый ближний к Альбиусу. С началом жатвы у остальных появились энсы. В Урсусе их сумели прижать. Два отряда от южных менгиров Веген сумел отразить, третий, из Альбиуса, подходит. Думай, где еще есть менгиры. Не все охвачены жатвой.

– Энсы! – закричал от ворот Веген.

– Рамлин, – процедил сквозь стиснутые зубы Торн, вытаскивая из ножен меч. – Кажется, у тебя есть возможность отомстить за своих родных.

Их и в самом деле было под два десятка. Они шли на деревню строем, и лишь непривычные к верховой езде лошади, частично захваченные в деревнях, объясняли их опоздание. Сверкали стальными искрами плывущие в воздухе мечи, белели маски на лицах. Звенели железные пластины на поясах. Торн оглянулся на Гледу, которая, стиснув губы, стояла у него за спиной, посмотрел на Сопу, на Ходу, на Брета, на Рамлина, размазывающего по лицу слезы, на Флита, замершего с выданным ему Вегеном луком в руках, на Кригера, мрачно покручивающего в руке меч, на Вая, принявшего петлю дрожащим голосом все те же гимны.

– Сейчас они спешатся! – растянул губы в улыбке Веген. – Вон, мы натыкали кольев, не пройдут конными.

«Старуха?» – вспомнил Торн и поискал ее взглядом. Она сидела у менгира и пила ореховый отвар. Над полем разнесся заунывный звук рожка.

– Папа! – закричала Гледа, и ринулась к Кригеру, который при звуках рожка чужаков словно обратился в зверя. Вонзил меч в спину Флиту и готовился напасть на Торна.

«Что же ты творишь?!» – мелькнул изумленный крик в голове Торна. Отлетела в сторону Гледа, которая остановила удар, должный раскроить голову Торну, но не смогла защититься от удара ногой в живот. Захрипел под ногами, заплакал от обиды умирающий Флит. Осколил зубы, меняясь в лице, бывший приятель. Он был крепким воином, капитан альбусской роты. Не хватал звезд с неба, но мог постоять за себя с мечом в руках. Сейчас он сражался так, словно служил в королевской гвардии. Он срубил бы всякого, даже оказавшегося отличным фехтовальщиком Сопы, но теперь ему противостоял Торн. Он отбил первый же выпад Кригера и, открываясь, развернулся вокруг себя. Чиркнул лезвием над ключицей друга, ставшего врагом, не заботясь о том, что тот может оказаться шустрее, и не оглядываясь на захлебнувшегося кровью почти зверя, ринулся в битву, в которой уже размахивала мечом и поднявшаяся на ноги его дочь.

Пожалуй, еще никогда Торн не сражался так, как в этом бою. Он метался взад и вперед, прыгал, как юный мечник, оставаясь умудренным опытом воином. Размазывал чужую кровь по собственному котто, и снова кидался в бой, отмечая, что получивший не слишком тяжелую рану и успевший сразить пару энсов Брет точно выполняет его наставления по переходу в глухую защиту. Что Соп и в этом бою почти ничем не уступает самому Торну, но вовсе исключить из схватки Ходу не может, и тот не только кидает ножи, но и неплохо управляется с мечом. Что Рамлин со своей секирой если и не сражается, как двое воинов, то рычит за пятерых. Что Гледа, которую ему удалось оттеснить за спину, снова выбралась вперед и едва не попала под удар выросшего в длину меча, чудом отшатнулась, и сразила, сразила рослого здоровяка в белой маске!

– Все! – заорал Веген. – Осилили! Однако, берегут меня боги. Опять ни одной раны. А помнишь, Торн, в том походе? Все стрелы были мои! Пятнадцать отметин на тушке!

Торн, пошатываясь, огляделся. Энсы лежали под ногами. И их мечи лежали под ногами и хрустели осколками, когда сапог наступал на них. Веген потерял еще двух стражников и всех вышедших в бой селян. Гледа вытирала меч полый своего котто. Брет заматывал руку. Хола сидел на бревне, уставившись на собственные окровавленные руки. Соп только что не ошупывал подопечного. Сраженный ударом Торна Кригер лежал на теле бедного Флита и все еще был похож на прежнего Кригера, хотя когти на его руках и проткнувшие губу клыки оставались звериными. Вай продолжал петь гимны.

– Заткнись, монах, – попросил Торн, сдирая кулон с шеи Кригера. – Где Рамлин?

– Я здесь, – прохрипел воин, сбрасывая с себя тело энса и пытаясь встать с земли. Одна рука его была отсечена по локоть.

– Подожди, – шагнул к нему Торн. – Левая рука, не самая страшная потеря. Не голова же... Надо перетянуть рану...

– Нет, – Рамлин улыбался. – Я отомстил. Сейчас. Заодно и проверим.

Он все-таки поднялся на ноги и, словно удивляясь самому себе, зажал правой рукой культю и побежал к менгиру. Добежал, ударился о него всем телом, прижался и почти сразу заскреб ногтями вспыхнувшую пламенем шею, задержался, упал и затих.

– Я же говорила, – заметила, подходя, старуха. – Подзови свою дочь, капитан. Я тебя поздравляю, она кроме всего прочего оказалась еще и прекрасным воином. Ты не зря потратил годы на ее обучение.

– Гледа! – окликнул Торн и вновь повернулся к старухе. – Кроме чего прочего?

– Иди сюда, дочка, – старуха воткнула в землю клюку, опустилась на колени и подняла руки. Под упавшими рукавами на худых запястьях обнажились десятки каменных браслетов.

– Это не стриксы, – усмехнулась она. – Это другие камни. Дай мне руку. Вот.

Старуха сняла с руки один из браслетов и надела его на руку Гледы.

– Придете к Унде, покажете. И вам помогут. И вы ей поможете.

– А нам? – подал голос Хода.

– Всем вам, – повторила старуха, вставая на ноги. – Готовься, Веген. Женщины, потерявшие кормильцев, пострашнее энсов.

От домов к воротам бежали свежеиспеченные вдовы. Над деревенькой начинал подниматься вой.

– Спаси и сохрани, – схватился за голову Веген.

Торн оглянулся. Старуха исчезла.

– Где она? – спросил он.

– Вот так всегда, – покачал головой, опускаясь на колени, Веген. – Когда хочет, тогда и появляется. И исчезает так же.

Глава седьмая. Фальшион

*«В каждом миге твоей жизни –
вся твоя жизнь».*

*Трижды вернувшийся
Книга пророчеств*

Все ли обесценивается, когда жатва накрывает землю? Лю Чен и братья ушли за полог вместе с жертвенными камнями. Ло Фенг пока избежал их участи, но уже потерял многое, и выгорающие в его теле стриксы словно обратили его самого в пыточную стену, на которой распяты его предки. Или это наказание? Что есть проступок, а что есть часть схватки, которую воин Клана Теней ведет всю свою жизнь? То, что изменяется – живо. То, что застывает в неизменности – мертво. Но если мир меняется неустойчиво, если рушится сущее, жизнь может укрыться и в неизменности, поскольку все относительно. Грань неуловима, возможно ее вовсе нет. Законы принадлежат небу, под которым они составлены. Но как быть, если небо затянуто непроглядными тучами? И как быть с зияющей раной в груди? Не язвой, оставшейся после извлечения из нее камня, заряженного в мушкет и сразившего захватившего тело Хата жнеца. Нет, зияющей раной в душевной крепости воина, поскольку сын Клана Теней может расстаться с жизнью, защищая свой клан, но нигде не сказано, что он может пожертвовать жизнью другого эйконца, пусть даже вся его жизнь – дух, заключенный в жертвенный камень. Да, Ло Фенг сделал это во имя великой цели, но он убил не себя, он растратил дух своего предка. Растратил навсегда. Оправдывает ли его деяние столь непоправимую утрату? Или оправдает ли? Ведь он еще не добрался до Острова Теней и не поведал старейшинам о происшедшем. А если и не доберется? Как он должен поступать? Или ему не следует обращаться к наставлениям древних, и придется разворачивать чистый пергамент, на котором будут отмечены не угодные клану намерения, а не будет отмечено ничего? Не об этом ли говорили служители Храма Змеи, заставляя будущих воинов заучивать кодексы и предписания и одновременно с этим повторяя, что когда выпадет идти по пепелищу, придется забыть расположение комнат? Не об этом ли твердил наставник, расчерчивая тело юного Ло Фенга хной, чтобы наметить узор, в который должны будут лечь стриксы героев Клана Теней – «Сила и мудрость клана будут поддерживать тебя, но может так случиться, что однажды ты останешься один. И только тогда станет ясно, чего ты стоишь на самом деле. Только тогда, когда сам станешь собственным наставником, ты познаешь полноту вещей. Только тогда, когда ты вовсе останешься без жертвенных камней». Неужели он знал о том, что может произойти? Или это мудрость матери-основательницы рода звучала из его речей? Как должен поступать Ло Фенг? Почему эти мысли лишают его покоя? Не из-за них ли, сомкнув глаза на мгновение, он теперь открывает их так, словно вываливается из долгого забытья? Или ему мстит принесенный в жертву дух его предка?

Вот и теперь. Ло Фенг качнулся, почувствовал тяжесть в руке, тяжесть за спиной, зажмурился, затем оглянулся. Он все знал о тех тропах, которыми можно было прийти во Фризу или уйти из нее. И он точно так же знал бы обо всех дорогах в окрестностях любого города, куда бы ни отправил его служить Клан Теней. Двух вещей эйконец не предполагал: того, что ему придется воспользоваться одной из этих дорог, и того, что его будут сопровождать девять спутников. Удивительно, что никто из них не погиб во время схватки с геллами. Может быть, из-за того, что две женщины – Кенди и Шаннет оказались и впрямь умелы в обращении с оружием и смогли защитить себя? Сварти неплохо стреляла из лука, хотя трудно было предположить, что щуплая девчонка сможет не то что натянуть тетиву, но и удержать лук в руке, а Сли отлично метал кинжал и все, что успевал ухватить. Остальным, не считая самого Ло Фенга, даже не

удалось вступить в битву. Он, Кенди и Шаннет перекрыли деревенскую улицу полностью. Вряд ли геллы ожидали получить отпор от столь разномастного отряда, иначе бы не пытались сначала осыпать стрелами одного эйконца. Но увидев женщин, они остервенели, забыли о луках, обнажили оружие и бросились в атаку, чтобы наказать возомнивших о себе мерзавок. Именно на это Ло Фенг и рассчитывал. Он знал, что в селениях геллов женщины не считались равней мужчинам, поэтому и предложил встать впереди спутникам, которые управлялись с мечами наравне с опытными воинами, что и лишило противника даже проблеска рассудка. Когда же перевес беглецов из Фризы стал явным, отступить было поздно. К тому же горцам нельзя было отказать в мужестве. Единственный из геллов, который решился покинуть поле боя, получил стрелу в спину от Сварти. Остальные пали с оружием в руках, что несколько не успокоило Дума и Руора, которые ловили после боя лошадей, поминая демонов, что им пришлось отсиживаться за спиной женщин. Кенди и Шаннет в свою очередь бурчали что-то об эйконце, которому с его стремительностью если и нужны помощники, то лишь в качестве приманки.

Ло Фенг их не слушал. Прошедшая схватка странным образом истаявала в прошлом, не оставляя после себя ничего. Преодолевая вновь накотившую немощь, он развернул фальшион, несколько мгновений всматривался в чудовищное оружие, затем подозвал Дума и Руора и, заставив их упереть в стволы древесных великанов позаимствованные у геллских башен шести, довольно быстро срубил два кедра, которые с шумом обрушились, перехлестнув верхушками через пропасть. Помощники Ло Фенга в сопровождении Сли, который успел вырыть могилу для несчастных Алуса и Лю Чена, отправились к башням за дверными полотнами, чтобы настелить мост, а Ло Фенг вновь подошел к Рит.

Она все еще не оправилась от совершенного ею же колдовства. Лежала на коленях Трайда, и кровавые пузыри по-прежнему вздувались у нее в уголках губ. Болла смачивала водой платок и протирала рыжей лицо.

– Не волнуйся, – прохрипела Рит, сплевывая и пытаясь запить кровь водой из фляжки. – Легкое не пробито, вообще ничего не пробито. Это поражающая магия. Теперь ты понимаешь, почему мне нельзя было колдовать там – в Водане или по дороге к нему? Для жнеца, в каком бы обличье он ни был, мое колдовство что писк гнуса над ухом. Так бы я еще может и устояла, но уж очень много сил потребовала башня на той стороне.

– Только не говори, что тебя уже прихлопнули, как гнуса, – изобразил улыбку Ло Фенг.

– Нет еще, – попыталась она улыбнуться в ответ. – И, надеюсь, не прихлопнут. Но я бы посоветовала тебе задуматься, как жнец отыскал тебя?

– Мост, который был в этой деревне, единственный с этой стороны хребта, – объяснил Ло Фенг. – Только через него можно было продолжить путь. И местные жители старались, чтобы он оставался единственным. Где ему было еще ждать меня, как не здесь? Дальше пути множатся. И жнец нас не найдет. Надеюсь, он не вселился в кого-то из нашего отряда?

– Я бы почувствовала, – снова глотнула из фляжки Рит.

– Не скрывай подозрений, если они дадут о себе знать, – понизил голос Ло Фенг. – Может быть, ты знаешь и то, почему он не явился в полной силе?

– Ты его уязвил тогда... – она снова закашлялась. – В Водане. Я видела. Я все видела. И стрелы, которые выпускал твой... напарник из окна, тоже. Только не говори, что вы его ждали. Что-то его взяло. Но он не убит. И может оправиться. Ты задавай себе этот вопрос, эйконец, задавай, почему он не явился в полной силе. Это полезно...

– Как ты могла видеть? – спросил Ло Фенг.

– Прости, не сумела пасть ниц, – она снова попыталась улыбнуться, – потому как была распята. А уж закрыть мне глаза... это надо постараться.

– Заставить замолчать тебя точно нельзя, – улыбнулась Болла.

– Откуда взялись геллы? – спросил Трайд, подавая Рит еще одну фляжку воды.

– Дозор на хребте несут жители этой же деревни, – объяснил Ло Фенг, поднимаясь. – Возможно, их семьи были заперты в той башне. Теперь это уже не имеет значения.

– Для меня – имеет, – побледнела Рит.

– Мне все равно, – сказал Ло Фенг.

– Ты так рассуждаешь, будто и не человек вовсе, – Трайд укоризненно покачал головой. – Разве виноваты в случившемся женщины? Дети?

– Разве я кого-то виню? – пожал плечами Ло Фенг. – Пойдем, Трайд. Пусть Болла позаботится о Рит. Мне потребуется помощь мужчин. Надо сделать настил на кедрах и перевести лошадей. Да еще потом и сжечь мост за собой.

– Там, – Рит махнула рукой на противоположную сторону, – мор. Не забудь об этом. Пусть он и на мертвых телах, и это магия, но нельзя прикасаться к ним.

– Клан Теней все знает о жатве, – ответил Ло Фенг. – И он всегда ждет ее.

– Мой клан, – Рит скривила губы, – тоже ждет жатву. И знает о ней не меньше твоего клана.

– Твой клан? – поднял брови Ло Фенг. – Ну, конечно, в воданском трактире каждый вечер складывались по несколько кланов. По двое, по трое вояк. О жатве они, правда, ничего не знали, но в верности друг другу клялись.

– Не обижай меня... – стиснула зубы Рит.

– Выздоровливай, – ответил Ло Фенг. – И запомни, эйконец никогда не просит «не обижать его». Потому что обидеть его нельзя.

– Я не эйконка, – проговорила ему вслед Рит. – Но даже эйконец может получить в сердце стрелу, которую не отбить.

– Каждый надеется на такую стрелу, – кивнул, не оборачиваясь, Ло Фенг.

Он стал присматривать за ней против своей воли. Удивился, когда понял, что то и дело косит в ее сторону взглядом. Смотрел не за тем, как умелая в обращении с лошадьми Шаннет переводит по наскоро сооруженному мосту на противоположную сторону пропасти захваченных животных, а как Рит переносит на руках бородач Дум. Смотрел не за тем, чтобы никто не коснулся сдвинутых шестами в сторону трупов, а как устраивает Рит перед собой на лошади темнокожая Кенди.

– Не волнуйся, эйконец, – рассмеялась та, заставив его отвести взгляд. – Она не в моем вкусе. Слишком упруга. Но тебе может понравиться. Когда придет в себя.

У Рит не нашлось сил даже на то, чтобы отшутиться, хотя поесть она смогла.

– Такое бывает, – заметил Трайд, который оказался немного знаком с врачеванием. – Ничего не могу сказать насчет магии, но после тяжелой работы случается. У плохого хозяина так умирают рабы – кровь течет из горла, и сил не хватает даже на то, чтобы дышать. Она просто надорвалась.

– В бою не надрываются, – не согласился Ло Фенг. – Либо гибнут, либо побеждают. Она победила.

– Тяжелая это была победа, – заметил Трайд.

– Надеюсь, что не последняя, – ответил Ло Фенг.

Она смогла говорить, не задыхаясь, на третий день, когда отряд преодолел один из самых сложных переходов, миновал укромное, заваленное осыпями, почти непроходимое ущелье, и начал спускаться охотничьими тропами к наезженным дорогам, но подошла к Ло Фенгу на четвертый. Сидя в отдалении, он выковыривал концом ножа из груди спекшийся в комок пепла выгоревший стрикс.

– По одному на каждый два, три или четыре дня, – заметила она. – Или стриксы у тебя маловаты, или обожжен ты так, что другим и не снилось. Сколько у тебя еще времени?

– Надеюсь, мне хватит, – стиснул зубы и запахнул котто Ло Фенг. – Они не должны были выгорать с такой скоростью, наверное, это из-за жнеца. Они вообще не должны были выгорать, возможно, эта жатва отличается от прочих. Но если стриксы выгорят все без остатка, жатва не заберет меня сразу. Отпустит немного времени.

– Времени на что? – спросила она, садясь на камень в трех шагах от него.

– Вернуться домой, – сказал он. – Тебе есть что мне сказать?

– Не знаю, – она убрала с лица непослушные рыжие пряди, почесала конопатый, задорно вздернутый нос. – Но, думаю, есть что услышать.

– Почему ты думаешь, что я буду ублажать твой слух? – не понял он.

– У тебя ведь тоже есть вопросы? – предположила Рит. – Мы можем обменяться ответами.

– Разве твой клан знает не все? – усмехнулся Ло Фенг.

– Так же, как и твой, – пожала плечами Рит. – Скажи мне, эйконец, почему вы бросились на жнеца а затем ушли из города? Вы не должны были этого делать.

– Откуда ты знаешь, что должны делать эйконцы? – спросил Ло Фенг.

– Меня учили, – ответила Рит. – Мудрость моего клана в том, что нужно знать все, что можно знать.

– Ты для этого пришла во Фризу? – поинтересовался Ло Фенг, зашнуровывая котто. – Для этого выучила храмовый язык? Даже эйконцы не знают его.

– Я не эйконка, – ответила Рит. – И язык храма не учила. Он мой родной.

– Так ты... – оторопело уставился на девчонку Ло Фенг.

– Да, я из кимров, – кивнула она.

– Они же людоеды... – пробормотал Ло Фенг. – Все равно, что не люди...

– А у эйконцев нет женщин, и детей рожают мужчины, – парировала Рит.

– Бред, – скривил губы Ло Фенг.

– Бред, – согласилась Рит.

– Тогда ты почти дома, – махнул рукой на запад Ло Фенг. – Там, за Хмельной падью ваше логово?

– Мой дом – не логово, – не согласилась Рит. – И я его тебе покажу.

– Мой дом там, – показал на юго-запад Ло Фенг. – Тысяча лиг пути, если идти через Долину Милости и Вандилский лес. Или еще больше, если идти через Бальдар. Но, думаю, бальдарский путь теперь плохой выбор.

– Думаю, в твоих узорах недостаточно стриксов для долгого пути, – заметила Рит. – К тому же не стоит рассчитывать на сменных лошадей и открытую дорогу. Хотя, если под одеждой ты покрыт стриксами сплошь... Тогда ты сможешь проползти до Острова Теней змеей. Но я не слышу хруста камней, когда ты движешься. В любом случае, без помощи ты не обойдешься...

– Разве я просил о помощи? – не понял Ло Фенг. – Или это хитрый способ дать понять, что моя помощь нужна вам?

– Не буду скрывать, – улыбнулась Рит, – с тобой, эйконец, пересечь Долину милости легче, чем без тебя. Но и наша помощь может оказаться неоценимой. Ты же сам сказал, что там, за Хмельной падью, мой дом. Почему бы тебе не воспользоваться моим гостеприимством? Подумай о моем предложении, тем более, что я не зову тебя в шатер или в тайное убежище кимров. Я предлагаю лишь степь, небо, дороги, о которых мало кто знает. И возможность избежать глупой смерти.

– Смерть не может быть глупой, – ответил Ло Фенг. – Даже если глупой оказывается целая жизнь, смерть – это только смерть. Смерть мне не грозит. Я не могу умереть. Я должен добраться до дома раньше, чем погибну.

– Ты поэтому нарушил контракт? – спросила Рит.

– Что ты знаешь о контрактах? – посмотрел ей в глаза Ло Фенг.

– Эйконец не может нарушить контракт, – не отвела взгляда Рит. – Это так же точно, как и то, что его жизнь принадлежит его клану.

– А твоя жизнь принадлежит тебе? – усмехнулся Ло Фенг.

– Мне и только мне, – твердо сказала Рит. – Но мой клан будет огорчен, если со мной что-то случится.

– Уже случилось, – заметил Ло Фенг. – Ты отправилась во Фризу и вляпалась в нехорошую историю. Иди спать.

– Еще не ночь, – оглянулась Рит.

– Дальше мы будем идти ночью, – пообещал Ло Фенг. – И будем идти быстро. Не забывай, что мы еще не в твоей степи. Это Геллия. Через три или четыре дня тайными тропами, о которых не знают или забыли даже здешние геллы, мы выберемся к Черному храму, оттуда по ущелью пройдем к Красным воротам. Там заканчиваются Бальдарские горы и там мы расстанемся. Я отправлюсь к своему дому, а вы сможете отправляться куда угодно.

– Не совершай ошибки.

Ло Фенг вздрогнул, потому что Рита произнесла это по-эйконски. Вот уж точно на его языке она не могла говорить. Но она говорила!

– О чем ты? – ответил он на родном языке и получил ответ на нем же, против своей воли наслаждаясь интонациями родной речи.

– Все дороги перекрыты, – продолжила Рит. – Три легиона идут по Бальдарскому и Фризскому трактам. Геллы собирают ополчение. Война грядет. Или ты думаешь, что тысячу невольников должны были распять в Водане и этим успокоиться? Я всю дорогу слушала бахвальство Пелко Сотури. Для того и дерзила ему, чтобы оказаться рядом и вызнать о происходящем, чего бы это мне ни стоило. Война начинается, эйконец. Вход в Долину милости будет перекрыт. Думаю, тамошние разбойники уже расползаются по тайным укрытиям. Часть невольников будет умерщвлена у Лежащего менгира у Большого провала, прочих погонят в Беркану. Зачем – не знаю. Пелко Сотури и сам не знает, не он правит этим походом, но то, что один из трех легионов отдан под его руку, пропел не менее сотни раз. Но двинутся на юг они только вместе с невольниками. Сколько времени занимает преодоление тоннеля?

– Если фризы сумеют запустить машину – меньше одного дня, – ответил Ло Фенг.

– Тоннель заканчивается в сотне лиг от Черного храма, – кивнула Рит. – Тебя будут ждать, Ло Фенг. У храма тебя будут ждать. Значит, и нас. Кому ты служил?

– Бургомистру Водана, – проговорил Ло Фенг.

– Седому и подтянутому? – задумалась Рит. – Я разглядела его тогда на галерее... Он стоял рядом с ненавистным графом. Не думаю, что он простит...

– О каком прощении ты говоришь? – вновь заговорил по-фризски Ло Фенг. – Разве я убил хотя бы одного его стражника? Я нарушил контракт, но в нем ничего не было сказано об обиде и о прощении. Я виноват только перед своим кланом, но моя вина меньше моего долга. Это тебе нужно беспокоиться. Разве не ты вызвала жнеца?

– Он появился бы все равно, – ответила она. – Я всего лишь просила стойкости духа перед смертью.

– Да, – скривил губы Ло Фенг. – Этим боги одаривают многих. К несчастью, больше им одаривать нечем. Иногда полезнее не попадать в такие истории, после которых приходится обращаться к богам. Учись, кимрка. Следующей ночью мы ступим на тропу, о которой не знают даже местные жители.

– Тебя что-то беспокоит... – она прищурилась, вглядываясь в тающее в вечерней мгле лицо Ло Фенга. – Неужели Кенди права? Хорошо, я попробую поспать пару часов... А о тропе, на которую мы должны ступить, я знаю. Она начинается у сгоревшего дуба? Мои родные края близко. Я почти дома, эйконец.

Она посмотрела на запад, он проследил за ее взглядом и принялся рассматривать выпавших ему спутников. Они постепенно прирастали друг к другу. Шептались у костра, подсмеивались друг над другом, рассказывали что-то. Трайд кашеварил, Дум расправлял усы и плечи, Роур и Сли, которые сдружились, азартно трясли глиняный стаканчик с костями, а женщины то потешались над Роуром, то оглядывались на него, Ло Фенга, который всегда был в отдалении. Кенди даже помахала им рукой.

– В чем она права? – спросил Ло Фенг.

– Тебя могут убить, – прошептала Рит. – Она сказала, что Клан Теней убивает отступников. Ты ведь теперь отступник?

– Нет, – процедил сквозь зубы Ло Фенг. – Я не отступник. Просто моя нынешняя служба куда важнее любых контрактов. Стоит мне добраться до Острова Теней...

– Но пока ты не добрался, считаешься отступником, – поняла Рит.

– Я взял контракт в Водане три года назад, – проговорил Ло Фенг. – Мы пришли к барону с клеткой почтовых голубей. Каждый из нас делает так же. Если контракт разорван, голубей отпускают. День, два – и они в родной голубятне. И если клан знает, что Ло Фенг отступник, то такие же голуби полетели в те города, через которые может лежать мой путь. В каждом из этих городов есть неприметный человек – водонос, дворник, швея, прачка – кто-то, кто поймет, что пришел его черед.

– Значит, эйконки существуют? – улыбнулась Рит.

– Не сомневайся, – ответил Ло Фенг. – И они управляются с оружием не хуже эйконцев. Но убивать меня пошлют не эйконца и не эйконку. Нет, скорее, кого-то вроде тебя.

– И они справятся с тобой? – удивилась Рит.

– Может быть... – Ло Фенг с неохотой говорил с Рит, но лишь отчаянным усилием заставлял себя не смотреть на нее. – Они тоже воспитанники клана. Но инородцы. Как раз для такого случая. И я никого из них не знаю в лицо. Если бы ты захотела – ты смогла бы убить меня. Всегда есть миг, который служит убийце.

– Ты боишься, – поняла Рит.

– Да, – кивнул Ло Фенг. – Но не того, о чем ты думаешь. Весть, которую я должен принести в клан, слишком важна, чтобы оборваться вместе с моей жизнью на половине пути. Но есть еще одно. Я буду защищаться, и значит, сам убью кого-то из них. И это меня гнетет. Это ненужная жертва.

– А бывают нужные? – все еще с трудом выпрямилась Рит.

– Случаются, – кивнул Ло Фенг. – Мои братья погибли в Водане не зря. Хотя, все зависит от того, сумею ли я добраться до Острова Теней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.